

Исповедь Розабеллы

Дорофея Анисимова

роман

Annotation

Ревнивая жена нанимает детектива, чтобы он вывел ее мужа на чистую воду. И вот — Любовница найдена. Но... эта любовница находится при смерти и решает открыть душу детективу. Решает поведать ему свою историю любви и заставить по другому отнестись ко всей ситуации в целом.

Дорофея Анисимова
Исповедь Розабеллы

— Приступайте к работе сегодня же! Я не намерена ждать ни минуты!

Я сидела в кресле напротив женщины, голос которой раздражал меня своей холодностью и ненавистной хрипотцой. Наверное, отработывала его половину своей жизни. Как и все остальное.

Оторвавшись от документов в своих руках, я пристальным взглядом окинула высокую худощавую фигуру, стоящую рядом. На ней было строгое черное платье с низким вырезом на груди и темные туфли на высоких каблуках. Светлые волосы моей новой временной начальницы были завязаны в высокий хвост на затылке, а своими аристократическими пальцами она нервно перебирала бусы на длинной шее. Взгляд голубых глаз был устремлен на меня, но в них не было осмысленности. Даже наоборот! В них плескалось чистое безумие.

Ну и как мне поверить, что такой женщине может изменять муж? И, вообще, как муж может изменять такой женщине, как эта? Хотя холодность и притупляет ее красоту, она все же остается прекрасной.

Эх, все мужики св.... Это не подложит обсуждению. Они не ценят женскую красоту и не ценят нашу хрупкую душу.

Вы поняли меня? — голос прозвучал прямо у меня над ухом, заставив меня вздрогнуть и оторваться от своих мыслей.

Так! Хватит думать о всякой чепухе! Не так уж и удивительно, что муж изменяет этой ледяной стерве. Выпрямившись и слегка оттолкнув эту ханжу от себя, я твердым и бесстрастным голосом произнесла:

— Я все поняла, Наталья Дмитриевна. Слежка за вашим мужем начнется сего...

— Нет! Сию минуту, Валентина Сергеевна, — прервав меня, прошипела гадюка. Ух, чуется мое сердце, зря я взялась за это дело.

Обычно я избегала таких дел-жутко не люблю копаться в чужом дерьме. Но другой работы не было, а деньги позарез нужны именно сейчас. Ну ничего, не опускайся. Ты же профессионал в своем деле Валя! Не так уж и трудно найти какую-то любовницу, сфоткать в самый лучший момент и предоставить факты ревнивой жене.

Я медленно собрала документы в одну папку и, закрыв ее, встала. Мои губы сложились в нелепую улыбку, когда я поняла, что возвышаюсь над этой выскочкой на несколько сантиметров. Это придало уверенности и моему голосу:

— Я сделаю все, что от меня зависит. А вы не вмешивайтесь и ждите новостей.

Было очень приятно видеть как ледяная маска, хоть и на секунду, сменилась удивлением. Не привыкла «ЛЕДИ», когда тебе перечат.

Глава 1

Поправив волосы, которые всегда отличались непокорностью, я медленно подняла руку и постучалась в дверь квартиры № 323. Звонок не работал. Проверяла. А, хотя, что ожидать от такого захолустья? Хорошо тебя припрятали от стервозной женушки.

Прождав минуту, я уже собиралась постучать еще раз, когда из квартиры послышался приятный женский голос:

— Минутку, милый. Я быстро.

Так все-таки я нашла Тебя, после недельных поисков. Не знаю почему, но я нервничала. Такого со мной еще никогда не было. Многие коллеги даже обозвали меня снежной королевой из-за невозмутимости и непоколебимости. Увидели бы они меня сейчас. Руки дрожат, губы перекусаны от волнения, а щеки горят лихорадочным румянцем, который виден за пару километров. Всегда ненавидела свою природную бледность и рыжий цвет волос. Все ожидают вспыльчивости и страсти, а видят лишь полное равнодушие, которое я отработывала много лет. Обломитесь.

За дверью послышались шаги и я, отбросив все инородные мысли, выпрямилась, готовясь встретиться с накрашенной простушкой.

Один... щелкает замок!

Два... дверь тихо приоткрывается!

Три.... О-о-о!!!!(Это мой рот приоткрылся от удивления.)

Я не знала, что сказать. Просто застыла с открытым ртом и ошеломленно смотрела на молодую невысокую девушку, стоявшую передо мной. Девушку поразительной, никогда невиданной мною красоты.

Иссиня-черные, блестящие волосы волнами ложились на хрупкие плечи и опускались дальше, добираясь почти до колен. Огромные, на пол лица, изумрудные глаза были чуть прикрыты длинными ресницами. Алые полные губы добродушно улыбались, открывая моему взору глубокую ямочку на левой щеке. А красное платье, надетое на великолепную фигуру, блестяще подчеркивало смуглый оттенок кожи. Я говорила, что моя начальница красива? Беру свои слова обратно. Ее красота просто блекнет перед этой.

Когда дверь полностью открылась и объект моего задания увидела, кто стоит за дверью, улыбка медленно сошла с ее губ, а черные аккуратные брови вопросительно изогнулись.

Я быстро мотнула головой, дабы освободиться от наваждения и хриплым голосом прошептала:

— Извините, вы Розабелла?

Теперь в ее глазах появилась настороженность и она ответила мне вопросом на вопрос:

— А вы? — Оригинально!

Я протянула руку и представилась:

Валентина Подольская.

Бровь изогнулась еще выше:

— И?

Черт! Как глупо! Я полностью забыла так четко подготовленную речь. Надо собраться. Помни о долге отца. Помни!

Это немного отрезвило меня и я более уверенно произнесла:

— Я пришла, чтобы поговорить с вами о Максиме Чернышевском.

Я увидела, как после имени, произнесенным мною, лицо девушки болезненно поморщилось и пожав мою руку, она отодвинулась. Теперь уже мои брови удивленно поползли вверх, а после следующих слов, я вообще не смогла двинуться с места.

— Вас наняла Наталья.

Это был даже не вопрос, а утверждение. Что-то в последние минуты меня легко вводят в ступор. Когда я подготавливала свою речь, я хотела притвориться троюродной сестрой изменника, чтобы мне доверились и открылись. А теперь, кажется вся моя работа пойдет к чертям. Первый груз поражения опустился на мои плечи и я уже хотела попрощаться со своими деньгами и работой, когда девушка втянула меня в прихожую и закрыв дверь изрекла:

— Не волнуйтесь, вы не потеряете свою работу, — она что, читает мысли? — давайте пройдем в гостиную и там все обсудим.

На ватных ногах я последовала за хозяйкой, мельком оглядывая квартиру. Ничего так. Уютненько. Повсюду, на стенах, развешаны картины с пейзажами, на полу большой ковер, покрывающий всю часть комнаты. На стенах голубого цвета обои. Того же цвета занавески и на двух окнах, расположенных симметрично друг от друга. Посередине стоит диван, а рядом маленький столик с журналами и книгами. Прямо напротив входа в гостевую располагается еще одна дверь, но она прикрыта.

По приглашению, усаживаюсь на диван и, наконец, выплескиваю шквал затопивших меня эмоций:

— С чего вы решили, что я от нее? Откуда вы узнали? Почему вы ведете себя так, будто ничего страшного не произошло? Не бойтесь?

И все же эти «многие» правы: Рыжики эмоциональны!

На все мои вопросы брюнетка лишь мило улыбнулась и исчезла за дверью, чтобы через несколько минут опуститься рядом со мной с двумя чашками крепкого кофе(могу определить это по запаху), один из которых она протянула мне.

Несколько минут она не отрываясь смотрела на меня, иногда попивая крепкий напиток маленькими глотками, а потом выдала:

— Вы порицаете меня.

И снова утверждение. А я молчу. Но что мне сказать?

«Да, я порицаю вас! Мне претит все это» или «Нет, конечно, вы что? Это же нормально отбирать у жены мужа и разрушать счастье людей». Хотя о счастье здесь речи и не идет.

А девушка и не ждала от меня ответа, ибо продолжила:

— Не волнуйтесь, я привыкла к осуждению и презрению. Вы не первая и не последняя. Так что, расслабьтесь и скажите, что заставило вас пойти на это.

Да-а, все мои представления об этой девушке были ложными. Я считала ее накрашенной простушкой? Передо мной сидит ухоженная, можно сказать, истинная леди. Ожидала увидеть женщину среднего возраста? Так, нет. Оказалось, что она молодого возраста. Ей не дашь больше 20. Ох, да еще этот голос, пропитанный мягкостью и взгляд умных глаз. Сразу видно, что образованная. Так, что же ее подвигло на роль любовницы?

— А что может меня заставить? Работа и только работа, — ответила я и прежде чем меня покинула смелость задала ей ее же вопрос, — А что заставило вас пойти на это?

Розабелла медленно улыбнулась и произнесла единственное слово:

— ЛЮБОВЬ.

Здесь я уже не смогла сдержаться:

— И что же это за любовь такая? Разрушающая счастье семейной пары? Эгоистичная?

На миг я даже пожалела, что всплыла, увидев, как глаза, сидящей напротив девушки слегка увлажнились. Но это же правда, не так ли? Если любовь существует лишь в таком виде, то зачем она вообще? И можно ли ее назвать любовью? Что делать женам, которые ночами не спят, ожидая неверных мужей? Что делать беззащитным детям, когда их родители расходятся именно из-за такой «ЛЮБВИ»?

Нет, не верю я и точка!!!

— Прежде чем сделаете свои выводы, можете выслушать истину таких отношений?

— А разве она есть?

Розабелла поставила чашку на стол и поднявшись, подошла к окну. Ну... святая невинность!!! Что же ты такое хочешь мне рассказать и почему именно мне? Кажется я произнесла последнее вслух или она точно умеет читать мысли:

— Иногда излить душу постороннему человеку бывает проще чем близкому.

А почему вы хотите излить ее именно мне, ведь я же, в некотором роде, ваш враг.

Розабелла отвернулась от окна и взглянула на меня. Наверное, ждала от меня другой речи. Что-то типа: «ОХ! Я так счастлива, что вы решили довериться мне.»

— Наталья уже несколько лет знает о моем существовании! — А вот этого я совсем не ожидала, — Просто она закрывала на это глаза, ожидая, что я надоем Максиму, как и все другие.

То, как она произнесла имя изменника поразило меня не меньше, чем эта неожиданная новость. С придыхание, нежностью...с какой-то безмерной тоской. Неужели, все-таки любовь? Неужели, я ошиблась...

Следующие слова подтвердили мои раздумья:

— Я очень виновата перед ней! И, даже если, она и простит меня когда-нибудь, сама я не прощу себя никогда. Не прощу за свою слабость перед этой любовью и бессилие перед этим человеком. Не прощу за то, что много лет назад вышла на неверный путь и разрушила судьбы близких мне людей...

Если честно, то этот голос завораживал меня. В нем было столько боли, а в глазах столько грусти и обреченности, что я неосознанно подалась вперед, чтобы вслушаться в глубины очаровывающего повествования...

POV Розабелла

Да... Ну сегодня и денек.

25 декабря... Мое день рождение и, одновременно, первая в жизни сессия.

Хорош праздник!!! Так обложаться на первом же зачете. Отправили на пересдачу. Не стали слушать даже причины моей не подготовки. А ведь они есть! РАЗВЕ ПРОСИДЕТЬ ДНЯ У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОЙ МАТЕРИ В БОЛЬНИЦЕ, ПОСЛЕ МИНИ-ИНСУЛЬТА ПРИЧИНА?

Для меня да, а вот для «высококвалифицированного» преподавателя экономики и права, как оказалось, это не уважительная причина.

Что тут поделаешь? Придется пересдавать.

Воспоминания о матери отозвались болью в душе. Надо срочно зайти в аптеку и купить необходимые обезболивающие таблетки. Мама весь вечер держалась за сердце. Если с ней что-нибудь случится... Прикрыв глаза и глубоко втянув холодный зимний воздух, я остановилась на несколько минут, чтобы собраться и отбросить дурные мысли. Надо отгородиться от всего плохого и думать о родных, ждущих меня дома. О братике, который

будет требовать от меня дополнительных миндальных конфет за успехи в школе. О маме, которая, хоть и было ей прописано лежать в постели, обязательно будет что-то готовить на кухне.

Улыбнувшись этим мыслям и настроившись на позитивный лад, я уже хотела двинуться с места, когда прямо над моим ухом прозвучал бархатный низкий голос.

— С вами все в порядке, девушка?

От неожиданности я вздрогнула и сумка выпала из моих рук прямо в лужу под ногами. Ну, надо же было остановиться посреди улицы рядом с огромной лужей. Черт! Черт! Черт! Мне, как всегда везет. Услышав усмешку позади, я разозлилась еще больше и повернулась, чтобы сказать несколько «неприличных» слов виновнику всего этого, да так и застыла с открытым ртом.

Передо мной стоял самый красивый из всех мужчин, виденных мною за все полные 18 лет. Мужчина, от которого так и веяло мужественностью, силой и страстью.

Высокий, смуглый брюнет с коротко стриженными волосами и темно-карими, бездонными глазами, обрамленными длинными ресницами. Глазами такой глубины, что меня поневоле затягивало в эту бездну. Прямой нос, твердый подбородок и полные, в меру для мужчины, губы, которые... Которые были сложены в насмешливую улыбку.

Эта его улыбка и отрезвила меня, заставив прикрыть рот и подняв уже мокрую сумку, развернуться, чтобы уйти. Уйти по английски, ничего не сказав. Но, не получилось.

Я почувствовала, как твердая огромная рука незнакомца обхватила мой локоть, чтобы в следующую секунду повернуть лицом к себе:

— Как невежливо, малышка. Тебя не учили вежливости?

Ну, все! Розабелла никогда не прощает насмешек и оскорблений.

— А вас не учили, что толкаться прерогатива невежд?

Моя реплика кажется лишь позабавила этого тупицу, поскольку губы, так притягивающие мой взгляд, растянулись еще шире.

— А ты не лишена дерзости, да?

Пропустив его слова мимо ушей, я окинула взглядом его замшевую куртку и плотно обтягивающие джинсовые брюки. Слишком обтягивающие. Поразмыслив немного, я выдернула руку из его ослабевшей хватки и проговорила:

— Извините у меня нет ни желания, ни времени с вами разговаривать. Good Bye!

И снова этот... не знаю как его назвать, не дал мне пройти, преградив своим мощным, кажется накаченным, телом, дорогу. ФУ! Достал! Хоть и чертовски нравится, но достал!

— Что-вам-нужно? — по слогам прошипела я.

— ТЫ!

Его ответ заставил меня вскинуть голову вверх, ибо не дотягивала я даже до его подбородка и удивленно вздернуть брови.

— Не поняла!

— А сейчас поймешь, рыбка!

Отреагировать я не успела, как он быстро наклонился и припал страстным поцелуем к моим губам. Таких бурных ощущений, которые затопили все мое существо вместе с его губами, я никогда не испытывала. Мне казалось, что я взорвусь от переполнивших меня эмоций и удовольствия.

Его губы были твердыми, но нежными. Требующими, но обволакивающими. А когда его язык проник в мой приоткрытый рот, голова миглом закружилась, сердце начало колотиться с

неимоверной быстротой, а колени подогнулись. Если бы он не держал меня, я бы точно распласталась на мокрой, от растаявшего снега, земле.

И когда он успел обхватить меня руками и тесно прижать к себе?

Поцелуй длился не больше минуты, но мне это показалось вечностью. Оторвавшись от моих уже распухших губ, незнакомец пригвоздил меня взглядом, в котором читалось безмерное желание.

Я не знала, что думать.

Да, большого опыта в поцелуях у меня не было, но я с уверенностью могла сказать, что этот был самым лучшим, из всех, которые я испытала и которые придется.

— Максим Чернышевский.

О, люди. Этот голос. Пронизывающий до костей.

— Розабелла. Просто Розабелла.

А этот голос уже мой. Едва слышный, дрожащий. Щеки залила краска стыда, когда до меня вдруг дошло, что он поцеловал меня посреди огромной улицы и на виду у всех. Благо, что сейчас зима и немногие любят прогуливаться в такую погоду.

Нерешительными движениями, я отстранилась от излучающего тепло тела и отступила назад.

Я не могла оторвать от него глаз и понимала, что чувства, зарождающиеся в душе можно назвать лишь одним словом. Возможно ли влюбиться в человека так быстро?

Неужели любовь с первого взгляда существует в реальности?

Меня, конечно, можно с уверенностью отнести к романтикам, но до такой степени? Как я могу так быстро привязаться к незнакомому мне парню. Нет, не парню. Мужчине. Ему, наверное, 30 с небольшим.

Нет, это не так. Я ни в кого не влюбилась. Это невозможно за такой короткий срок.

— А давай проверим?

Упс, кажется я произнесла это вслух. Мой недостаток.

— Как?

Голос никак не может звучать увереннее, да и сердце стучит так громко, что вся Москва слышит. Не обсуждается.

Незнакомец, а он для меня все еще остается незнакомцем-имя ничего не дает, протягивает ко мне руку и нежным движением касается холодных щек.

— Такая нежная, — подходит ближе и носом утыкается в открытую шею, заставив содрогнуться, — такая шелковая, — языком проводит по бешено бьющейся жилке, — такая сладкая. И вся моя. ТОЛЬКО МОЯ! НАВСЕГДА!

Именно эти его слова предрешили всю мою дальнейшую судьбу. Именно они затянули меня в омут безграничной боли, всепоглощающей любви, долгожданного счастья и неимоверной грусти.

Именно в те минуты, стоя в обнимку с обаятельным незнакомцем, так легко покорившим меня, истина постигла все мое существо. Начиная от кончиков пальцев и кончая где-то в глубинах бесконечной души. Истина двух слов:

«ТВОЯ! НАВСЕГДА!»

Глава 2 Счастье и любовь

POV Розабелла

Любовь ушла

Любовь ушла, оставив горстку пепла,
Сожженных чувств, обуглившихся фраз,

Душа от одиночества ослепла:

Зачем глаза ей, коли свет погас.

Любовь ушла, оставив кучку пыли,

Ушла не понарошку, а всерьез.

Кто виноват и что не поделили

Теперь уже бессмысленный вопрос.

Любовь ушла, оставив на трельяже

Один из снимков сделанных тогда,

Когда мы не задумывались даже:

Что впереди у нас? Минуты иль года?

Любовь ушла. Ушла! Не обернулась!

Не дрогнула натянутой спиной,

И не дала намека на сутулость,

И повода сказать тебе: «Постой!»

Александр Тюльпин

Как назвать то счастье, которое происходит с тобой помимо твоей воли? Как описать то счастье, которое преследует тебя каждый день, каждую минуту и каждую секунду?

Почему помимо воли? Да потому что, каждый человек испытывая чрезмерное счастье, постоянно задумывается: «В какое время наступит тот момент, когда это счастье исчезнет, испарится и уступит место горю и тоске? Когда мы поймем, что счастье обернулось несчастьем, а радость-болью? В какой миг наш смех оборвется и вытеснится из души горькими беззвучными слезами?»

У каждого из нас существуют свои понятия «счастья». Для одних-это много денег и дорогая машина.

Для других — улыбка ребенка и радость близких.

Для меня же в те минуты, счастье заключалось во встречах каждого рассвета с любимым человеком.

С одной стороны мое сердце радовалось каждому мигу, проведенному с Максимом, а с другой- сжималось от плохого предчувствия.

С момента нашей встречи прошло 3 с половиной месяца и все это время мы с Максом не расставались ни на минуту. Конечно, не в прямом смысле, но все-таки не проходило и дня без наших встреч.

Я понимала, что все происходит слишком быстро, что все слишком «нереально прекрасно», но не могла противостоять этому. Моя душа стремилась к НЕМУ, мое сердце отбивало свой ритм РАДИ НЕГО, мое тело принадлежало и изнывало от желания к НЕМУ Он был моим первым и единственным любовником. И останется таким НАВСЕГДА.

Кажется, что за эти месяцы мы успели побывать везде, где можно побывать. Поговорили обо всем, о чем можно было рассуждать. Поделили этот мир только для нас

двоих и раскрыли свои объятия всему новому... но...

У всех же бывает это «НО» не так ли? Или только у меня одной?

Не знаю, но что-то гложило меня, что-то тревожило, не давая полностью открыться этому счастью и этой любви.

А сейчас, перебирая все это в уме, я нахожу этому "что-то" лишь одно объяснение. И один случай, произошедший тогда, подтверждает это.

— Дорогая, к тебе гость, — низкий голос мамы вывел меня из глубоких раздумий и я подняла голову, оторвавшись от книги, которую даже не потрудились открыть.

Встав с кровати и подбежав к зеркалу, стоявшему в правом от него углу, я быстро поправила волосы и обернулась к маме, которая все это время с улыбкой наблюдала за моими действиями. Хоть ей и было 49 лет, она все еще оставалась красивой женщиной: черные волосы, на которых еще не пробилась седина и миндалевидные карие глаза, по углам которых расходились единственные на всем лице морщинки. Фигура сохранила подтянутость, а ноги поражали своей длиной.

— Давно он пришел, мама? — спросила я, чтобы скрыть свое волнение. Хоть и прошло 3 месяца, как мы с ним были знакомы-на каждом свидании я волновалась, как на первом. Сегодня вечером он пригласил меня на выставку его друга.

— Всего лишь несколько минут назад. Он не зашел к нам. Сказал, что вы почти опаздываете и будет ждать тебя внизу.

— Тогда я пойду, мам, — проговорила я быстро, направляясь к выходу из комнаты.

Поравнявшись с ней, я крепко ее обняла и от обуревавших меня чувств, не сдержавшись прошептала:

— Я так счастлива, мама. Так счастлива.

На что мама ничего не ответила, а лишь еще крепче прижала меня к себе.

— Все было прекрасно, Максим.

Был уже поздний вечер, когда мы с ним возвращались домой, держась за руки по ночным улицам Москвы. Вечер прошел прекрасно. Я познакомилась с друзьями Максима и другими интересными людьми. Сегодня мне чуть-чуть приоткрылась дверь в его жизнь. Ведь, если честно, хоть и трудно это признавать-Я НИЧЕГО ТОЛКОМ И НЕ ЗНАЮ НЕМ!!!!

Мне известно лишь, что его зовут МАКСИМ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ и он из Питера.

Где работает? С кем живет? Кто его друзья? У меня не было ответов на эти вопросы. Но до сих пор я и не задумывалась над этим.

Только сегодня, когда один из его знакомых, по имени Влад, упомянул что-то о его семье, до меня вдруг дошла горькая истина того, что я полный ноль в знаниях о его жизни по ту сторону Москвы.

И именно тогда я приняла решение спросить у него об этом.

— Да, моя рыбка. Все было прекрасно.

Мне показалось или в его голосе мне послышалось раздражение? Решив удостовериться в своей мысли я обратила свой, скользящий по ночному небу взор, на любимого.

Но на лице Макса ничего не отражалось. Абсолютное бесстрашие. Как всегда!

Тяжело вдохнув апрельский воздух, я решила затронуть интересующую меня тему, хоть и чувствовала, что это не понравится ему:

— Максим, а у тебя есть братья или сестры?

— Нет!

Да уж! Хороший ответ!

— Мама?

— Нет!

Раздражение начало вспыхивать и во мне.

— Папа?

— Нет!

ВСЕ!

— Да что ж такое, черт побери? У тебя, что никого нет или ты не хочешь со мной поделиться?

Я остановилась и резко обернулась к нему. А зря! Его красивое лицо и мужественный взгляд мигом потушили мою ярость, как огонь-воду!

Не желая сдавать свои позиции, я вновь отвернулась и вперила взглядом в огромную вывеску напротив.

Если я ожидала извинений или горячих объятий, то глубоко заблуждалась. Его твердые руки обхватили меня за плечи и резко развернули к себе лицом.

(Чест слово, ощущение ДеЖаВю.)

Взгляд на его поджатые губы и яростный блеск глас подсказал мне, что он зол. Очень зол.

Но что я такого сделала? Неужели девушке нельзя спросить любимого человека о его семье? Или это для меня одной сделали исключение?

— Послушай Розабелла, — (полное имя-предвестник надвигающейся бури), — я сделаю для тебя все, что ты попросишь. Достану все, что ты захочешь. Расскажу обо всем, что я знаю...

— Так расскажи о своей семье.

— ...но, единственный запрет для тебя-ЭТО МОЯ СЕМЬЯ!!!

— Но...

— Все! Тема закрыта! И никогда не смей затрагивать эту тему.

— А...

— Зря мы оставили машину там. Тебе срочно пора домой.

Не знаю как передать словами ту обиду, которая охватила меня после его слов. Не знаю, как описать всю боль, которая в то момент сжала, словно в тиски, мое сердце.

Да, я была обижена. Да, я была зла.

Была-не столько из-за того, что он не рассказал мне о своей личной жизни, сколько тем, как он прогнал меня последними произнесенными словами. Просто решил отправить домой, как уже надоевшую вещь. Так, будто я ребенок, провинившийся в чем-то и нуждающийся в наказании. Ведь то, что он не хочет говорить о своей семье, можно было бы как-то объяснить. Хотя бы мог соврать, придумать что-то. Но нет! Он слишком горд, чтобы оправдываться перед какой-то студенткой, моложе него на 14 лет.

От злости, охватившей меня, я хотела просто взять и уйти. Ничего не сказав.

Но я этого не сделала. Не сделала потому что доля крупнца у меня все-таки осталась. Если бы я ушла, то только подтвердила бы его мысли о маленьком ребенке. Только еще больше унилась бы.

Но именно этот случай раскрыл мои глаза. Именно он показал мне то, КЕМ я на самом

деле являлась для него.

Даже тогда он не был полностью близок со мной. Не открывал свою душу маленькой наивной студентке. Не делился с ней всем тем, что было крайне важным для нее. Прятал все то, что она даже не задумывалась скрывать.

Еще тогда он определил МОЁ место в своей судьбе. Место, которое не согласилась бы занять не одна уважающая себя девушка. Место, за которое я готова была продать Душу Дьяволу. Чтобы просто быть рядом с ним. Чтобы лишь видеть его, ощущать, чувствовать.

Глава 3. Боль и предательство

Я заперта в клетку из снов,
Которую взводит подсознание.
Я прячусь от не сказанных мной слов
За гранью мира осязания.
Я не боюсь упасть и не подняться,
Боюсь любить и от любви пытаюсь я скрываться.
Боюсь разжечь костёр и в нём сгорать мотаясь
Я заморозить сердце в лёд пытаюсь.
Но бесполезно, чувства не обманешь.
Любовь найдёт от клетки моей ключ.
Вдруг станут ярче мира краски
И боль острее станет, словно в страшной сказке.
Любить мне будет больно нестерпимо,
Порой противно и невыносимо,
Порою радостно неповторимо,
Когда-то даже может быть красиво.
Я заперта в тюрьму из предрассудков
Её возводит скрытый в сердце страх.
Так невозможно и неповторимо...
Любить... как в самых сладких снах.

Автор: Акі

Вы когда-нибудь замечали как наш мир меняется день ото дня? Как он изменчив? Как быстро меняет он сюжет игры под названием «жизнь», ставя все новые условия, препятствия, задачи на вашем пути? И вроде все как всегда: тот же снег или дождь, те же деревья, те же вечно мешающие пешеходам машины. И вроде ничего не изменилось, но все таки что-то не так. Чего-то чертовски не хватает!

Чего-то? Или кого-то?

Да, на этот вопрос ответить проще всего для тех, кто любит и любит всем сердцем. Тот, кто долгое время был счастлив и верил, что это счастье продлится всю оставшуюся жизнь.

Ты думаешь, что нашла то единственное во всём мире, чего так не хватало эти годы. Что обрела то, что так не хватало все это время. То, что заполнило пустоту в твоей душе. А ведь эта пустота существует в каждом человеке и ждет, когда вместо нее придет другое чувство. Чувство, под названием «Любовь».

А ведь и сама любовь бывает разной. Одна бывает страстной, чувственной, обжигающей твое сердце. Другая: нежной, хрупкой, затрагивающей все твои чувства. Есть еще и любовь эгоистичная, требовательная и много много других.

Просто, все зависит от того, кем являешься ты и кем является тот, кому отдано твое сердце.

Все зависит от того, как кто-то воспринимают твою любовь. Ведь бывает любовь и неразрешенная законом, религией, обществом. Вот тогда ваши чувства подвергаются жестким испытаниям.

Ненастоящая любовь потерпит крах, расколется на тысячи мелких осколков и вскоре ты

забудешь о ней. Она станет лишь еще одним шагом в твоей жизни, лишь еще одной ошибкой.

Настоящая же любовь все вытерпит, все перенесет и спустя годы все эти испытания покажутся тебе чем-то мелким по-сравнению с обретенным тобой счастьем. Ты будешь вспоминать обо всем и делиться своими мыслями с Дорогим тебе человеком. С тем человеком, ради которого ты все это и перенес.

Пусть этот человек и не идеал — никто не идеален, но он рядом. Ты начинаешь благодарить этот мир за то, что тебе так повезло, что ты встретил его, что судьба свела вас вместе.

В тот период времени, 8 лет назад, я еще не знала, к какой категории относится моя любовь. Настоящая она или нет, вытерпит она все или же оступится на половине пути...

Не знала потому что на моем пути еще не возникало никаких сложностей, никаких трудностей. После того случая, в день моего рождения, я все-таки простила его несговорчивость, посчитав что пройдет время и он сам все расскажет. Сам-Добровольно.

Но проходило время, а я так и не слышала откровенностей с его стороны, не добилась раскрытия тайн.

Максим оставался таким же скрытным, таким же холодным. Проходили недели, месяцы. Год. Два. А я так и не услышала три заветных слова. Три слова, которые могли бы сделать меня самой счастливой на свете.

Вы скажете, что я тряпка, что я опустила «НИЖЕ НЕ КУДА», а я отвечу:

Я опущусь еще ниже, если это возможно. Провалюсь сквозь землю. Стану, чем или кем угодно, только для того, чтобы быть рядом с ним.

Но у всех и у всего есть свои границы. Те границы и пределы, дальше которых они не пойдут. Которые они не осмелятся нарушить. Просто не посмеют.

И именно эти границы остановили мое падение вниз. Именно они перегородили мне путь дальше.

И вот снова этот день.

День моего рождения. 25 декабря.

Но сегодня все по другому. Все не так, как было два года назад. Сегодня я счастлива и это счастье просто не передать словами.

Все экзамены и зачеты сданы. Заранее. Хоть и было сложно все обговаривать с деканатом и преподами, учить и переучивать, я все же добилась своего. Закрывает очередную сессию и еду, наконец, к своему любимому. В Питер.

Сам Макс об этом не знает. Но он же будет счастлив увидеть меня? Ведь прошло уже два месяца, как мы с ним расстались и он уехал к себе в Питер по срочным делам.

Я вспомнила, как мне было тяжело отпускать его так надолго, как я плакала, стоя с ним в обнимку в аэропорту. А он крепче прижимал меня к себе и, уткнувшись в макушку, шептал нежные и трогательные слова. Слова, которых мне иногда так не хватает.

Конечно, Максим за прошедшие два года много раз уезжал в Питер. Ведь у него там сестра, мать (о чем он со мною все-таки решил поделиться), а так же мой Макс является директором крупного завода, который недавно открыл еще одно малое предприятие в Москве.

Это и стало причиной его приезда туда и, в конечном итоге, знакомства со мной. Так как компания новенькая, Максиму приходилось проводить в ней много времени, чтобы все обустроить и за всем следить. Чему я была только рада. Чем больше проблем она будет

создавать, тем больше времени Макс пробудет в Москве, а значит со мной.

И только теперь, когда предприятие начало работать самостоятельно, Макс все-таки пришлось уехать к себе в Питер. Конечно, он звал меня с собой, впервые о чем-то меня просил, но я отказалась.

Отказалась не потому что не хотела(очень даже хотелось), и не учебы ради, а из-за матери и братика. Кто будет за ними следить, когда я оставлю их и уеду?

Мама долгое время сопротивлялась такому решению и приказывала(не просила) уехать, обустроить сою жизнь с любимым, но вскоре, после моих отказов, бросила это дело и смирилась.

Но я же видела, как она была счастлива. Я же видела довольный и радостный блеск в ее, таких дорогих для меня, глазах. И ради этого стоило отказаться.

Ради них даже своего счастье не жалко, хоть я и безумно скучаю.

И вот!!! Я решила заглядить свою вину перед любимым. Раз я отказалась поехать с ним, то могу порадовать его, сделав подарок на наше общее день рождения. Да-да, наше общее...

После двух месяцев нашего знакомства, когда я спросила у него о дате его рождения, Макс очень удивил меня, назвав мою же дату. Нет, не так.

Он безумно меня этим обстоятельством обрадовал. Вот что называется «СВЕДЕННЫ СУДЬБОЙ» или «ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА».

А месяц назад, когда Макс по телефону сообщил мне, что не сможет завершить дела за этот месяц и прилететь на праздник, в мою голову ворвался безумный вихрь и принес с собой эту безумную мысль.

Через 2 недели усилий, я сумела добиться согласия на досрочное сдатеие сессии. Оставалось только добыть адрес любимого. К моему удивлению, эта задача далась мне легко.

Андрей Смирнов, на выставку которого мы ходили в тот злополучный день и с которым много раз встречались потом быстро сдался под моим напором и сообщил нужную мне информацию. Конечно, здесь помогло еще и то, что Андрей сам был влюблен меня о чем и соизволил напомнить, и добился-таки от меня встречи после того, как я вернусь.

Я без сомнений согласилась, ведь это было пустяком по-сравнению с тем, что я просила у него. Макс узнает-голову оторвет.

Голос диспетчера о том, что мы, наконец, я добрались до нужного мне места, вырвал меня из воспоминаний и я радостно улыбнувшись, начала быстро собираться. Наконец, я увижу его! Наконец!!!

Эх, если бы я тогда только знала, чем обернется эта встреча, то неслась бы обратно домой на руках.

Но все по порядку.

Вы смотрели фильм «33 несчастья»?

Видели, как на маленьких брата и сестру по-моему, не помню точно, сыпались все большие и большие трудности, которым их «одаривал» плохой дядька?

Так вот, мне кажется, что где-то там, наверху, сидит такой же дядька и тоже сыплется проклятиями и несчастьями. Только в мою бедную сторону. Не знаю, чем я его так разозлила, но он точно, на 100000 % ненавидит меня, если решил испортить мой долгожданный день.

Все началось с того ужасного бомжа, который из тысячи людей на вокзале, выделил

именно меня и решил подзаработать, украв, прямо у меня на глазах, мой бумажник. Надо же мне было держать его в тот момент на руках????

Решила, видите ли, купить миндальных конфеток на многолюдном, наполненном ворами и бездомными, месте. Тыфу, тебя, умора. Хорошо хоть, успела достать оттуда несколько купюр.

А бегать за воришкой, как в кино, я не стала. Какой черт догонит, обезумевшего от такого выигрыша, маньяка? Да еще, на каблуках???

Но это было лишь первым испытанием. Третье постигло меня на пешом(денег на такси не хватило, а автобус безжалостно проехал мимо(это было вторым)) пути к любимому в виде ливня. Представьте себе??? Ливень в декабре??? Посреди зимы??? И кто после этого скажет мне, что злого дядьки не существует?

В результате этого непрошеного ливня вся моя тщательная подготовка пошла насмарку. Волосы слиплись от воды, да и вся я промокла и продрогла до костей. А разве мама не предупреждала, чтобы я взяла свое зимнее пальто?

И с чего же мне пришло в голову, что замшевая осенняя куртка идет мне больше, да и холода почувствовать не успею, сменяя одну машину другой.

Фх-х! Вот тебе и машина, и красивая одежда.

Хорошо, что я немного ориентируюсь в этом городе. Благодаря тебе, Макс. За твои приглашения и экскурсии.

Теперь, я стою у огромных ворот нужного мне огромного трехэтажного дома и никак не могу туда войти. А почему? Да потому что этот тупица-охранник, который сидит в своей уютной коморке и блаженно попивает чашку горячего кофе, не желает пропускать меня внутрь.

Видите ли у хозяев сегодня семейный праздник и ему было велено никого не пропускать и их не беспокоить. А я так замерзла, что забыв о том, что мое появление должно быть сюрпризом, решила позвонить Максиму. И что вы думаете?

Аха! Он вне зоны действия сети.

Ну и что же вы скажете теперь? Злого дядьки все еще не существует? Обломитесь.

Попытавшись позвонить еще раз и вновь услышав, ставший ненавистным мне голос, я зло скорчила рожицу охраннику и решила действовать другим путем. «В каждом доме есть лазейка», — твердил мне мой покойный отец, водя кругами по очередному богатому дворишке и указывая на его точное расположение.

Мой отец, Антон Павлович, был архитектором и великим стратегом. Он любил разгадывать тайны, которые скрывали «великие» дома. Он этот свой талант передал мне, и из-за него я и поступила в строительный институт.

А вы что подумали?

Обойдя дом кругом несколько раз, которые мне показались часами, я разглядела за одной из длинных железных прутьев белую нить, тянущуюся от заднего выхода дома. Там где есть тропинка, есть и еще один выход, а там же, где его нет, будет тайный проход.

Хорошая я ученица. Все запоминаю.

Подойдя к этой, едва видневшейся двери, я потрогала маленький замок и нащупав на голове одну из 5 шпилек, приступила к действию.

Можно было знать точно, что только очень наблюдательный человек мог увидеть эту дверь, расположенную так, чтобы ее не заметили. Но, зная Макса можно с уверенностью утверждать, что там точно есть, как минимум, две собаки.

Я усмехнулась. Макс еще не знает о том, что я полгода провела за тем, чтобы учиться немому языку немногих животных.

Как оказалось, я была права. Не успела я сделать и несколько шагов, как 2, немалого роста, псины появились из ниоткуда и направились прямо ко мне, злобно рыча и пуская слюни.

Ну что ж, приступим к практике.

Через несколько минут дело было сделано и собаки лежали у моих ног, негромко поскуливая и радостно виляя хвостом.

Еще раз погладив по голове собак, я уверенным шагом направилась к дому. Надеюсь, ты оценишь все мои усилия Макс, ибо еще минута не холодном воздухе и я просто не выдержу.

Путь до дома все-таки занял несколько минут и, когда я подошла к низкому окну, то просто пополам сжималась от яростного холода и ветра, бьющего мне в лицо.

Оперевшись руками о стену, рядом с окном, в котором горел яркий свет, я приподняла голову и взглянула в него.

Что я ожидала там увидеть? Семью, празднующую день рождения близкого человека? Или Макса, сидящего в кресле и попивающего бренди, который он так любил, ожидая меня?

Не знаю... Но то, что я увидела ни капельки не соответствовало моим ожиданиям. Это был как удар. Удар прямо в сердце. Удар, который в один миг разрушил все мои мечты и счастье.

Максим сидел на кожаном диване, который стоял недалеко от камина во всю стену, и, вправду

держал в руках изящный бокал с бренди, откинувшись на спинку. Только вот ожидал он не меня. Совсем не меня.

Рядом с ним, положив голову на его колени, полулежала красивая блондинка и рукой водила по его могучей груди. Грудь, касаться которой имело право только я. На коленях которого должна была лежать только я.

А он?

А что он? Макс одной рукой держал свой бокал, а второй нежно гладил эту стерву по волосам. Так нежно, как он никогда не прикасался ко мне.

Не знаю, сколько я так простояла, не чувствуя холода и не отрывая взгляда от парочки за окном, которая так углубилась в свой тихий разговор(судя по двигающимся губам), что ничего не замечала, но прозвучавший голос за спиной, заставил меня вздрогнуть.

-Как вы сюда попали?

Я даже не обернулась. Не могла. Не могла, не смотреть на них. Да и так знала, что за спиной стоит не кто иной, как охранник, так зверски поступивший со мной.

Лишь медленно подняла руку, и, указав на них рукой, спросила:

-Кто она?

Наверное, мой голос звучал так жалобно или тело дрожало так сильно, что охранник сжалился и просто ответил:

-Жена хозяина. Наталья Чернышевская.

Этот человек даже не знал, что сделал в ту секунду. Не знал, что за фраза только что прозвучала из его уст так просто и легко.

Фраза, подобная ножу, разящему сердце. Разница лишь в том, что нож убивает без особых мучений, а слова не причиняют физических страданий. Они заставляют мучиться намного дольше и, может быть, сильнее. И как бы тебе ни хотелось, чтобы это оказалось

ложью, ты понимаешь, что это лишь мечта. Что это лишь твоя надежда, за которую ты хватаешься, как утопающий за соломинку.

Не дожидаясь, пока охранник приступит к исполнению своего долга, я мигом развернулась и убежала.

Убежала от того места, которое разбило мое сердце и ранило прямо в душу. Убежала от реальности жизни и реальности горькой судьбы. Убежала от измены, боли и предательства любимого.

Это был день моего двадцатого рождения и его тридцать четвертого.

Этот день был встречи после двух месяцев разлуки и расставания после двух лет счастья.

Именно этот день подарил мне ЧУДО и именно этот день его отобрал.

И именно этот день был днем моего ПЕРВОГО ПОБЕГА от судьбы и любви.

..Уходит, значит отпусти,
Не стой на узеньком проходе.
Перестрадай, перегрусти.
Уходит, значит — пусть уходит.
Не смей ползти, но и не мсти,
И не перечь своей свободе.
Уходит, значит — отпусти.
Уходит, значит — пусть уходит.
А на дорогах снова будут встречи,
И жадность глаз, и щедрость умных фраз...
Пусть время лечит...
Разве помнить легче?
Что так уже бывало и не раз...
Ах... как острили, как с плеча рубили,
Как на постель швыряли, торопя...
Тебя любили..?
Нет! Тебя губили..
Себя любили около тебя..!

Елена

Не знаю сколько я тогда бежала. Куда я направлялась. Сколько падала и поднималась. Просто хотела уйти от реальности, скрыться от всего мира, исчезнуть...испариться во мраке промозглой ночи...

Я не чувствовала холода-мне его заменяла боль. Я не чувствовала физической боли от падений и ушибов, а ощущала моральную, которая ранила еще больше, еще глубже.

Я до сих пор не помню как добралась до такого странного места, но отрицать то, что меня привел туда голос свыше бесполезно. Как еще мне найти место, где начинается обрыв в пропасть? И откуда ему было взяться посреди такого города?

Этого мне никогда не узнать. Но то, что я оказалась прямо перед ним было реальностью и то, что я чуть не совершила самую большую ошибку в своей жизни-тоже...

Я остановилась слишком близко к пропасти, слишком близко к смерти... Но что такое смерть, по сравнению с теми чувствами, которые образуют беспорядок в моей измученной душе?

Что такое смерть, когда я сама желаю кинуться в ее спасительные объятия и раствориться в неизвестности?!

Я сама стремлюсь к ней, сама протягиваю руки в беспомощном жесте от поглотившего меня безумия...

Сама подхожу еще ближе... еще и еще...

И только в тот момент, когда одна моя нога уже поднята над пустотой безграничной пропасти, а руки раскинуты в стороны, передо мной встает лицо... лицо матери...ее грустные и полные боли глаза, которые умоляют меня о чем-то... требуют остановиться. Не делать этот шаг. Шаг, который приведет к краху всего того, чем я дорожу больше всего на

свете...

И только это спасает меня от непростительного, по отношению к близким, поступка...

Только это заставляет меня понять то, что я делаю... что хотела сделать...

Медленной поступью я отступаю назад и, качая головой из стороны в сторону, осторожно останавливаюсь на безопасном расстоянии от заманчивой неизвестности...

Ноги просто не держат и это заставляет меня осесть на, мокрую от растаявшего снега, землю и зарыться в нее обеими, окоченевшими и посиневшими от холода, руками.

Слезы так и катятся, обжигая щеки... Тело дрожит непонятно от чего: то ли от холода, то ли от, сжигающей все на своем пути, боли...

Подняв голову и уставившись в беззвездное небо, я хочу закричать и выплеснуть все свои эмоции, но у меня ничего не получается. Голос не поддается мне. Комок стоит поперек горла и не позволяет крику вырваться наружу. Лишь шепот дрожащего голоса звучит в ночной темноте:

— За что? Почему именно я?

POV Валентины

Я не уловила тот момент, когда ее голос остановился и прервал, захватившую меня в плен, историю.

Не уловила тот момент, когда из глаз Розабеллы, сидевшей напротив меня на все том же мягком диване, покатались слезы.

Не заметила лишь потому, что сама в этот момент тайком вытирала мокрые щеки.

Знала ли я, когда бралась за это дело, что оно обернется ненавистью против мужа начальницы и возлюбленного Розабеллы?

Понимала ли, что сама так проникнусь этой затрагивающей душу историей, что забуду обо всем на свете и буду жаждать смерти человека?

Подсев к плачущей женщине, я неуверенно приобняла ее за плечи и попыталась успокоить:

— Не надо! Все уже в прошлом!

Но, услышав мои слова, Роза(так она просила называть себя), к моему удивлению, начала плакать еще сильнее, переходя на рыдания. Я не знала что мне делать, как успокоить эту, потрепанную еще молодой жизнью, девушку. Какие слова произнести, как повести себя.

Роза сама решила эту проблему за меня, отодвинувшись и заговорив низким, прерывающимся голосом:

— Я плачу не жалея себя. Не жалея ту наивную девушку, которой была. Мои слезы льются не из-за той боли, которую мне причинили, Они проливаются... — на последнем слове ее голос чуть дрогнул, но Роза быстро собралась и продолжила, — из-за презрения к себе. Из-за ненависти к себе за тот шаг, который я чуть не совершила. Из-за моего эгоизма, перебороть который в тот момент не смогла, и решила сдаться без борьбы. Я боюсь...

Я так и не сумела дослушать то, что она хотела мне сказать. То, чем хотела со мной поделиться, ибо тишину нарушил звук открывающейся двери и Роза, мигом вскочив с места, побежала в сторону спальни. А я лишь успела привести себя в порядок, когда в комнату вступил высокий мужчина среднего возраста и уставился на меня своими, почти что черными, обволакивающими глазами.

Не сложно было догадаться, кем являлся этот красивый мужлан, причинивший столько боли окружающим себя людям. Людям, которые доверяли и любили его.

Максим Чернышевский.

Наверное, на меня повлияла история Розабеллы, которая остановилась на самом интересном месте или же это было связано с уже давно знакомым мне знанием того, что красивые мужчины всегда являются обманщиками и предателями. Все-таки, горький опыт обмана и горечи есть и у меня самой.

Но, как только я увидела его бесстрастное лицо и заглянула в непроницаемые глаза, меня поглотила злость. Злость, порожденная воспоминаниями Розабеллы и собственными воспоминаниями.

Я уже хотела выплеснуть все накопившееся внутри меня наружу, как в комнату вернулась Розабелла и я застыла на месте. Застыла от происшедшего с ней преобразования:

Грустная девушка, несколько минут назад делившаяся своими тайнами и проливавшая горькие слезы, превратилась в статную и гордую женщину, в глазах которой было столько радости и любви, что ее хватило бы на всю Россию.

Она тепло улыбнулась этому холодному на вид мужлану и указав на меня рукой, произнесла:

— Это Валя. Моя подруга.

Когда я перевела взгляд на Максима, то успела заметить в его глазах мелькнувший на секунду другой странный всплеск эмоции, так похожий на...

Да, нет!!! Просто показалось. Этот кусок льда не может испытывать к кому-либо теплые чувства.

— И где ты ее нашла?

Ну, вот! Я же говорила.

Спросил так, будто Роза не может иметь друзей и будто я какая-то вещь.

— В капусте нашла, — опередив Розабеллу, в тон ему ответила я и довольно усмехнулась, увидев как лицо мужчины окаменело еще сильнее. Не любят, когда перечат, да?

Услышав смех Розы, я удивленно взглянула на нее. Она перехватила мой взгляд и приподняла брови вверх. В ее изумрудных глазах читался вопрос: «Не ожидала от меня?»

Да, признаюсь она в чем-то права. После ее истории мне показалось, что она во всем подчиняется ему и не смеет даже открыть рот.

Этот смех опровергал эти догадки, да и следующие слова то же:

— А что, у меня не может быть друзей? Не думаешь же ты, Макс, что я целыми днями скучаю дома, дожидаясь тебя?

Я ожидала вспышки ярости со стороны Макса, ожидала, что он разъярится, но УЛЫБКИ???

Держите меня, девочки. Этот мужчина улыбнулся.

— Мы идем ужинать.

Сказал, как отрезал и испортил все впечатление...

— Никак не сегодня, Макс.

Голос Розабеллы стал тверже или мне это только показалось?

Но взгляд, которым Чернышевский ее наградил мне точно не предвиделся! В нем было столько холода и непроницаемости, что у меня даже мурашки по всему телу побежали...

Это человек, что скован изо льда?

— Ты перечишь мне?

Вот и голос сыплет лед.

— А ты указываешь?

О-о!!!

Чернышевский отстранился от стены, оперевшись о которую стоял все это время и уверенным шагом сократил расстояние, разделявшее их.

Я приготовилась к броску, ожидая увидеть, что он ударит ее, но...

Брюнет лишь остановился вплотную к Розабелле, которая даже не дрогнула и несколько долгих минут прожигал ее пронизывающим взглядом.

— Ты отдаляешься, — каким-то непонятным голосом произнес он и...
РАЗВЕРНУВШИСЬ УШЕЛ.

Просто ушел.

Вы верите???

Я нет!

Закрыв рот от удивления и обернувшись к девушке, я поймала взгляд, которым Розабелла провожала удаляющегося возлюбленного.

Никогда не думала, что в глазах человека может за раз отражаться столько чувств. В них были и боль, и грусть, и любовь и много других, которых не передать и не описать словами.

Я уже готова была бежать за ним вместо нее, но заметив что я слежу за ней, девушка быстро поморгала глазами и нежно улыбнулась мне:

— Иногда это полезно и ему.

POV Максима

Сказать что я зол, ничего не сказать. Меня просто пожирала ярость. Я готов был на стену лезть от этой злости, в одну секунду охватившей меня. Эта женщина скоро доведет меня до сердечного приступа. И это в лучшем случае. А в худшем...

Сбежав по лестнице вниз, на первый этаж, я вышел из подъезда и быстрым шагом направился к ожидавшему меня черному BMW. Да, детка. Только ты у меня отличаешься преданностью.

Сев за руль, я откинулся на спинку сиденья и прижал руку к занявшему сердцу. Да, оно начало сильно беспокоить меня в последнее время.

Что, решило предать меня так же, как и Роза?

Только попробуй.

Вспомнив о Розабелле, я поднял глаза к окну, которое вело в ее квартиру и увидев, как подернулась занавеска, усмехнулся.

Не удержалась.

Сама выгоняет и сама же рвется за мной.

Сегодня она была еще холоднее, чем в нашу прошлую встречу.

Что станет потом, я даже боюсь представить.

А все началось с того дня рождения, обернувшегося сущим кошмаром.

Мне не удалось отвязаться от Наташи, как в прошлый раз.

Она что-то подозревает и не желает отпускать меня от себя ни на шаг.

Эх, если бы только не ее болезнь, я бы...

А что бы ты сделал? Предал бы жену и ушел бы к любовнице???

НЕТ! НЕТ! И НЕТ!

Я по дружески развелся бы с несостоявшейся женой и наконец ВЕРНУЛСЯ бы к своей

любимой.

Постучал бы в дверь ее квартиры и прошептал «Я люблю тебя», крепко прижал бы ее к себе. А затем рассказал, как однажды, возвращаясь с рутинной работы увидел ее... Стоящую у маленького магазина и весело смеющуюся словам маленького мальчика, которого держала за руку.

Увидел твои невероятного цвета глаза, смотрящие на него с такой неземной любовью, и в тот же момент принял решение.

«Ты будешь моей! Ты будешь смотреть на меня теми же глазами, с такой же любовью и таким же счастьем. Будешь улыбаться только для меня, смеяться только со мной и держать за руку только меня...»

Если бы тогда я понял сколько горечи принесу тебе, то даже не заговорил бы. Ушел бы, скрепя сердце.

Рассказал бы, как целыми днями следил за тобой и собирал всю информацию, имевшую хоть какое-то отношение к тебе.

Уже через две недели после того, как я тебя увидел, я знал о тебе все. Я знал о тебе даже то, чего не знала ты сама.

Твои жесты, твоя мимика, твой характер... Все это я изучил досконально.

Твой смех, твоя боль, твоя радость стали частицами и моей души.

Твои глаза, губы, руки- все стало таким родным, что я не мог и дня прожить без твоего вида.

Я стал безумцем... Только моим демоном была ты.

Стал наркоманом... Только наркотиком была ты.

Я стал маньяком... Только целью была ты.

Узнав, когда будет твой праздник, я понял что ты с самого начала была предназначена мне судьбой. И пофиг, что раньше я не верил в нее.

В тот день я не сдержался. Не смог. Увидев тебя посреди улицы, такую потерянную и задумчивую, я не сдержался.

Взял и подошел, даже не подумав о том, что правда может разрушить наши отношения, которые не имели права даже начинаться.

Правда о том, что в Питере меня ждет ЖЕНА.

Глотнув из бокала виски, я откинулся на спинку дивана и устремил взгляд, на полыхавший в камине, огонь. Такой же огонь, который сжигал и меня.

Она даже не понимает, что за эти два года подарила мне счастье, которого так не хватало мне всю мою жизнь. До встречи с тобой, я и не жил вовсе. А так, просто существовал.

Жизнь перестала быть для меня прекрасной, когда в 16 лет умер отец, а мать и сестра отвернулись. И лишь только Дмитрий Анатольевич, отец Наташи спас меня от гибели, которая непременно постигла бы меня, если бы он не приютил у себя в доме. Не приютил бы совершенно незнакомого паренька, лишившегося дома по милости родных.

И именно в этом и состояла причина того, что я не мог уйти от Наташи. Не мог бросить ее после всего, что они сделали для меня. Да и сама Наташа была больна...

Именно это и стало причиной того, что сейчас я нахожусь вдалеке от любимой. Рядом с другой. Причиняя этим боль не только тебе, но и себе.

Я даже не заметил того, как запустил руку в волосы Наташи и начал нежно их перебирать.

Жест, который выработался за многие годы для отвода глаз.

— Сегодня так спокойно.

Рука Наташи начала перебирать пуговицы на моей рубашке и мне пришлось ответить, чтобы отвлечь ее от продолжения ее игры:

— Ты слышала такое выражение, как «Тишина перед бурей»?

Если бы я только знал, как прав.

— Какая буря, дорогой? Метели нам не светят в ближайшие несколько недель. Надо побольше слушать прогноз погоды.

— Ты же знаешь мой график...

Мне показалось или я увидел движение за окном?

— Конечно. Ты же у меня работяга.

Рука пробралась за воротник и прикоснулась к обнаженной коже.

Дабы отвлечь ее пришлось все-таки встать, прежде мягко отстранив ее и подойти к окну, за которым я и в самом деле увидел охранника.

Что за черт! Что он здесь делает?

— Что там?

Голос за спиной начал реально раздражать.

Приказав жестами охраннику пройти в дом, я развернулся к жене и бросил:

— Сейчас разберемся.

Через несколько минут промерзший и потирающий руки, наемный работник вошел и начал объясняться по моему молчаливому приказу:

— Там какая-то дура... то есть девушка... пробралась как-то и ... и увидев вас...

— Я же просил никого не впускать.

— Так я и говорю: она пробралась сюда неизвестно откуда и как. Вышел я отлить, — при этих его словах я поморщился. Больно не любил, когда при близких мне людях так выражаются, — и вижу, что она здесь стоит. Вся мокрая, продрогшая до костей...

Не знаю откуда, но после его слов о продрогшей девушке меня вмиг настигла догадка.

Рванувшись с места, я подлетел к удивленному охраннику и приподняв над полом за шкуру, прорычал:

— Как она выглядела?

— Б-брюнетка, так-кая красивая...

Дальше я уже ничего не слышал. Ни слов жены, кричащей мне вслед, ни удивленных восклицаний охранника.

Я просто выбежал из дому и понесся вслед возлюбленной, хоть и не знал, куда она направилась.

Сердце подскажет...

Оно не подведет.

Люблю, люблю тебя за все
И даже за то, что любя — ненавижу!
Душа стонет: «Не думай, забудь ты о нем».
Я в ответ: «Ты прости, но других я не вижу»!
Ты никогда не будешь моим,
Я это знаю, пытаюсь смириться.
Больше всего сейчас я хочу,
С высоты прыгнуть вниз, и насмерть о скалы разбиться!
Не смогу позабыть я твой образ:
Такой яркий, беспечный, любимый.
Он преследовать будет всегда,
И от этого боль нестерпима!
Я хочу быть с тобою хотя бы во сне,
Но и там ты меня покидаешь,
Разбиваешь мне сердце, словно стекло,
И вновь в темноту исчезаешь.
Только тебя буду вечно любить, и мне больно,
Ведь об этом ты никогда не узнаешь.
Я смогу, я стерплю.
И пускай ты другую целуешь, ласкаешь.
Я хочу, чтоб ты счастлив был, слышишь?!
И хочу, чтоб всегда был любим!
Мое сердце тобою лишь дышит,
И бьется тобою одним.
Вновь темно и луна — опять ночь.
В мыслях Ты: не хочу, я гоню тебя прочь!
Но снова слеза потревожит меня,
Я тебя ненавижу, ненавижу — ЛЮБЯ!!!

ФЕНИКС

POV Максима

Мое тело продрогло от холода. Все просто скручивалось от пронизывающего ветра.

Черт! Надо же такому быть: Ливень посреди зимы...

Но больнее всего было внутри. Внутри все было прямо противоположно тому, что происходило во внешней оболочке. Там все горело и разрывалось от страха, охватившего меня.

Я уже час скитался по окрестностям и никак не мог найти даже след потерянной возлюбленной.

Куда она могла пойти?

Где она сейчас?

И самое главное: Что с ней? Как она?

Отчаянно застонав, я запустил руки, в мокрые и чуть примерзшие, волосы и прислонился к дереву, находящемуся поблизости. Благо, отец Наташи в свое время построил

хороший заповедник, дабы сохранить природные ресурсы страны.

Думать о том, что в этот момент творилось с Розабеллой, не хотелось. Сердце и так сжималось от плохого предчувствия. Голова шла кругом от скопившихся мыслей, а душа страдала от осознания того, какую боль я причинил самому близкому человеку. Это осознание того, что в результате моих действий пострадала Розабелла, просто убивало.

Потерев руки, я уже в сотый раз пожалел о том, что, выбегая из дому, не накинул что-нибудь теплое. Эта моя опрометчивость может погубить не только меня, но и возлюбленную. Прикрыв глаза и сжав, от собственного бессилия, руки в кулаки, я начал молиться. Молиться Богу, которого до этого не признавал.

Да и что говорить? До встречи с НЕЙ я не признавал никого и ничего. До того, как Роза вошла в мою жизнь, я находился в каком-то вакууме, скрывая все свои чувства от окружающих меня людей. Я возвел вокруг себя стену, которая стала моей защитой после жестокого предательства семьи и друзей. И только она смогла разрушить ее, отодвинуть, но...

Но я не показал этого ей. Я не впустил ее в мою жизнь, боясь снова ошибиться. Боясь довериться до конца.

Выпутавшись из сжимавшего меня кокона, я не захотел раскрыть крылья и взлететь, как трус, спрятавшись за маской холодности и безразличия.

За два года я не произнес три заветных слова, которых она так жаждала услышать. Я решил притвориться, что не замечаю огонек ожидания, появлявшийся в ее глазах после собственного признания. Я просто эгоистично пользовался ее любовью, а она терпела. Но не потому, что у нее не было гордости и смелости, а из-за того, что ее сердце не хотело сдаваться и признать безнадежность всей любви.

А я, зная, что она не сможет бросить меня — пряча свои догадки внутри, радовался и душил ее своей невозмутимостью и равнодушием, хотя в те моменты мое сердце и отбивало безумный ритм. Я не отпускал ее на волю, не позволял раскрыться нашей любви полностью, сделав ее счастливой, и, как бы мне не было противно это признать, я уже не смогу этого сделать...

Я уже никогда не смогу отпустить ее от себя.

Чего бы мне этого не стоило я удержу ее рядом.

Приняв безумное решение и оторвавшись от спасительной опоры, я, не обращая внимания на холод и тьму, твердым шагом двинулся на поиски...

POV Розабеллы

Очнулась я от сковавшего меня безумия лишь тогда, когда чьи-то теплые руки быстрым движением обхватили меня за плечи и под колени, и, подняв на руки, понесли прочь.

На какую-то долю секунды меня охватила надежда, что это Макс. Что это он нашел меня и решил разуверить во всем, сказав, что все это только обман, что он любит меня одну и никого больше.

Но надежда потухла так же быстро, как и появилась. Руки, державшие меня, были чужими, да и глаза не могли обмануть меня.

Все было правдой. Нет!!! Все было ложью...

Ложью, которая разрушила все мои принципы и устои жизни. Все мои понятия любви и счастья.

Застонав от отчаяния, мигом сковавшим мое сердце, я поморщилась от боли в горле и сглотнула комок, застрявший в горле.

-Все будет в порядке милая, ты только потерпи.

Услышав слова, произнесенные тихим шепотом около моей щеки, я подняла голову, которую до этого прижимала к, излучавшему блаженное тепло, телу, и встретила взглядом с глазами цвета стали, в которых плескалась тревога и участие.

-Андрей?

Мой голос был хриплым от слез и едва слышным.

-Да это я, родная, — кивнул Андрей из-за чего с его, уже промокших светлых волос, сорвались капли холодной воды и обожгли мои щеки. Он крепче прижал меня к себе, пытаясь согреть своим телом, и продолжил, — Сейчас мы с тобой сядем в машину, и я отвезу тебя подальше от этого места и от этого человека. Ты ведь не против?

Мне оставалось лишь кивнуть, ибо слова не шли.

Андрей предлагал мне спасение, за что я была очень признательна ему. А о том, что именно он отправил меня сюда и обрек на эти страдания, я подумаю потом.

Потом, когда хоть немного приду в себя и очнусь от этой жестокой реальности.

Сейчас же я хочу лишь одного: Забыться в какой-нибудь темный уголок и, сжавшись в комок, закрыться от этого мира.

Знаете, что происходит с людьми тогда, когда они узнают о том, что их предали, им изменили?

Нет?

Я тоже не знала, что это такое, пока на себе не испытала эти чувства в полной мере.

Ты живешь с уверенностью, что ваша любовь вечна и нерушима, что верность твоего любимого — это единственное, абсолютное, неизменное и незыблемое в этом мире, во всей Вселенной. Живешь с закрытыми глазами и не видишь знаки, предупреждающие тебя об обмане и предательстве.

Но вот, ты узнаешь обо всем — и в один миг, обезумевшее сердце, обрывая все сосуды, извергая алую кровь, вот-вот выпрыгнет из груди. Виски, наполняясь горячей взбешенной кровью, стучат в такт сердцу. Время останавливается, ты лежишь на дне черной пропасти в абсолютной темноте, мраке и смотришь в звериные глаза своей боли, а она смотрит на тебя. Боль пьет твою душу, обволакивает каждую клетку твоего сознания, не остается ни одного места, в котором бы она не танцевала свой дикий танец.

В такой момент, хорошо, когда есть друг, который может тебя «встряхнуть» и сказать пару простых, успокаивающих слов. Эти слова похожи на луч света, который тянется к дну ямы. Первый десяток часов невозможно, что-либо делать, кроме как испытывать эту боль, разочарование, гнев.

Через сутки боль меняется. Чувствуешь пустоту, чувство предательства, обмана, как будто вся вселенная тебя предала и повернулась спиной. Будто мир вокруг тебя живет своей жизнью, не желая принять тебя.

Ты вспоминаешь предавшего человека, но его лица ты не видишь... ты видишь лишь лицо боли со звериными глазами.

Почти неделю я пролежала в кровати с температурой, не желавшей опускаться ниже 39 градусов.

И в эту неделю моим «другом» был Андрей, который ни на одну минуту не оставлял меня наедине с собой и со своими мыслями. Он понимал, что, если я погружусь в свои стенания, то отгорожусь от мира сего и не захочу вернуться.

На четвертый день ужасной болезни мой «друг» пригласил врача, который, после тщательного осмотра, ничего мне не сказав, вышел вместе с Андреем из комнаты, и полчаса что-то с ним обсуждал.

Я слышала их голоса, но ничего не могла разобрать. Да и не хотелось мне этого. Какой бы тяжелой не была моя болезнь, она лишь помогала мне отгородиться от всего прочего. Физическая боль притупляла, хотя и не всю, моральную и явилась для меня подарком с небес.

После того, как хлопнула входная дверь, в комнату вошел бледный и, чем-то встревоженный, Андрей и просидел несколько часов, держа меня за руку и рассказывая о каких-то смешных случаях в своей жизни. Где-то я заставляла себя улыбнуться, где-то просто кивала головой, но из всего, что мне рассказывал Андрей я так ничего и не поняла. Я принуждала себя пить таблетки и съедать, приготовленные им, бульоны и смеси из полезных для меня овощей.

Я даже пыталась заговорить, когда он о чем-то меня спрашивал, но получалось вытолкнуть из себя лишь два или три слова. На большее я была не способна.

Однажды вечером, когда он закончил читать какую-то книгу, сидя у моих ног, я попыталась выведать у него о его разговоре с врачом, но Андрей молчал, как партизан и отмахнулся от меня тем, что я все преувеличиваю и врач просто объяснял ему, как ухаживать за мной. Я сделала вид, что поверила, но, перед тем, как он ушел, произнесла ему вслед:

-Никогда не стремись лечить раны, причиненные ложью, если сам не защищен от этого.

Услышав мои слова, Андрей резко обернулся ко мне, и холодным знакомым голосом, резанувшим уши, сказал:

-Никогда не сравнивай меня с тем, кто не достоин твоей любви.

Я не смогла удержаться и с усмешкой спросила его:

-А себя ты считаешь достойным ее?

На что Андрей, ничего не ответив, скрылся за дверью.

После этого случая его отношение резко переменилось, и он стал более отстраненным. Не было больше рассказов о прошлой жизни, попыток разговорить меня, уютных «семейных» вечеров у моих ног.

Не подумайте! Я не была разочарована таким отношением и не билась в истерике от этого. Увольте, одной боли мне вполне достаточно!

Да, в какой-то, степени я испытывала чувство вины перед ним, но и оно мигом испарилось

, когда я вспомнила о том, кто именно назвал мне координаты обиталища блудного возлюбленного.

На шестой день болезнь набрала в свой арсенал еще воинов-бактерий-микробов-вирусов и атаковала меня и мои лейкоциты, боровшиеся за мои права до конца. Я находилась где-то за гранью внешнего мира, за пределами всего, что окружало меня.

Я боролась за жизнь ради брата и матери. Боролась за их счастье и спокойствие. Я позволила встать между нами постороннему человеку, но никому и ничего другому это больше не сойдет с рук. Болезнь уступит, она проиграет в этой битве.

-Да, мама. Со мной все в порядке... Я увиделась с Максом... угу... все прошло замечательно... нет, конечно, я не плакала... просто простудилась маленько...

Наградив усмехающегося Андрея угрюмым и злым взглядом, я еще намного поговорила

с мамой и, попросившись, отдала мобильник хозяину.

-Спасибо.

-Да не за что. Мне понравилось наблюдать за твоим лицом, — протянул он насмешливо, поправляя подо мной подушки. Как я и предполагала, болезнь отступила, и сегодня я чувствовала себя лучше. Даже съела горячего супа, заботливо приготовленного руками Андрея, который под предлогом, что проверяет, не повысилась ли снова температура, постоянно прижимался теплыми губами к моему лбу. А что я?

А я прощала ему эти вольности в качестве благодарности за всю его доброту и терпение. Поверьте, больная я просто хуже, чем в повседневной жизни. Мама всегда повторяла, что вместе с болезнью в меня будто вселяется демон, превращая меня из пай-девочки в неутомного дерзкого чертенка. Я же смеялась, слыша это, и не решаясь признаться, что это моя настоящая сущность. «Никому нельзя выдавать то, что они потом будут использовать против тебя». Это уже слова моего покойного отца.

Мне не было неприятно, когда Андрей прикасался ко мне, но и приятно мне тоже не было. Можно сказать, что я оставалась полностью равнодушной к этому. Или болезнь сделала свое дело, и лишило всех эмоций или я, по-прежнему, сохну по Максиму.

А так как первое мигом отклоняется, поскольку внутри меня все еще бушует масса эмоций, которые я пытаюсь затолкать поглубже, то остается второй вариант. Я до сих пор люблю этого ублюдка. Люблю и, одновременно, ненавижу.

Что и требовалось доказать!

У меня вырвался истеричный смешок, что сразу привлекло внимание Андрея.

-Что-то не так? У тебя что-то болит?

Не могу скрывать, что глубоко внутри мне нравилось, что за мной ухаживают, меня лелеют и оберегают. Всю свою жизнь я присматривала за матерью, которая сильно сдала свои позиции после смерти отца и братом, который нуждался в моей поддержке.

Когда Максим появился в моей жизни, мне казалось, что все изменится, что у меня появился человек, которому я могу довериться и кому я могу вручить свою жизнь. Но все ожидания и мечты растаял и, со временем, я поняла, что ошиблась. Макс не был готов ко всему этому. Он уже был «предан» другой, уже связал свою жизнь и судьбу.

Андрей же был полной Максиму противоположностью. Мягкий, уступчивый, нежный, заботливый. Он отдавал себя, ничего не требуя взамен, в то время, как Максим только брал и брал, не думая о чувствах других.

Но уже пришло время все расставить по своим местам, разложить все по своим полочкам.

-Со мной все в порядке Просто немного устала, — я откинулась на мягкие подушки, мимолетным взглядом окидывая темно-бежевые занавески, коричневый шкаф у стены напротив, тумбочку рядом с кроватью и дверь, расположенную справа от нее. Комната была светлой из-за нежно-белого цвета обоев и уютной. Вынуждена признать, что у моего заботливого друга хороший вкус, только вот телевизора не хватало, — Андрей...

-М-м?

-Почему?

Парень удивленно поднял брови, не понимая, о чем идет речь, и я продолжила:

-Почему ты решил поступить со мной так? Что ты хотел этим доказать?

Наконец догадавшись, о чем я у него спрашиваю, Андрей нервно провел правой рукой по светлым волосам и сел в мягкое красное кресло, стоящее у ног двуспальной кровати.

-Поверь, если бы я знал, что все так обернется, я бы никогда не назвал тебе адрес.

Мои руки сжались в кулаки, а глаза полыхнули яростным огнем:

- А что ты думал? Что я, увидев Максима с другой, прибегу и кинусь тебе в объятия. шепча слова любви? Ну, отвечай.

Андрей вскочил с кресла и, пройдя по комнате несколько раз туда-сюда, вернулся на свое место и, с силой сжав мои руки, порывал злым голосом:

-Может быть и так. Может мне этого и хотелось, но, в первую очередь, я хотел, чтобы ты была счастлива... чтобы ты, наконец, выпуталась из тисков Максима и увидела все без розовых очков. Чтобы ты поняла, что он просто использует тебя... играет с тобой...

Вырвав свои руки, я отскочила от него. Меня обуяла такая злость, что я не знала, куда деть руки, которые просто порывались ударить сидящего рядом человека.

-Почему же ты не предупредил меня об этом в нашу первую встречу? Почему просто не поговорил со мной и не рассказал обо всем?

-А ты поверила бы мне?

Этот вопрос ввел меня в ступор. Я просто открывала и закрывала рот, не зная, что сказать. Не находя слов. Андрей был прав.

Если бы мне неделю назад кто-то сказал такое, я никогда не поверила бы этому. Рассмеялась бы в лицо человеку, посмеявшему промямлить такую чепуху, и ушла бы, даже не ответив. Моя любовь так ослепляла мне глаза, что я ничего и никого не замечала вокруг, кроме Максима.

Но это не оправдывало Андрея. Он искал в этом и свою выгоду.

Я отвернулась к стене и прикрыла глаза. Усталость берет свое.

-Ты отдохни пока, а после мы обстоятельно поговорим.

Не дождавшись от меня ответа, он вскочил с места и покинул комнату, тихо прикрыв за собой дверь.

Меняхватило лишь на несколько минут и все сдерживаемые дотеле чувства вырвались наружу:

Из моих глаз покатались горькие слезы обиды и я, не выдержав, зарыдала в голос. Все рвалось изнутри, все просто ломалось и причиняло страшную боль. Я не могла больше терпеть, не могла больше держать это в себе. Мне было так тяжело, что не хватало воздуха.

Мне противно от себя самой. Противно от того, что я все еще люблю его, после такого предательства. Все еще жажду увидеть его, вдохнуть его запах, прикоснуться...

-Макс, за что ты так со мной поступил? За что???

POV Андрея

Я мерил комнату большими шагами, выкуривая одну сигарету за другой.

Мне хотелось кричать в голос. Кричать о том, чтобы это все прекратилось... чтобы она перестала рыдать, рая мою душу и заставляя проклинать все на свете. Проклинать Максима, который причинил ей такую боль, заставил так страдать.

Страдать такую хрупкую и ранимую девушку... Девушку, которая готова была отдать за него жизнь и душу...

Но больше всего я ненавидел самого себя. Ненавидел за то, что сам обрек ее на это. Что это я являюсь причиной ее боли и терзаний. Не надо было вмешиваться. Не надо было встревать в ее жизнь. Мне следовало просто закрыть глаза.

Но, черт побери, я не мог. Не мог наблюдать, как Макс обманывает ее, как губит...

Потушив сигарету и отбросив ее подальше, я выскочил из кабинета и ворвался туда, где мучилась девушка, которой я отдал свое сердце в тот же миг, как увидел.

Стремительным шагом, сократив расстояние, я присел на кровать и, приподняв, сотрясающуюся от рыданий Розабеллу, крепко прижал к себе. В первые минуты она отбивалась от меня, прося оставить одну, но вскоре стихла и сама прижалась еще ближе.

Медленно, я опустился на кровать, потянув ее за собой, и накрыл нас теплым одеялом, нежно шепча:

-Успокойся, родная. Все будет хорошо. Я обещаю...

Через несколько минут рыдания стихли и по ровному дыханию, лежащей рядом любимой, я понял, что она уснула.

Уткнувшись лицом в мягкие волосы и, еще крепче обняв ее, прошептал:

-Я убью любого, кто посмеет причинить тебе боль. Один раз я позволил этому случиться, но такого больше никогда не повторится.

Ирина:

ТЫ ИЗМЕНЯЕШЬ МНЕ С ЖЕНОЙ

Я упрекать тебя не буду,

А вот не плакать не проси.

Приходишь ты ко мне по будням

И вечно смотришь на часы.

И ни остаться, ни расстаться

Никак не можешь ты решить.

А мне уже давно за двадцать,

И мне самой пора спешить.

ты изменяешь мне с женой,

Ты изменяешь ей со мной.

Ты и женой, и мной любим.

Ты изменяешь нам двоим.

Прощаясь, смотришь долгим взглядом,

Рука задержится в руке.

А я следы губной помады

Тебе оставлю на щеке.

Придешь домой, жена заметит,

И ты решишь, что это месть.

А я хочу, чтоб все на свете

Узнали, что я тоже есть.

Мне сон приснился невозможный,

И ты, явившись в странном сне,

Промолвил вдруг неосторожно,

Что навсегда пришел ко мне.

Но был недолгим сон тот чудный,

Тебя опять ждала жена.

Опять с тобой я буду в будни

И буду в праздники одна.

-Не смей этого делать. Прошу, только не это.

Я стояла у закрытой двери в ванную и закрывала руками голову, чтобы Андрей не смог размазать мне лицо снежком или закинуть его за шиворот теплой зимней куртки. Не далее, как вчера, Андрей побывал на вокзале и забрал оттуда мой чемодан с необходимыми вещами, который я оставляла на хранение по прибытии сюда.

Сегодня же он ни свет, ни заря поднял меня из постели и заставил переодеться в теплую одежду, причитая о том, что ночью повалило много снега. Никакие мои уговоры не помогали. Андрей был упрям в своем желании вытащить меня из комнаты на свежий воздух, заявляя, что это поможет мне до конца избавиться от злосчастной болезни, прийти в себя и, наконец, мы отпразднуем мое прошедшее день рождения.

Последнее меня не заботило, поскольку с детства я не любила этот праздник, который

лишь приближает тебя к смерти. Вот такая я пессимистка!!!

Не дождавшись ответа, я медленно опустила руки, решив, что он пожалел и пощадил меня. Что и было правдой.

Андрей просто стоял, сжимая в левой руке таявший снежок, капли которого стекали на пол и пристально смотрел на меня. Его серые глаза сияли каким-то странным блеском, заставившим сжаться мое сердце. Такими же глазами смотрела и я на Максима.

-Не надо, Андрей!

-Не волнуйся, я не сделаю этого, ведь может ухудшиться твое здоровье.

-Я имею в виду совсем другое, — шепотом произнесла я, пытаюсь засечь каждую эмоцию на его лице. А они были!!! Сперва в его глазах отразилось недоумение, вопрос, а затем они сменились пониманием и грустью. Полные губы поджались, а на скулах заходили желваки.

Он, молча, несколько долгих минут, прожигал меня несвойственным ему гневным взглядом, а когда, я уже хотела нарушить неловкое молчание, бросил сквозь сжатые зубы:

-Ничего не могу с собой поделать. Не получается смотреть на тебя иначе.

Через секунду я осталась стоять одна, припертая к холодной двери и, смотря вслед уходящему мужчине, которому хотела бы подарить свое сердце, если бы оно уже не было украдено другим.

Я стояла у небольшого окна в гостиной, открывающего вид на ночной город, тонущий в маленьких светлых огнях. Зрелище было прекрасное, благодаря тому, что квартира Андрея находилась на 14-м этаже. Мои мысли были заняты одним человеком, который вошел в мою жизнь сравнительно недавно и принес с собой счастье, любовь, боль, обиду и предательство.

Прошел уже два месяца с той промозглой ночи и мои разум и душа начали приобретать совсем другой оттенок эмоций. Мое сердце привыкло к этой боли — она стала какой-то ноющей, привычной. Как что-то такое, к чему человек привыкает по мере стремительно уходящего времени.

Мне уже не хотелось, как раньше, исчезнуть из этого мира, раствориться в темноте. Через две недели после случившегося, вместо отчаяния пришла пустота; через месяц — вместо надежды о его возвращении и раскаяния пришли злость и смирение, а сейчас во мне разгорелось понимание того, что это никогда не пройдет... что я уже не смогу полностью довериться кому бы то ни было...

Я провела рукой по распущенным волосам и вспомнила радость матери, когда я сообщила ей, сегодня вечером, по телефону о скором возвращении домой, и смех брата, желающего увидеть меня, как можно скорее.

Вот они... Родные, ради которых теперь будет биться мое измученное сердце, и я не позволю никому разрушить наше единство. Нам больше никто не нужен.

-Хочешь чашку кофе? — бархатный голос Андрея прозвучал рядом с моим ухом, обдавая теплом и наполняя сердце нежностью к этому человеку.

Андрей был для меня в эти два месяца якорем спасения, и я прониклась к нему дружескими чувствами, которые и украшали темноту, поселившуюся в душе. Он подарил мне два месяца тепла и заботы, которые стали отдушиной после двух лет какой-т неестественной прострации и печали.

Он вывел меня в свет, показывая все достопримечательности города, которые я однажды уже видела с Максимом... Побывал вместе со мной во всех музеях и театрах,

которые я обожала с детства.

Он вытащил меня из глубокой ямы и показал мир во всей его красе. Показал, что не все потеряно, что надо бороться за каждый глоток воздуха... надо научиться быть сильной...

Однажды, Андрей привел меня в интернат, где находились дети-инвалиды, и познакомил со многими из них. Оказывается, он раньше сам провел в таком месте несколько лет после смерти родителей и понимал всю глубину отчаяния этих малышей. Когда же я попросила рассказать об этом, Андрей отмахнулся, заявив, что его воспоминания лишь подпортят мне настроение, а это шло вразрез с его планами.

Он оказался прав! Видя этих несчастных детей, свое горе мне показалось чем-то не требующим обширного внимания, и жалость к себе быстро испарилась.

В тот день я, наконец, обрела то, что казалось утерянным... поняла, как нужно поступить, когда я вернусь в Москву. У меня возник четкий план действий, которые отгородят меня от реальности, дав возможность забыться...

Погрузившись в себя, я совсем забыла про ожидающего моего ответа, мужчине, который не преминул напомнить о себе, пальцами постучав по моему лбу:

-Прием, вы меня слышите???

Я улыбнулась и повернулась к Андрею, беря горячий напиток из его рук.

-Извини, я просто немного задумалась.

Андрей обеспокоенно заглянул в мои глаза и спросил:

-Тебя что-то беспокоит? Ни чего не болит?

Я, задумчиво глядя на него, сделала глоток крепкого напитка и отрицательно покачала головой. После того визита врача, Андрей постоянно осведомлялся о моем самочувствии, уверяя, что хочет удостовериться в полном отступлении болезни. В первое время, я не обращала на это внимания, но вскоре сомнения наполнили и мою голову. А неделю назад, когда Андрей ни с того ни с сего заставил меня насильно пройти курс обследования у знакомого врача, я поняла, что он скрывает от меня что-то. Что-то очень важное.

С одной стороны, меня обижало такое отношение, ибо за два года я наслушалась лжи и скрытия истин, но с другой... я просто боялась услышать правду, которой, он, несомненно, поделился бы со мной, если я была бы более упорной.

Боялась потому, что часто ощущала боли в области груди и сердца, постоянную слабость, иногда происходило и так, что мои движения замедлялись, и я чудом не падала в обморок от усталости.

Не знаю, что это были за симптомы, но знать я этого пока не хотела. Как-нибудь потом...

Сейчас же, я, как бы ни было стыдно признавать, доверила свое здоровье Андрею, который регулярно пичкал меня разными таблетками. Пусть пройдет немного времени, и я сама возьмусь за лечение. Я буду сильной, но потом...

Я подошла к дивану, стоящему посередине комнаты, напротив плазменного телевизора и присела на его краешек. Глубоко вдохнув воздуха в легкие, что причинило немалую боль, я оставила чашку на подлокотник и подняла глаза на Андрея, следом за мной, опустившегося рядом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он протянул руку и легким движением прочертил очертания впалых щек и подбородка. Я понимала, что за этим последует, но все равно не была готова, когда Андрей наклонился и своими теплыми твердыми губами припал к моим в нежном поцелуе.

Меня раздирали противоречивые чувства... Хотелось отвернуться — прекратить поцелуй и, одновременно, прижаться сильнее, потонуть в этом омуте безграничной ласки.

Мои ощущения разительно отличались от тех, что я испытывала, когда меня целовал Максим. То были совсем иные, чувственные, эротические и, захватывающие, поцелуи. Они заставляли меня забыть обо всем на свете, заставляли тело загораться от страстного желания, а сердце сжиматься от сладкой боли.

В объятиях Макса я терялась в пространстве и времени, желая лишь одного: никогда не отпускать его и всегда быть рядом с ним.

Отстранившись от Андрея и опустив глаза, я срывающимся голосом прохрипела:

-Не могу, Андрей. Это неправильно.

Вскочив с места и, чуть не опрокинув чашку с уже остывшим кофе, которую перехватил Андрей, я выбежала из гостиной, проклиная все на свете. А в особенности, Максима, который никак не желал покидать мои мысли и оставить в покое.

Ворвавшись в свою комнату, я бросилась на кровать и дала волю чувствам, не переставая молить Бога даровать покой мне и всем дорогим для меня людям.

Матери, которая терпеливо дожидалась меня в Москве, считая, что я прекрасно провожу время вместе с Максимом.

Брату, который сам порывался сократить расстояние между нами и, захлебываясь словами, рассказать о своих успехах в школе.

Андрею, желавшему мне лишь добра и счастья, отдающего себя всего, ничего не требуя взамен.

Голова от всех пережитых впечатлений так разболелась, что уснуть этой ночью мне так и не удалось....

Весь следующий день я ощущала такую усталость, что, когда раздался звонок в дверь, пришлось силком заставить себя встать с постели и пойти открывать, предварительно накинув на тело, прикрытое лишь тонкой ночной рубашкой, домашний халат Андрея.

Андрей ушел еще ранним утром, ничего мне не сказав, и до сих пор не вернулся. Я и не винила его в этом, ибо сама не могла объяснить свои чувства ему и признаться себе в том, что, никто не способен разжечь во мне огонь желания, кроме самого Максима.

В каком-то роде, я была рада, что за то время, пока его не будет, смогу привести себя в прежнее равнодушное состояние и мыслить более рационально.

Даже позвонила матери, прося ее заглянуть в университет и написать заявление о переводе на заочное отделение. Нужно же как-то действовать и устраивать свою жизнь, которая все еще продолжается.

Настенные часы, висящие перед входом в просторную столовую, показывали без пяти восемь вечера, и я удивилась, кто мог прийти сюда. Ведь Андрей говорил, что его питерский адрес никому не известен, кроме него самого и меня. Такую скрытость он объяснил тем, что ему иногда хочется побыть в гордом одиночестве, отгородившись от всех.

Звонок не переставал трещать, отдаваясь громким гулом в голове.

-Да открываю я, только умолкните там, — прорычала я, щелкая замком на двери и приоткрывая дверь, забыв даже глянуть в глазок, о чем сразу пожалела.

За дверью стоял Максим Чернышевский собственной персоной...

ЕЛЬЗЯ СНАЧАЛА УБИВАТЬ,
ПОТОМ ШЕПТАТЬ: "Я НЕ НАРОЧНО!!!"
НЕЛЬЗЯ ВСЕ ВРЕМЯ ПРЕДАВАТЬ
ПОТОМ МОЛИТЬ: "ИСПРАВЛЮСЬ! ТОЧНО!"
НЕЛЬЗЯ СНАЧАЛА ПРИНИЖАТЬ,
ПОТОМ ПРОСИТЬ: "ПРОСТИ ЗА ШУТКУ!".
НЕЛЬЗЯ ТРУСЛИВО УБЕГАТЬ,
СКАЗАВ, ЧТО "ВЫШЕЛ НА МИНУТКУ!"
НЕЛЬЗЯ ВЕРНУВШИСЬ СДЕЛАТЬ ВИД —
ЧТО ВСЕ КАК ПРЕЖДЕ ОСТАЕТСЯ.....
ВЕДЬ ЖИЗНЬ НА МЕСТЕ НЕ СТОИТ!
ЗА ВСЕ... ВСЕГДА... ВСЕМ... ВОЗДАЕТСЯ!...

Анна

С минуту я смотрела на него, широко открыв глаза, а затем, сообразив, что к чему, хотела закрыть дверь, но было поздно: Максим просунул ногу и не дал двери захлопнуться перед его носом.

Он резким движением руки распахнул ее и окинул меня, с ног до головы, пронзительным взглядом карих глаз, в которых отразилось презрение, когда он, наконец, встретился с моими, наверняка широко распахнутыми от удивления.

-Что? Решила перепрыгнуть с моей постели на чужую от охватившего тебя горя? Или же, невинная ласточка, захотела отомстить таким образом?

Слова резали уши и врывались в сердце, как остроконечные ножи, причиняя тупую боль. Но вместе с тем, эти же слова распалили мою злобу и гнев, которые я запрятала внутри себя, не желая уподобляться Максиму.

Мои руки сжимались и разжимались от ярости, ноздри раздувались и, мне казалось, что еще минута и из меня начнет полыхать пламя, сжигающее все изнутри.

Моя рука, занесенная для удара, была мигом схвачена и вывернута за спину. Боль пронзила все тело, а сама рука начала пульсировать.

-Что ты делаешь? Отпустите меня, — слова вырывались из горла вместе с болезненными всхлипами, но Максим даже не собирался меня слушать. Подняв меня на руки, он захлопнул дверь и понес меня в сторону гостиной. Хорошо, что он не знает, где находится спальня.

Я не пыталась вырваться. Да и зачем? Я хорошо понимала, что не смогу мериться с ним силой.

Мериться силой с человеком, который 3 раза в неделю ходит в спортзал и упорно занимается несколько часов подряд? Увольте, я не такая глупая!

Пройдя в гостиную, Макс опустил меня на пол, рядом с искусственным камином, и уставился задумчивыми глазами. На нем был деловой костюм серого цвета и черное пальто, накинутое сверху. Подняв глаза на его лицо, я безумным взглядом начала изучать знакомые черты, удивляясь тому, как он изменился за время нашей разлуки.

Впалые щеки и резко обозначившиеся скулы говорили о худобе, мешки под глазами и растрепанные волосы — о беспокойстве и бессонных ночах. Неужели...

Нет!

Может...

И снова я отвергла свои мысли, даже не попытавшись их прояснить. Нечего надеяться и желать невозможного. В отношении Макса это совсем противоестественно. Такой человек не может переживать за кого-то, скучать по кому-то. Человек, который изменил своей жене и использовал меня, не может что-то чувствовать. Жаль, что я поняла это только недавно. Не поняла, что у Максима Чернышевского, делового магната и бизнесмена, нет сердца.

Его молчаливый взгляд, прожигающий до глубины души и вызывающий отклик во всем теле, начал действовать мне на нервы и я, гордо подняв подбородок, ничего не выражающим голосом, спросила:

-Что тебе надо?

Пусть мое тело и предаст меня, отзываясь на присутствие этого человека нервной дрожью и ускоряющимся ритмом сердца, я не позволю разуму идти у него на поводу.

На мою попытку сопротивляться ему, Макс лишь ухмыльнулся и приподнял левую бровь. По позвоночнику поползла нервная дрожь. Знаю я эту его манеру... Она не предвещает ничего хорошего.

Под предлогом того, что мне холодно, я отошла от него, ближе к камину и, собрав всю свою волю в кулак, решила бороться до конца. Ему не одолеть меня, хоть сердце и сжимается от одного лишь взгляда на его красивое и мужественное лицо.

-Я пришел за тобой, Роза.

Слова, произнесенные тихим шепотом, не обманули меня. Я сумела различить в них оттенки злости и... Ревности.

Ну, конечно! Ведь Максим яростный собственник и не уступает своего никому. Только вот, он немного ошибся и поздно спохватился.

Я никогда не была и не буду ничьей собственностью. То, что я многое прощала ему и не пыталась расспрашивать о чем-то личном, говорило лишь о том, что моя любовь является чистой и преданной. О том, что моя любовь являлась настоящей.

Я горько ухмыльнулась и попыталась быть честной сама с собой: Я ДО СИХ ПОЛЮБЛЮ ЕГО.

Люблю этого мерзавца, который не видит вокруг ничего, кроме себя. И не могу с этим что-то сделать.

Я хотела бы руками вырвать свое сердце, отплясывающее пляс по нему, если бы он не захватил в плен еще и душу.

-Ничего не скажешь?

Я вздрогнула, услышав его голос так близко от себя. Горячее дыхание обожгло ухо и пронеслось электрическим разрядом по всему телу. Резко обернувшись, я пронзила его уничтожающим взглядом и прошипела:

-Просто потеряла дар речи от твоей наглости, — я отстранилась от него и, ту же затянув пояс огромного халата, продолжила, — что я, по-твоему, могу сказать? Ты и так выразил свою точку зрения, которая соответствует действительности.

Не успела я договорить последнее слово, как была прижата к холодной стене. Его мощное, излучающее огонь тело, впечаталось в меня всем весом и не давало двинуться ни на шаг. Глаза, пропитанные гневом и каким-то странным сиянием, изучали мое лицо на признаки выявления лжи. Не найдя там того, что хотел найти, Максим нервно пождал губы, а затем грубым голосом, пропитанным ядом, спросил:

-Это правда?

Я сделала невинное лицо и ответила вопросом на вопрос, не отводя глаз:

-О чем ты?

-Не притворяйся дурочкой, Розабелла. Ты знаешь, о чем я, — Максим поднял руку, и его шершавая ладонь пробежалась по моим распущенным волосам, каким-то отчаянным движением, — Но, если ты хочешь, чтобы этот вопрос был озвучен, я исполню твое желание.

Минуту он гладил мои волосы и щеки, прослеживая собственную ладонь почти, что черными глазами, и, наконец, задал свой коронный вопрос:

-Ты изменила мне?

Я не могла смотреть на него. Не могла видеть лицо мужчины, которого выбрало мое сердце, но, который уже был занят.

За эти недели меня посещали много мыслей... я прошла через много чувств и эмоций, и одним из всего, что мешало мне спокойно спать, было ощущение собственной вины.

Она медленно поглощала все мои мысли, терзала душу и проникала в сердце мелкими иголочками, причиняя больше боли, чем все остальное.

Вина за то, что я стала причиной разлада в семье. Стала той, которая чуть не разрушила судьбу ни в чем неповинной женщины. Именно эта вина не давала мне покоя все это время, губя час за часом, день за днем...

И именно эта «вина» заставила вырваться следующим словам:

-Да... я изменила тебе, Максим...

В следующую секунду, меня резко отпустили, из-за чего я чуть не плюхнулась на пол. Не решаясь взглянуть в его лицо, я отошла на несколько шагов от греха подальше, и хотела попросить его уйти, как услышала:

-Я не ожидал этого от тебя, Розабелла, — приблизившись ко мне, Максим поднял мою голову за подбородок и заставил обратить на себя внимание. О, Господи! То, что я увидела в его глазах, поразило меня до глубины души. В них читались боль, тоска, отчаяние, гнев, ярость... Мое сердце предательски сжалось и пропустило удар, — Я ошибался в тебе...

Когда он отпустил меня и, развернувшись, направился к выходу, я не смогла сдержаться. Не смогла остановить и пересилить себя. Я жаждала не столько мести, сколько правды и объяснений.

Выбежав, следом за Максимом, я дернула его за рукав и остановила на полпути.

-Кто ты такой, чтобы говорить мне такое? Как ты смеешь упрекать меня после всего, что натворил? Это ты... Ты изменник, а не я... Это ты обманывал нас все эти два года... меня и свою жену... Так какого черта ты заявляешься сюда и винишь во всем этом меня? Отвечай, Максим... Отвечай, черт тебя бери...

Вместо ответа, Максим резко развернулся, и, приподняв над землей обеими руками, страстным поцелуем впился в мои губы. В этом поцелуе не было ни нежности, ни ласки... Ничего, кроме грубости, злости, ярости...

Все мои чувства перемешались, образуя где-то в области живота, болезненный комок тепла и жара. Я не могла сопротивляться его натиску, чувствуя, в глубине души, что этим он хочет вытеснить свою ярость от осознания того, что я больше не принадлежу ему... что я изменила ему с другим...

Сколько это длилось, я не знаю, но легкие взяли свое, требуя воздуха.

Максим отстранился от меня и отпустил обратно на грешную землю. Недолго он буравил меня отсутствующим взглядом, а затем, ничего не сказав и не оборачиваясь, ушел...

Не буду таить, мне хотелось кинуться следом за ним...

Хотелось остановить Максима... не отпускать от себя...

Но, я не могла...

Хоть вся душа и требовала обратного, я, шаг за шагом, вошла в квартиру, закрыла дверь на замок и... Не выдержав, сползла по ней на пол, пропитанный зимним холодом...

Схватившись за голову обеими руками, я дернула волосы, пытаюсь привести себя в чувство, но ничего из этого не вышло.

Из моих глаз полились слезы, которые я все это время пыталась сдержать, а в области груди возникла ноющая боль не только душевной, но, уже ставшей привычной, физической...

Он поверил мне...

Поверил в то, что я изменила ему... в полном смысле этого слова...

А я?

А что я? Я не соврала, сказав Максиму об измене, лишь немного приукрасила правду. Ведь, для меня изменой являлся и тот поцелуй с Андреем...

Ведь только это я и имела ему ввиду.

А Максиму оставалось лишь сделать свои выводы... Дальше уже все зависело от него самого... И Максим сделал свой выбор...

В очередной раз он предпочел вместо меня совсем иное. Предпочел то, что сам захотел иметь...

Но только, он не знает одного... Не знает того, что его решение погубило одну душу и вернуло другой Мужа.

Что, сейчас, он сделал одну несчастной, а другой подарил радость...

Того, что он посчитал правдой, явилось моей гибелью...

Андрей вернулся ближе к вечеру и сразу же поднялся в мою комнату, будто чувствуя, что со мной что-то не так. Я же сидела в мягком кресле и читала какой-то роман, точнее пыталась что-то прочитать вот уже несколько часов.

После визита Максима, я два часа не могла прийти в себя, но, вспомнив об Андрее, все-таки взяла себя в руки и, наспех приняв душ, пошла на кухню. Готовка всегда действовала на меня успокоительно, давала возможность отвлекаться на более насущные проблемы и на некоторый промежуток времени забыться.

С тринадцати лет, после смерти отца, я взяла на себя домашнее хозяйство, пока мама отсутствовала на работе. Этим я, во-первых, разгружала маму, которая старалась нас прокормить. Во-вторых, я научилась готовить, а в-третьих, это занимало мои мысли, не давая выйти вперед депрессии.

В тот печальный период мне это помогало... давало возможность жить дальше без любимого и родного человека...

Но не сейчас...

Сейчас все было по-другому. Каждый раз я вспоминала взгляд Максима, его прикосновения, резкие слова...

Вспоминались все счастливые мгновения, проведенные с ним...

В итоге пришлось выкинуть все в урну...

Да, да!

Именно в урну, стоящую, по-крайней мере, на расстоянии нескольких километров от

нашего подъезда. Пусть уже там волнуются о загрязнении атмосферы, и практикуют российские ПРОТИВОГАЗЫ.

Затем, я решила, что физические нагрузки уж точно снимут напряжение и психологический стресс, и принялась усердно делать зарядку, заброшенную в последние три-четыре года.

В результате: растяжение лодыжки, боль в спине, удар головой об стену, многочисленные синяки по всему телу и сломанный стул.

Последней каплей была эта книга, буквы которой никак не хотели сложиться в слова, текст, страницы и расплывались перед глазами, изображая волны, круче, чем при шторме в море.

Раздражение, вперемешку со злостью, всколыхнулись во мне, не давая вдохнуть спокойно.

Резким движением, отбросив от себя, ни в чем не повинную, книгу, я вперилась взглядом в, стоящего у двери, Андрея.

На нем были потертые до дыр синие джинсы и белая футболка с большой надписью: «Kiss me, please».

Ага, щас!!!

Очень оригинально!

-Где ты был все это время?

Мой голос был грубым и резким и, черт побери, мне это нравилось.

Надоело быть куклой в чужих руках. Быть тряпкой и нюней.

Надоело то, что этот мужлан печется обо мне, как о ребенке. Жалеет, сочувствует...

И ждет ответных чувств...

Андрей удивленно приподнял брови и хотел что-то ответить, но я не дала ему такой возможности:

-Нет, не надо объяснений. Это неважно, — подойдя к шкафу и открыв двери нараспашку, я начала перебирать вещи, решая, что же мне выбрать.

Через несколько минут моих поисков, Андрей нерешительным шагом направился ко мне и неуверенно спросил:

-Что ты делаешь?

На миг, подняв к нему лицо, я ухмыльнулась, увидев его ошарашенное, моим поведением, лицо. Наверное, думает, что я сумасшедшая. Пускай, помучается!

Не отвечая на вопрос, я вернулась к своему занятию и, наконец, нашла то, что искала.

Черное шелковое платье, которое мама подарила мне на день моего рождения по пути сюда. Визиту к, так называемому, парню дочери.

И, это же платье я собиралась надеть для него! Хотелось увидеть его реакцию, ведь, за все время нашего знакомства, я одевалась только в джинсы и широкие футболки.

-Вот оно, Андрей. То, что надо, — я быстро поднялась на ноги и прежде, чем скрыться в ванной, предупредила, все еще ничего не понимающего, Андрея, — мы собираемся в клуб. Приготовься.

Последний штрих и я готова!

Удовлетворенно кивнув себе головой, я отошла на некоторое расстояние от огромного зеркала и оценила полученный результат.

Тонкое платье хорошо облегало мою стройную фигуру и чуть прикрывало коленки,

декольте было в меру строгим, а смуглые плечи — открыты. Изящный кулон в виде сердца на тонкой цепочке, серьги-капельки и два золотых кольца придавали изысканность своей хозяйке.

Иссиня черные волосы собраны в греческую прическу, а на лицо минимум косметики.

Черные капроновые колготки и замшевые сапожки, на высоких шпильках, дополняли образ светской леди.

И вот! Я готова повеселиться в клубе.

Только клуб этот немного отличался от обычных.

Никаких зажигательных танцев, передозировки наркотиками, всяких там мафиози и несовершеннолетних...

Вход открыт лишь для высшего общества, к которому и относился Андрей, и который, однажды, показал мне все пристрастия «богатых и знаменитых».

После первого посещения, я уже не надеялась еще раз там побывать — просто не было никакого желания.

А теперь же мне хочется затеряться в толпе, раствориться в проблемах других (даже у богатых они есть, не так ли???) и забить на все.

На Максима, на его измену, на его жену, на свою любовь...

А для этого необходимо большое скопление людей и максимум спиртного.

Накинув на себя теплое пальто и нацепив шарф, заранее принесенные из прихожей, я выскочила из ванной комнаты и, достигнув гостиной, столкнулась с Андреем. Он на мгновение замер, оглядывая меня с ног до головы затуманенным взором серых, а затем, хриплым голосом, прошептал:

-Ты прекрасна, Роза.

Я, в свою очередь, тоже рассмотрела его наряд и осталась довольна: джинсы и футболку он сменил на строгий костюм, а волосы зачесал назад, что очень шло ему. На правом запястье часы — ролекс и перстень на большом пальце. От него пахло дорогим, приятным одеколоном.

А Максим не переносил на дух всякие искусственные запахи!

Помотав головой из стороны в сторону, я чарующе, (по моему мнению), улыбнулась и, кивнув головой в сторону двери, проронила мягким голосом:

-Пошли, красавчик!

Было уже 10 часов ночи, когда мы добрались до места. Андрей, держа за руку, провел меня внутрь двухэтажного здания белого цвета, оккупированного множеством шикарных иномарок.

Все было так же, как и в мое первое посещение: чуть приглушенный свет, излучающий какое-то синее сияние и классическая музыка, которая вскоре сменится более современной и популярной. Зависит от того, кто больше заплатит и у кого какая любовница.

У широкого бара в правой стороне уместилось несколько дам, ищущих богатенького мужа, а на высокой сцене, группа музыкантов готовились удовлетворять потребности влиятельных господ. Музыка, конечно.

Передав верхнюю одежду услужливому «дворецкому» и проведя меня к одному из столиков, стоящих недалеко от сцены, Андрей отодвинул для меня стул, подождал пока я сяду и отошел к бару за напитками. Он не спрашивал, что я хочу, ибо знал, что я полагаюсь на его вкус. Не так много спиртного я пила за всю мою жизнь, и не так уж хорошо в них

разбиралась, чтобы делать выбор на чем-то конкретном.

Да, сегодня мне хотелось в первый раз в жизни выпить, но на пути сюда я все-таки передумала. Кто знает, что мне взбредет в голову?

Вдруг мне, от отчаяния, захочется станцевать стриптиз на столе? Или же послать всех к черту, заявиться к Максиму домой и размазать лицо его жены о стену?

Увольте, в обезьянник что-то не хочется. Мне и здесь уютно.

Дождаясь Андрея, который о чем-то переговаривался с барменом, я начала вертеть головой, с интересом наблюдая за присутствующими, пока... мой взгляд случайно (или нет?) столкнулся с почти черными безднами хорошо знакомых мне глаз.

Сперва, я подумала, что это глюки, из-за случившегося сегодня сотрясения мозга (я ведь очень сильно ударила головой о стул, не так ли?), но, когда, эти же глаза зло прищурились и, несколько раз, тщательно оглядели мое тело, до меня дошла вся комичность данной ситуации.

Максим!

Здесь.

Сейчас.

Тот «злой дядька» все-таки еще не наигрался со мной и решил помучить?

Ну почему мне так не везет? Почему именно сегодня мне взбрело в голову прийти сюда? Ну, конечно! Я страдала!

А он-то??? Он что здесь потерял?

Ответ я получила мгновенно. Макс, собиравшийся подняться со стула, споткнулся на ровном месте и чуть было не упал, если бы не стул, стоящий рядом.

Он пьян?!

Макс Чернышевский был пьян! Осознание этого никак не желало утвердиться в моем мозгу. За все время нашей «любви» я ни разу не видела его потерявшим над собой контроль. Не видела его в таком состоянии.

Да, он пил. Но только в меру. Всегда был тверд в этом вопросе.

Он не переносил, когда люди много пили. Не переносил, когда другие теряли над собой контроль и не осознавали, что делают. Максим говорил, что в пьяном состоянии, человек лишь теряет то малое время, которое ему даровано и быстрее приближает свою смерть.

А теперь, этот же человек, всегда... до жути, правильный, сам «терял свое время».

-Только не это! — произнес подошедший ко мне Андрей. Он тоже заметил его!

Поставив, на наш столик, бокалы (кажется с шампанским — черт их разберет), он направился к Максиму, который был уже на полпути ко мне.

Я не знала, что мне делать. Как поступить.

Пришла сюда, чтобы хоть немного отвлечься от мыслей о Максиме, а тут такое...

Ну что же эта судьба делает? Почему она взялась за правило мучить меня? И почему Максим не вернулся к своей нареченной, а забился сюда?

Андрей, уже достигнув Максима, начал что-то говорить ему. Я не слышала ничего из-за музыки, хоть они и стояли только через два столика. Лишь быстродвигающиеся губы Андрея и поджатые Максима говорили о том, что разговор явно не из приятных.

Через несколько минут этого странного монолога, я заметила, как Максим чуть сжал кулаки, и тяжело вздохнула, понимая, что за этим может последовать.

Оторвавшись от стула, в который вжималась, как сумасшедшая, я начала пробираться к этим двум балбесам через, уже собравшуюся, толпу.

Конечно, «богатеньким» захотелось развлечься.

Уже приблизившись, я, наконец, различила гневную (как оказалось) тираду Андрея и замедлила шаг:

- Ты не имеешь на нее больше прав. И так причинил ей много боли и страданий. Слышишь? Хватит мучить ее...

Поняв, что медлить уже нельзя, и доказательством были подергивающийся глаз Максима и заходившие желваки, я вклинилась между мужчинами, удивив обоих.

-Перестаньте оба, — голос чуть подрагивал от чувств, охвативших меня при мысли о том, что Максим находится так близко. Стоит только протянуть руку и...

Так, стоп! Возьми себя в руки, тряпка.

-Отойди Роза, мы сами во всем разберемся, — отчеканил Андрей, стараясь отодвинуть меня. Ага! Х*ен, у тебя получится это сделать. Мои ноги были чуть раздвинуты и сильно упирались в пол, руки прижаты к телу по бокам. Попробуйте, мои дорогие, поехать на метро, а не на шикарной машине и поймете, как держать стойку.

-Да, Роза, отойди. Послушайся своего хахаля, — голос Максима был еле понятен из-за сплетающегося, от алкоголя, языка, но все равно излучал яд.

Я чуть дернулась от его нецензурных слов, которых раньше он никогда не употреблял в своей речи, считая себя выше этого.

Оказывается, я его совсем не знала. Или он так резко переменился за время нашей разлуки?

Андрей же чуть не бросился на Максима, услышав эти слова, но я чудом удержала, чуть надавив обеими руками на его грудь. Это не укрылось от взгляда Максима, что еще больше разозлило его и он, не церемонясь, схватил меня за руку и дернул в свою сторону.

Я попыталась отстраниться, но Максим лишь прижал меня к себе и, уткнувшись в волосы, прошипел:

-Ты прекрасно выглядишь в этом платье, малышка. Сколько ночей ты отдала за него?

От этих слов мне стало трудно дышать, к глазам подступили горячие слезы, и я всхлипнула от боли, вновь вспыхнувшей в сердце.

Я не поняла, что случилось дальше.

Только успела вскрикнуть, как оказалась, отброшена в сторону и чуть не упала бы, если бы кто-то сзади не поддержал меня.

Я слышала какие-то крики, брань, вопросы, кажется, обращенные ко мне, но ничего не могла воспринять.

Мой разум будто отключился от реальности, решив, что столько переживаний он не может перенести и требуется перезагрузка системы.

Знакомая боль, в области груди, усилилась и преградила путь воздуху, не давая возможности дышать.

Голова закружилась, а в глазах помутнело.

Прежде чем провалиться в черную бездну, я успела заметить два переплетенных тела, двигавшихся по полу в отчаянной борьбе.

Она привыкла вечно быть второй
И каждый раз за кадром оставаться.
Не для нее совместный выходной
И свадьба... А ведь ей давно не двадцать.
Она привыкла, молча, тихо ждать,
Не ревновать и не просить награды,
И по ночам его не обнимать,
Ловить порой соседей злые взгляды.
Она привыкла забывать о той,
Которая с ним рядом постоянно,
И жить одной несбыточной мечтой
И верой, что она ему желанна.
А он, себя считая "светским львом"
И чередуя, правый-левый "берег",
Не думает в предательстве своем —
Несчастливыми он делает обоих...

Юлия

-С ней все в порядке?

Андрей!

Голос доносился словно издалека. Я не могла разлепить веки — они будто налились свинцом.

Попытавшись поднять голову, я застонала от пронзившей меня боли и вновь откинулась на что-то мягкое. Кажется, подушки.

Черт! Где же я?

-Лежите спокойно, вскоре вы придете в себя! — услышала я спокойный, незнакомый голос. Теплая ладонь опустилась на мой лоб, тем самым успокаивая и не давая снова сглупить, — с ней все будет нормально. Стресс и сильные эмоции утомляют сильнее всего. Я оставлю успокоительные и рецепт таблеток, которые ей нужно будет принимать несколько раз в день. А сейчас, — послышался скрип стула и возня с чем-то стеклянным (по звуку), — мне хотелось бы поговорить с Андреем, если вы не против?

-Что вы хотите сказать ему такого, что нельзя услышать нам?

Голос Максима я узнала сразу же и события сегодняшнего вечера (или вчерашнего?) мигом пронеслись перед глазами. Вторая попытка увенчалась успехом, и глаза чуточку приоткрылись.

Камин, пушистый ковер на полу, столик... Я мигом узнала гостиную в доме Андрея, чему порадовалась. Хорошо, что не в самом клубе!

Меня уложили на мягкий диван и подложили под голову несколько подушек. Платье было на месте, туфли сняты, а на тело накинуто мягкое одеяло.

Я осторожно повернула голову, боясь повторения тупой боли, и мой взгляд уперся в мужчину, стоящего у кровати, и держащего в руках коричневый чемоданчик. Врач!

Среднего роста и поседевшими волосами, в белом халате, он был немного ниже

Максима, который глядел на него свысока, ожидая ответа. Глаза виновника всего этого шума, были полны злости и непреклонной уверенности в своих силах.

Он весь излучал силу, власть и энергию. Его манера считать себя выше остальных всегда не столько раздражала, сколько привлекала меня.

И сейчас, когда Максим, с растрепанными волосами, помявшейся одеждой и синяком под глазом, все так же ощущал себя пупом земли, меня это лишь позабавило.

Стойте!

Синяк?

Присмотревшись повнимательнее, я поняла, что это не плод моего воображения и у Максима действительно присутствует синяк на пол лица. Уже пожелтевший и опухший.

Да, и не у него одного!

Переведя взгляд на Андрея, стоящего поблизости от кровати, я увидела, что у него тоже имеется внушительный фингал. Да еще, губа разбита.

-Извините, но то, о чем я хочу поговорить с ним, не относится к данному делу, — произнес доктор и двинулся к двери, ожидая, что Андрей последует за ним.

Второй же и не думал уходить, с недоверием и угрозой глядя на Максима.

Увидев, что я открыла глаза, он расплылся в широкой улыбке и воскликнул:

-Роза! Наконец-то!

Андрей кинулся ко мне, наклонился и нежно провел по щеке.

Я же не смогла выдавить и маленькую улыбочку, ощущая напряженный взгляд Максима и остро чувствуя его присутствие. Жест своего бывшего друга ему явно не понравился, ибо он мигом сократил расстояние между нами и оттолкнул его.

-Что ты творишь, ублюдок? — прошипел Андрей, уже намереваясь кинуться в повторную драку.

-Не надо! Что вы делаете?

Этот слабый и дрожащий голос принадлежит мне?

Кажется, что так!

Ну что ж, он хоть подействовал на взбесившихся истуканов, которые прожигали друг друга испепеленными взглядами.

Я несколько секунд грозно (кажется!) смотрела на них, не мигая и не отрываясь, а затем более твердым голосом заявила:

-Андрей не заставляй ждать человека! Имей уважение к старшим.

-Но...

-Иди, я сама здесь разберусь.

Андрей не двинулся ни на шаг и Максим, до этого молчавший, что для него было нехарактерно, процедил сквозь зубы:

-Ты не слышал? Выйди!

-Не смей отдавать тут свои долбанные приказы, — взорвался Андрей. Он несколько раз провел рукой по своим, и так взлохмаченным волосам, пытаясь успокоиться, затем, решительно взглянув на меня, произнес, — я не оставлю тебя с ним наедине.

Максим угрожающе зарычал и уже хотел двинуться на своего «врага», мигом вставшего в боевую позицию, но я вновь помешала им:

-Хватит! Что вы ведете себя, как дети малые? — я указала рукой на Андрея, — не волнуйся, я не маленькая — справлюсь. Иди уже! — дождавшись, пока он неуверенными шагами покинет гостиную, я перевела глаза на Максима.

Он не выглядел настолько пьяным, как мне показалось сперва. Значит, все-таки, это был «вчерашний вечер»?

Поскольку окна в гостиной были задернуты шторами, а часов поблизости не наблюдалось, я вынуждена была спросить об этом, стоящего передо мной мужчину.

Но разговор как никак должен же был начаться, не так ли? Так, почему же мне не начать его этим, банальным на вид, вопросом?

Собрав волю в кулак и, тяжело вздохнув, я решилась:

-Сколько сейчас времени?

Максим оперся ногой о диван и, скрестив руки на груди, ответил:

-Полдень нового дня.

-Что?

Я удивленно приподнялась на локтях и удивленно уставилась на Максима, который лишь усмехнулся на мое восклицание и продолжал испепелять меня яростным взглядом из-под полуопущенных, длинных ресниц.

Что меня так шарахнуло, из-за чего я пролежала в без сознания целую ночь и полдня?

Это же ненормально, что вполне здоровый человек ни с того, ни с сего падает в обморок. Ну, я понимаю, стресс, эмоции... о чем еще там говорил доктор? Но такого мне еще слышать не приходилось.

-Тебе что-то нужно? Может, принести воды?

Голос Максима вывел меня из раздумий, и я обратила на него свой взор.

Каким же усталым он выглядит. Каким потерянным.

Так хочется подойти, обнять, приласкать... утешить его и этим утешиться самой.

В его крепких объятиях, сильных руках... на его мощной и теплой груди.

Прижаться к нему крепко-крепко и не отпускать, как было совсем недавно, а кажется, что так давно...

Неужели, он так же обнимал и свою жену?

Неужели она так же, после бурной ночи ласк и страстей, теснее прижималась к нему и засыпала, чувствуя себя желанной и защищенной?

Неужели он гладил ее, своими мозолистыми, сильными руками так же, как гладил мое, таявшее от его прикосновений, тело?

Чувствуя, что опять погружаюсь в пучину тоски и жалости к себе, я зажмурила глаза и несколько раз втянула в себя воздух через нос.

Хватит!

Мне надо успокоиться и думать лишь о том, что он предал меня.

Что этот мужчина, стоящий рядом и излучающий, прожигающую до дыр, силу, не достоин моей любви. Моей преданности.

Взяв себя, наконец, в руки, я открыла глаза и заговорила ровным голосом:

-Мне нужно лишь одно, Максим. Чтобы ты убрался куда подальше и из этого дома, и из моей жизни. Я не хочу тебя видеть... да что там говорить: Я НЕ МОГУ ТЕБЯ ВИДЕТЬ. Мне противно твое лицо, твой голос... мне все опротивело в тебе, понимаешь?

-Не надо говорить то, о чем пожалеешь потом, Роза, — выдал Макс, все еще не отрываясь от дивана. Лишь его глаза, которые горели ярким огнем и губы, сжатые в тонкую линию, предупреждали об опасности.

Но я не собираюсь сдаваться. Надоело быть игрушкой в его руках и ждать пока ему не надоест играть со мной. Надоело терпеть его холодность, которая долгое время не

подпускала меня к себе на расстояние вытянутой руки, и не давала возможности полностью насладиться счастьем.

-Я уже пожалела, Макс. Пожалела о том, что вообще встретила тебя... о том, что познакомилась и влюбилась в тебя. Отдала свое сердце тебе, доверилась тебе, но ты, — ты ткнула в него пальцем и продолжила выплескивать свой гнев, — ты разрушил все. Растоптал и разбил.

-Я все разрушил? Я предал?

Максим отскочил от своей опоры и наклонился надо мной, уперев руки по обе стороны моей головы. Его учащенно дыхание обожгло мою кожу, а близость заставила сердце пуститься в безумный пляс.

-А кто из нас двоих женат? — прошипела я, вжимаясь в диван и пытаюсь отодвинуться от него.

Его заявление, в котором не чувствовалось ни капли раскаяния, просто поразило меня. Поразило и, одновременно, ввергло в гнев.

Максим несколько секунд, молча, прожигал меня злым взглядом, а потом, голосом, лишенным всяких эмоций, ответил:

-Я.

Мои глаза распахнулись от удивления, а рот чуть приоткрылся. И это все?

Все что он может сказать в свое оправдание.

Одно слово?

Одно слово, которое просто убивает что-то внутри меня, образуя пустоту. Слово, которое ставит точку в наших «отношениях» разъясняет мне мои позиции.

Оттолкнув его со всей силой, на которую была способна, я вскочила с уютного гнездышка, отбрасывая одеяло куда подальше.

А зря! Голова мигом закружилась, и пришлось вновь усесться, чтобы не «потерять лицо» перед этим лицемером и изменником, который не отрывал от меня глаз.

Хорошо, хоть руки не распускает!

-И ты просто заявляешь мне об этом?

Мой голос подрагивал от переизбытка чувств, а руки не находили места, нервно подергивая край подушки.

-А что мне еще тебе сказать, Роза? Что ты хочешь от меня услышать? Ведь уже сделала свои выводы, даже не выслушав меня. Не попытавшись разобраться.

Я, аж, подскочила от услышанного.

О чем это он?

Что он вообще несет?

Встав на ноги и переждав минуту, пока не пройдет головокружение, я подошла к нему и, задрвав голову вверх, уставилась в его непроницаемое лицо.

-Я видела достаточно, чтобы сделать правильные выводы. Я узнала достаточно, чтобы разобраться во всем. И мне не нужны твои лживые заверения, не нужны твои, не достойные моего внимания, оправдания. Все закончилось, Максим. Все в прошлом, — я сглотнула, чтобы дать возможность, следующей моей лжи, выйти наружу, — у меня теперь другая жизнь. Я перевернула страницу нашей с тобой любви, и начала с чистого листа. Начала вместе с Андреем, который любит меня искренне, и который никогда не предаст.

Я видела, как его лицо заливают краска ярости, видела, как он сжимал и разжимал губы.

Своими глазами наблюдала, как в его темных глазах вспыхивает и разом тускнеет

какое-то, неизведанное мной раннее, чувство.

Чувство, о природе которого, я не хотела задумываться. Не желала, потому что боялась поверить.

Поверить и понять... А поняв, простить.

Медленным, размеренным шагом, я отошла от него, чтобы не видеть этого нового чувства, которое исчезало из его глаз по мере того, как он осознавал мои слова. Как до него доходил смысл всего мной сказанного.

Максим покачал головой и прошептал:

-Так это все-таки, правда? Ты отдалась ему.

Его голос был едва слышен, но я различила слова и через силу, заставила себя кивнуть головой, хоть он и не спрашивал, а лишь утверждал.

-Да!

Даже одно слово может нести в себе то, что нельзя передать и тысячами предложений. Одно слово Максима, которое заставило меня перебороть свои чувства и мое... заставившее его увериться во лжи. Лишь одно слово может нести в себе угрозу не только тебе, но и всем окружающим. Может разрушить не только твою душу, но и весь мир в целом.

Максим постоял еще немного, пристально вглядываясь в мое лицо, пытаюсь найти там что-то, и только затем двинулся к двери.

Мне показалось, что он больше ничего не скажет... уйдет не обернувшись...

Но, Максим обернулся.

Он заговорил.

И голос его был пропитан таким холодом... такой отстраненностью от всего земного, что меня пробрала дрожь.

Его слова впились в мое сердце и душу. Заставили усомниться, но не поверить. Дрожать, но не пожалеть...

-Иногда все не так, каким кажется на первый взгляд, Роза. Иногда следует рассмотреть все еще раз, прежде чем действовать. Следует выслушать, прежде чем обвинять. Когда-нибудь ты все поймешь, но будет слишком поздно...

-Мы так скучали, дорогая. Так тосковали по тебе.

Мама еще раз прижала меня к себе, а брат залился радостным смехом. Его, так похожие на мои, глаза зажглись искренним светом чистой детской любви и согрели мое сердце.

Я притянула этого безобразника-блондина к нам и крепко накрепко обняла.

-Я купила тебе много миндальных конфет, Стас — прошептало я ему на ушко, когда он начал вырываться, из наших с мамой, объятий.

Стас, услышав это, расслабился и дал мне возможность насладиться его близостью.

Что поделать, брат считает себя уже взрослым и не терпит никаких сантиментов.

Как-никак он уже в третьем классе!

Приходится заманивать шантажом.

Ах, как хорошо вернуться домой, к родным!

Они согревают твою душу, сердце. Успокаивают и дают возможность расслабиться.

Среди них можешь быть сама собой, можешь раствориться в их любви. Понять, что ты не одинока в этом коварном мире и тебе есть место, куда можно спрятаться, и есть те, кто любят тебя, ничего не требуя взамен.

Как же я скучала!

Зная, что мама сейчас начнет расспрашивать меня обо всем, что происходило в Питере и как там Максим, я нерешительно отстранилась от них и, посмотрев маме в глаза, прошептала:

-Я немного устала.

Мама всплеснула руками и, оторвав брата, уже рывшегося в моей сумке в поисках угощения, воскликнула:

-Ох, дорогая. Ты уже полчаса, как стоишь на пороге. Прости меня, дуру, эдакую! Ты устала после перелета, а мы не отпускаем тебя, — не слушая моих заверений, она взяла мои сумки и направилась в сторону моей комнаты, при этом, не переставая причитать, — ты отдохни несколько часов, поспи хорошенько, а я приготовлю нам что-то вкусненькое. Ты же не предупредила, что приедешь именно сегодня, вот я и не успела...

Зайдя в комнату, я перестала слушать маму, которая всегда становилась немного болтливой, когда ее переполняла радость.

Я и вправду очень устала. Ноги не слушались меня, а глаза закрывались сами собой.

Вот и результат бессонных ночей после отъезда Максима.

Проболтав еще минут десять, мама оставила меня одну, а я сразу же об этом пожалела. Ее болтовня немного отвлекала меня от собственных мыслей.

Подойдя, к, стоявшему сбоку от односпальной кровати, туалетному столику, я отодвинула верхний ящик, кинула туда снятые украшения (не было у меня желания аккуратно сложить их в коробку для драгоценностей), и уже хотела закрыть ее, когда взгляд наткнулся на синий, украшенный стразами, альбом, лежащий сверху прочих книг.

Дрожащей рукой я потянулась к нему руку и вытащила на свет. Несколько долгих минут я, не отрываясь, глядела на него, а затем, подойдя к кровати, присела на самый краешек.

Тяжело вздохнув, я открыла его, и сразу же моим глазам предстало смеющееся лицо беззаботной девушки, которая, задыхаясь от любви, прижимала к себе огромного мишку и букет красных роз, подаренные любимым человеком.

Этот мишка и сейчас стоит в нашей гостиной, а розы давно завяли и их выкинули. Нет! Одна до сих пор прячется среди страниц любимой книги.

Следующая страница таила в себе воспоминания о дне, когда мы с Максимом развлекались на аттракционах. Тогда я еле-еле уговорила его свозить меня туда, вместе с братом.

На фотографии, Стас сидит на плечах у Максима и весело улыбается в камеру, а парень глядит на него снизу вверх и смеется какой-то (не могу вспомнить) шутке.

А вот эта моя самая любимая среди всех!

Я не смогла удержаться от улыбки, когда вспомнила, как Максим попросил прохожего снять нас вместе, рядом с мавзолеем Ленина на Красной площади.

Тогда он обнял меня, тесно прижал к своей широкой груди и поцеловал, глядя прямо глаза.

Именно этот момент и заснял фотограф, да так удачно, что я всегда удивлялась реальности чувств, отраженных на фотографии.

Он уловил тот момент, когда наши глаза встретились, а губы нежно соприкасались.

Все время, глядя на нее, я расплывалась в улыбке, радуясь, что получила самое большое счастье в мире и, считая, что оно продлится всю жизнь, но теперь...

Сейчас все это потеряло смысл. Все это было ложью.

Я не смогла сдержаться! Слезы сами полились из глаз, а сердце переполнила горечь,

затуманивая разум.

Да! Я обещала быть сильной.

Обещала не опускаться до предела, но у меня не получается!

Сейчас не получается.

Я уже была такой, когда выгнала Максима... когда, не обращая внимания на вопли сердца, прогнала его...

Завтра я возьму себя в руки...

Завтра я успокоюсь и начну все сначала... с чистого листа, как и сказала Максиму, но сейчас...

Сейчас я могу позволить быть себе слабой!

Могу поделиться своими эмоциями с одиночеством, охватившем все мое существо.

СЕЙЧАС Я МОГУ ВСЕ, ЧТОБЫ ПОТОМ УЖЕ НИКОГДА НЕ РАССЛАБЛЯТЬСЯ И ОТДАВАТЬСЯ ЧУВСТВАМ!

Над любовью смеялась измена,
А любовь угнетённо молчала,
Угасала она постепенно,
И плакала тихо ночами.
Кружилась измена, как ворон,
Клевала с неистовой силой,
Любовь истекала стоном,
Страдала, что не защитили.
Измена черна, как сажа,
И чёрных чувств — избылье,
Любовь не убили даже,
Ей просто сломали крылья.
Автор неизвестен

-Этого не может быть, мама. Кто мог это сделать? Кому это надо?

Я была на грани истерики, хоть и пыталась держать себя в руках. Всю меня трясло и подергивало от плохих предчувствий и неспособности осознать эту шокирующую новость.

На маму вообще было страшно смотреть. Казалось, что за одну минуту она постарела на несколько лет. Глаза были широко распахнуты и полны слез, на щеках блестел лихорадочный румянец, а губы нервно подрагивали.

ЕЕ, дрожащие от испуга руки, яростно сжимали скомканный лист белой бумаги, в котором и содержалось ужасное послание.

Поняв, что я должна взять себя в руки и мыслить рационально, я глубоко вздохнула несколько раз, а затем протянула руку за листом.

-Дай мне его, мама, — осторожно отрывая ее пальца от бумаги, нежно прошептала я.

Мама, ничего не выражающими глазами посмотрела на меня и разомкнула руку.

С громко бьющимся сердцем, я нерешительно разгладила послание и, мутными от беспокойства глазами, начала просматривать печатанный текст:

«Твой брат вернется обратно лишь тогда, когда Ты согласишься с моими условиями и забудешь про свои принципы и гордость!»

Всего лишь одно маленькое предложение! Всего лишь печатанный текст на изодранной бумаге!

А ранит хуже любого орудия убийства.

Вламывается в твою душу и трясет ею из стороны в сторону, течет, как яд по крови, превращая ее в негодный сгусток жидкости, прожигает внутренности одна за другой и добирается до сердца, чтобы растоптать и погубить.

Вот что происходило со мной в эту минуту.

Я начала медленно угасать!

Теряться в пространстве, становясь мельчайшими частицами, и исчезать в пустоте, не соглашаясь со всеми условностями этого грешного мира!

Хотелось завывать в голос, взглянуть вверх и закричать так, чтобы треснуло все стеклянное за многие мили вокруг.

Задать вопрос, не дающий покоя и рвущийся наружу:

«За что?»

Ну, скажите мне, за что?

Почему порой необходимо, разрушив чью-то жизнь, добить окончательно?

Почему маньяки-убийцы-наркобароны и другая «нежить», обитающая на земле, остается безнаказанной, а мы... низшая раса, живущая, дабы прокормить себя и своих родных, должны отвечать за все и жертвовать собой и близкими?

Никто не мог ответить на мой вопрос.

Никто не мог открыть мне глаза на эту «правду» жизни.

Мои ноги не смогли осилить такой груз, и я осела на колени перед, стонущей от горя, матерью.

Дыхание начало давать задний ход и пропускало кислород лишь мелкими глотками.

Грудь зашлась ходуном, прожигающим все тело жаром, кашель вырывался из горла, а голова готова была взорваться от неприятной и нестерпимой боли.

-Боже, что с тобой, родная?

Беспокойный голос матери прорвался сквозь бурю эмоций, затопившей меня и пробил трещину в крепкой стене страха.

Надо успокоиться!

Прийти в себя!

Нельзя еще сильнее пугать маму!

Через несколько минут чувства начали притупляться, и я смогла открыть зажмуренные глаза.

Хоть боль и не прошла, а воздуха все еще не хватало, я спокойным голосом сумела вымолвить:

-Все нормально! Это от страха! Сейчас немного успокоюсь и приду в себя.

Ложь вырывалась из меня так, будто я всю жизнь только этим и занималась.

Я понимала, что этот приступ не только от страха. Не только от испуга.

Здесь кроилось что-то более серьезное. И об этом хорошо известно Андрею.

Я сама виновата, что не попыталась выведать у него правду. Сама виновата, что не уследила за собой.

Но, ничего! Я займусь этим потом... когда разберусь с этим делом.

Теперь, когда мысли хоть и немного, но выстроились в ряд, я смогла подумать головой и прийти только к единственному из всех возможных выводов.

Максим!

Воспоминания недельной давности всплыли перед глазами и последние его слова, брошенные перед уходом, четко прозвучал в уме:

«Когда-нибудь ты все поймешь, но будет слишком поздно...»

Слишком поздно...

«Разве он способен на такое? Разве он смог бы поступить с тобой так?», — пробурчало мое сердце, не решаясь сдавать свои позиции.

Мог!

Он мог!

Человек, изменяющий своей жене... человек, который не ценит ничего вокруг себя... который считает себя выше остальных, отважится и на такое...

Ярость начала наполнять все мое существо, отодвигая эмоции и протестующие вопли сердца на задний план.

Руки сжались в кулаки, ногти до крови впились в ладони.

Я могу быть слабой перед любовью и уступать во многом ради правды и искренности.

Могу отдаться во власть постороннего человека, считая его самым лучшим и разрешить ему втоптывать себя в грязь...

Но, когда дело доходит до моих родных, я теряю всякий контроль и никто не в силах остановить меня.

За своих близких я готова бороться и с самим дьяволом...

Максим еще пожалеет, что связался со мной.

Я заставлю его глотать собственную кровь, если с моим братом что-то случится.

Заставлю пожалеть, что он вообще родился на свет!

Первым делом, после известия, так внезапно настигшего нас, я постаралась успокоить мать, дав ей снотворных таблеток и уложив спать в той же гостиной, на диване.

Потом набрала Андрею и разъяснила всю ситуацию в целом и свои подозрения.

Тот сказал, что прилетит первым же рейсом и попросил меня держать себя в руках и не поддаваться посторонним эмоциям.

Ему было не понять, что я только этим и занималась все время, пока дожидалась каких-нибудь известий.

Не могла сидеть без дела, зная, что стоит мне остаться наедине со своими мыслями, как приступ паники вновь начнется и уже не отпустит из своих лап.

Я побывала в школе, куда утром отправился Стас и откуда уже не вернулся, и расспросила всех, кто мне попадался на пути.

Ничего!

Никаких новостей. Никто не видел сегодня брата вообще!

Стас даже не присутствовал на занятиях, сообщила мне классная руководительница.

Это известие режущей болью прошло по сердцу, и я чуть не уступила страху.

Чуть не потеряла над собой контроль, но сумела сдержаться...

Сумела, вспомнив о маме и брате, которые теперь нуждались во мне, как никогда раньше.

Андрей сдержал свое обещание и ждал меня у подъезда, когда я возвращалась назад, после нескольких часов безрезультатных поисков.

Он, увидев меня издалека, мигом кинулся ко мне и прижал к своей груди, делясь своим теплом и уверенностью.

Хотелось плакать, забиться в истерике, когда я почувствовала, что уже не одна...

Что рядом есть человек, который поможет... успокоит... поделится силами и энергией.

Но я не могла так поступить... Не могла сдать...

Это была моя борьба, моя война.

Я оторвалась от уютного гнездышка и, взяв его за руку, повела в сторону дома.

-Пошли, нам надо о многом поговорить!

-Нет, Роза! Я не думаю, что это Макс, — Андрей категорично покачал головой и пригубил крепкий кофе, который уже успел немного остыть и продолжил, — Он, конечно, еще тот подлец, но до такого не опустится!

Я нервным жестом взмахнула руками, не желая соглашаться с Андреем и раздражаясь, как он, будто ничего не произошло, преспокойно попивает напиток.

-А кто это еще может быть, кроме него? Я не такая знаменитость, чтобы иметь много врагов, желающих отомстить мне.

Андрей несколько секунд пристально разглядывал меня, наверное, отмечая трясущиеся руки, подергивающийся глаз, а затем, через стол протянул руку, и успокаивающим жестом погладил мою ладонь:

-Не нервничай, милая моя, — все еще держа мою руку, он отодвинул стул и, встав, потянул меня за собой, — в этом деле, главное успокоиться и не делать лишних движений. Мы со всем разберемся, и кто бы это ни был — он ответит за содеянное.

-Что значит «не делать лишних движений», Андрей? — я вырвала руку и заметалась по небольшой кухне, не понимая, как реагировать на такое «спокойно» отношение, — Я здесь не нахожу себе места, не зная, где мой брат, что с ним, кто его похитил, зачем им это понадобилось??? Я еле успокоила маму, напичкав снотворными и уложив спать, надеясь, что ты поможешь мне... я готова забиться в истерике, но подавляю в себе все эмоции...

Не дав мне закончить, Андрей остановил меня на полпути к выходу из кухни, и, нежно прижал к себе:

-Родная моя... милая. Успокойся. Все будет в порядке, — он откинул мою голову назад, и, взглянув в мои глаза, улыбнувшись, произнес, — Сейчас, нам необходимо просто ждать. Вскоре все станет ясно.

Я оттолкнула его, и, гневным голосом выдала:

-Ждать? Я не могу ждать, Андрей, ты не понимаешь? Ты вообще хочешь мне помочь, или же мне все придется делать самой? Хотя, так и надо было поступить с самого начала! — приняв это решение, я развернулась и хотела приступить к действиям, но Андрей вновь остановил меня, на этот раз уже схватив выше локтя.

-Хватит, Роза!

Он развернул меня к себе, и я замерла, впервые увидев такую ярость на его лице.

Глаза Андрея из серых превратись почти в черные, и полыхали неистовым гневом, опалая искрами все вокруг себя. Рука, сжимавшая мою локоть, сжималась все сильнее и причиняла боль, а голос, пропитанный злостью, резал слух:

-Думаешь, я был бы так спокоен, если бы на то не было причины? Думаешь, я просто так сидел бы, ничего не предпринимая? — он покачал головой, словно не ожидал от меня такого поведения и продолжил, — Да, Максим обманул твое доверие, предал тебя, но это еще не позволяет тебе равнять меня с ним. Ты просто не имеешь права отмахиваться от моей помощи и не доверять мне! Если хочешь знать, то я подключил все свои связи, всех людей, которые подчиняются мне и, даже тех, которых не знал до сего дня! Они знают свое дело и отыщут твоего брата, где бы его ни прятали.

Андрей неожиданно отпустил меня и направился к выходу из кухни, а я стояла, не решаясь даже обернуться. Прежде чем хлопнула входная дверь, я сумела различить слова, произнесенные тихим голосом:

-Я никогда не достучусь до твоего сердца!

Не знаю, сколько я простояла после ухода Андрея, но пробудил меня к реальности голос матери, в котором слышалось беспокойство:

-Дорогая, где наш Стас? Он еще не вернулся?

Я медленно подошла к маме, стоящей у порога, и обняла хрупкое тело.

-Он вернется мама, обещаю тебе. Скоро наш Стас будет дома!

Я стояла у номера 82, гостиницы «Garden Ring», боясь протянуть руку и позвонить!

Нервы были напряжены до предела, а голова раскалывалась от боли, не желавшей отступить, и мешавшей в такой важной, для меня, миссии.

Андрей был прав. Прав в том, что, после предательства Максима, я разом утратила способность доверять. Доверять всем окружающим, не считая близких.

Хоть Андрей и заверил меня по телефону в том, что он все решит сам, и мой брат будет дома в ближайшее время, я не могла полностью поверить ему.

Я просто боялась!

Боялась, что из-за моего бездействия брат может пострадать еще сильнее и его уже не вернут нам. Что, если я полностью доверюсь Андрею, может случиться что-нибудь страшное.

И вот, после нескольких часов раздумий, в одиннадцать часов ночи, я стою перед номером Максима Чернышевского, жаждающая получить ответы.

Пусть Андрей и не верит в то, что все дело рук Максима, я знаю, что это он.

Ведь его последние слова и странная записка, веское этому доказательство, не так ли?

Найти его было не так уж и трудно. Я знала, что он еще не уехал из Москвы. Не могу это объяснить, но какая-то частичка моего сердца чувствовала его присутствие в этом городе.

Чувствовала, что он рядом, стоит только решиться на отчаянный шаг.

И я на него решилась! Только вот, не с теми требованиями и пожеланиями сердца, на которые оно надеялось. Все было с точностью до наоборот.

После нескольких звонков в самые элитные гостиницы Москвы, я узнала его местонахождение.

Конечно, сотрудники не решались делиться со мной такой конфиденциальной информацией, но термин «жена» и «сюрприз» действовал на них отлично.

Искомый объект обнаружился в небольшом элегантном отеле европейского стиля.

«Garden Ring», что в переводе означало «Садовое кольцо», был расположен в деловом центре Москвы, на пересечении Садового Кольца и проспекта Мира, в нескольких шагах от метро «Сухаревская» и «Проспект Мира» и, чтобы добраться до него мне понадобилось немало времени!

Но каков бы не был результат, он стоит затраченных усилий. На кону жизнь брата и спокойствие матери!

Наконец, собравшись духом, я нажала кнопку звонка и, в ожидании ответа, начала нервно поправлять одежду. Нельзя показать ему, как сильно меня задел его поступок!

На мне была черная юбка-карандаш, достающая до середины колен, серый кашемировый свитер и теплая куртка поверх него.

Сапоги на низких каблуках давали передвигаться и относительно спокойно, и с максимально возможной скоростью, в зависимости от настроения и, самое главное, от «настроения», а волосы, зачесанные назад и, закрепленные заколкой, заставляли чувствовать себя более уверенно.

Услышав шаги за дверью, я мигом насторожилась и приготовилась к атаке.

Дверь медленно приоткрылась, и мои глаза встретились, с некогда любимыми, карими, которые, увидев меня, удивленно распахнулись и зажглись РАДОСТНЫМ??? светом, который сразу же скрылся за привычной маской равнодушия!

Мне просто показалось!

Я усмехнулась. Наверное, считает, что я пришла с просьбой о прощении и помиловании.

Фиг те, милый!

Птичка улетела, а любовь потонула в глубине твоих злодеяний.

-Привет, Максим! Я пришла поговорить.

Черные брови «моего врага» приподнялись, а губы изогнулись в приторно-сладкой улыбочке, которая всколыхнула во мне раздражение. Рука сама потянулась к карману, в котором находилось «сокровище» для борьбы с этим жестоким зверем.

-Что, поняла всю глубину своих заблуждений и решилась вернуться к своему истинному избраннику Судьбы?

В его словах звучал такой сарказм, а глаза блестели таким торжеством, что мне понадобилось все мое самообладание, чтобы сдержать сумасбродный порыв.

Рука, уже прокравшаяся в карман куртки, сжалась в кулак.

-Все еще мечтаешь, Чернышевский? — я постаралась, чтобы голос звучал как можно бесстрастнее, а смех был пропитан ядом.

Кажется, удалось, поскольку глаза обидчика распахнулись еще шире, а брови поднялись еще выше.

Прежде чем он понял, что я делаю, я затолкала его в комнату и прикрыла дверь.

Не дай Бог, кто-нибудь заметит меня с пистолетом на руках!

Да-да!

Именно с пистолетом, который я взяла в сейфе нашего дома. Не думайте! Здесь никакого правонарушения нет!

Оружие принадлежало моему отцу по законному основанию, а после его смерти, было спрятано в бывшем кабинете отца, в сейфе с кодировкой.

Мама никогда не скрывала от меня номера сейфа, да и зачем ей это?

Она никогда не поверила бы, если ей сказали бы, что ее дочь с пистолетом ее умершего мужа, угрожает бывшему любовнику и «несостоявшемуся жениху».

Людмила Сергеевна лишь посмеялась бы в лицо неудачно «пошутившему», и заявила:

«Моя дочь-то? Моя милая, спокойная и тихая Роза, которая и муху не обидит? Ну, не шутите так со мной!»

Кажется, Максим поддержал бы в этом мою маму, если собственными глазами не увидел бы дуло пистолета, направленного прямо в его порочное и холодное сердце.

Это было видно по его ошеломленному лицу!

Конечно, я никогда не выстрелила бы в человека, пусть Макс и законченный ублюдок. Мне не хватит духу, а, если даже сделать это, то совесть погубит меня вслед за ним.

Мама, в какой-то мере права: Я никогда не опущусь до такого уровня!

Но пистолет нужен мне для того, чтобы испугать.

Я надеюсь, что это вспугнет его, и он прекратит свои игры!

-Я знаю, что это сделал ты, Максим и тебе же будет лучше, если ты во всем признаешься и скажешь, где Стас.

На лице Максима отразилось недоумение, а глаза выражали искреннюю растерянность.

-О чем ты, Роза?

Я сильнее приставила дуло к его сердцу и злобным голосом прошипела:

-Не смей притворяться дураком. Я не верю тебе. Точно знаю, что это ты спрятал моего брата и, что это ты написал ту записку. Говори, или я разнесу в клочья тот кусок льда, который прячется в твоей груди.

-Что ты творишь? Ты сама понимаешь, в чем меня обвиняешь? — он протянул руку к

моей щеке, пытаясь дотронуться, но я мигом отшатнулась и вlepила ему увесистую пощечину. Мужчина, не готовый признать свою вину — не Мужчина.

Я готова была бороться, драться, или, в крайнем случае, бежать, но, к моему великому удивлению, Максим лишь провел рукой по уже раскрасневшейся щеке, и тихо спросил:

-Что случилось со Стасом?

Я уже готова была вlepить еще одну... готова была кинуться на него с кулаками, но хриплый женский голос ворвался в мое затуманенное подсознание и заставил резко обернуться.

На пороге одной из двух дверей, «незнаюкудаведущих», стояла, среднего возраста, блондинка и с укором глядела на сцену, развернувшуюся перед ней.

В ее голубых, как летнее небо, глазах можно было увидеть страх и беспокойство, а голос, хоть она и пыталась это скрыть, дрожал.

-Что здесь происходит? Кто вы такая?

Не знаю, как и откуда, но ко мне сразу пришло понимание того, кто стоит передо мной и кем является эта женщина для Максима!

Да, я могла посчитать ее любовницей, уличной шлюхой или продажной девкой... в глубине души я хотела, чтобы это было так, но...

Но ее осанка, манера говорить, то, как она смотрела и то, как ее голова была величественно приподнята, говорили совсем о другом.

Можно было с уверенностью заявить, что эта женщина является прирожденной леди и, что она не привыкла к отказам.

Я сразу поняла, что это жена Максима Чернышевского.

Может причиной послужило и то, что я мельком видела ее через окно?

Но, ведь я видела тогда только белокурые волосы и нежную руку, с бледной кожей...

Осознание того, что передо мной стоит Наталья Чернышевская, словно ножом резануло по сердцу и заставило сморщиться от боли в нем!

-Я спрашиваю, что здесь происходит Максим?

ЕЕ голос продолжал давить на меня, порождая новую муку. Я не могла больше вынести этого!

Конечно, переживать страдания вдалеке от любимого мужчины тяжело. Тяжело и представлять женщину, с которой он тебе изменяет...

Но, поверьте мне, в тысячи раз тяжелее то, когда ты видишь причину твоей боли в реальности.

Тяжелее, когда твой кошмар стоит прямо перед тобой, в шелковом халате, домашних тапочках, да еще, с распущенными волосами.

Я перевела взгляд на Максима, который, ничего не говоря, пронизывающе смотрел на меня своими бездонными глазами!

Смотрел, будто хотел что-то увидеть на моем лице... что-то необъяснимое и только ему одному понятное...

На мои глаза навернулись слезы отчаяния, а сердце сжалось так сильно, что было трудно дышать...

Я медленными шагами попятилась о них, не обращая внимания на вопросы недоумевающей женщины, и не отрывающийся от моего лица, взгляд Максима.

Дойдя до двери, я резко открыла ее, боясь, что меня остановят, и выскочила из этого номера, из этого отеля и из этого кошмара....

Все повторялось заново...

Я убегала от Максима и от его жены... бежала со всей возможной, для меня, скоростью, отталкивая прохожих, попадающих на пути... бежала, не зная куда... бежала, пока не начала задыхаться, а голова не пошла кругом... пока грудь не сжалась, словно тисками...

Последнее, что я видела, прежде чем впасть в небытие, были встревоженные лица прохожих, бросающихся со всех сторон ко мне...

«Где я?»

Это была первая мысль, промелькнувшая в моей голове, после пробуждения в неизвестном месте...

Хотя, догадаться не трудно... Белый потолок, стены с белыми обоями, тумбочка, рядом с кроватью тоже «противно» белого цвета.

Приподняв голову, я смогла различить еще две кровати, стоящие по бокам от моей. На одной из них, разместились, незнакомая мне, молодая девушка, внимание которой было полностью поглощено телефоном на руках.

Ее рыжие волосы были завязаны в пучок, а руки и шея почти полностью перевязаны бинтами.

Интересно, что с ней случилось?

Будто услышав мои мысли, девушка отвлеклась от мобильного и, взглянув на меня своими темно-синими глазами, пояснила тоненьким голосом:

-Муж-пьяница облил руки кипятком, а затем чуть не зарезал тупым ножом.

Я вздрогнула от ужаса и уставилась на это милое создание, широко распахнутыми глазами.

Как можно так жестоко обойтись с такой девушкой, глаза которой смотрят на тебя грустно и умоляюще, а губы чуть подрагивают?

Господи, куда катится наш мир?

Чуть повернувшись на бок и облокотившись на кровать, я тихо спросила:

-За что он вас так?

Незнакомка едва заметно поморщилась, услышав вопрос, но все-таки ответила:

-Алкоголикам причины не нужны, — она положила «металлическую игрушку» рядом с собой, помолчала несколько минут, а затем печальным голосом продолжила, — Спиртное так затмевает им разум, что они, со временем, утрачивают все чувства, которые до этого являлись их же частью. Для них уже неважно кто с ними рядом, кого они обижают, кому делают больно... Главное, чтобы их никто не трогал... чтобы никто не прикасался к их наркотику...

Мне было больно наблюдать за страданиями этой девушки, которая, наверняка, когда-то была полна жизни и позитивности, мечтала о своем принце, жаждала любви и счастья.

Сейчас же, она выглядела так, будто испытала все горести мира, перенесла все муки ада, но продолжала бороться, уже не надеясь на победу. Ее глаза были полны грусти и боли, лицо отражало страданья души...

-Тогда, почему ты вышла за него?

Мой вопрос вызвал улыбку, от которой по моему телу пробежал холодок и, которая заставила мое сердце сжаться от сострадания. Никогда не думала, что одна улыбка может отразить все то, что творится на душе у человека. Может вызвать дрожь и желание поделиться своим счастьем с другим.

-Меня продал такой же алкаш и прожигатель жизни, как и мой муж, — просипела девушка низким и хриплым голосом.

Этот ответ буквально поверг меня в шок.

Как? Кто? Зачем? За что?

Вопросы проносились один за другим, образуя в голове полный кавардак и не давая мыслить рационально.

Наверное, все мои мысли отразились на лице, потому что незнакомка, чуть поколебавшись, произнесла:

-Это сделал мой отец...

Не знаю, чтобы я еще попыталась выведать у девушки, которая открыла для меня частичку свое израненной души, но помешал мне это сделать, мужчина среднего возраста, вошедший в палату.

Белый халат оттенял смуглый оттенок кожи, а темные очки прятали цвет глаз. Каштановые волосы были завязаны в низкий хвост, а в левом ухе сверкала золотая серьга. Большие руки держали маленький чемоданчик, а чуть закатанные рукава, открывали татуировку в виде змеи на левом запястье.

Прикольный врач, скажу я вам.

Проходя мимо кровати моей соседки, уверенной и твердой походкой, он как-то странно скривился и, презрительно бросив: «Не мешайте больной, Валентина», протопал ко мне.

Я, пораженная таким обращением к пациентке, смогла лишь откинуться на мягкие подушки, и устало вздохнуть. Не знаю почему, но эта незнакомка поделилась со мной своей историей, так подействовавшей на меня, что я позабыла о своих проблемах.

Теперь, когда все события напомнили о себе, мне хотелось поскорее собрать свои вещи и уйти отсюда. На поиски брата.

Сколько я здесь пробыла? Нашли ли моего брата? Что случилось со мной? Как я сюда попала?

От этого скопища вопросов, пробегающих, словно титры, перед глазами, меня отвлек спокойный голос мужчины-врача, усевшегося рядом.

-Ну что ж, давайте мы с вами потолкуем немного о вашем здоровье, дорогая, — врач достал из своего чемоданчика необходимые инструменты и проверяя мое давление, продолжил, — Меня зовут Александр Рожков. Можно, просто Алекс. Я главный врач-терапевт и, по совместительству, хирург. Вас доставили сюда несколько часов назад, и я успел поверхностно проверить ваше состояние.

Закончив возиться с моей левой рукой, он наклонился ко мне и, стянув очки, пристально взгляделся в мое лицо.

Оказалось, что его глаза цвета янтаря, с необычным красноватым оттенком. Не понимаю, как эти два цвета могут сочетаться, но они очень идут этому мужчине, от которого разит опасностью и силой.

-И что же вы обнаружили? — спросила я, дрожащим голосом.

Алекс, как он просил его называть, еще несколько мгновений глядел на меня своим пристальным и проникновенным взглядом, а затем, отстранившись, произнес:

-Я не могу так быстро говорить об этом. Требуется немного времени и некоторые ваши анализы, чтобы мое предположение, НЕ ДАЙ БОГ, подтвердилось, — он убрал инструменты обратно в чемодан, и, увидев, что я начала беспокойно хмурить брови, постарался успокоить, — вы только не волнуйтесь. Мне, кажется, я ошибаюсь и вы полностью здоровы.

-Ага, а в обморок она упала для разнообразия, — донесся голос Валентины с соседней кровати.

Я хотела повернуться к ней, чтобы спросить, о чем она, но Алекс не дал мне этого сделать, сказав:

-Не смей вмешиваться, когда я разговариваю, Подольская.

Его полные, наверное, редко улыбающиеся, губы поджалась, и он бросил в сторону соседки яростный взгляд, заставивший ту мигом отвернуться и вновь уткнуться в свой мобильник. Что-то в их отношениях чувствуется напряженность и какая-то тайна. Эти двое ведут себя так, будто знакомы уже давно и их связывает нечто большее, чем отношения пациента и врача.

-Вы должны остаться здесь еще несколько дней, сдать анализы, и, тогда, я смогу вынести окончательное решение. А сейчас, — врач поднялся с кровати и, еще раз окинув меня пристальным взглядом необычных глаз, продолжил, — медсестра принесет вам еду и телефон, чтобы вы смогли нормально поесть и позвонить родным.

После ухода врача, я закрыла глаза и принялась размышлять обо всем, что сейчас произошло. Мысли путались, не давая прийти в себя.

За эти полчаса мой мозг поглотил столько тяжелой информации, что отказывался работать. Да, что и говорить?

В последнее время навалилось слишком много отрицательного и плохого из-за чего я чувствую себя потерянной и несчастной. Хорошо, что совсем не выжила из ума.

Известие об измене, разлука с Максом, встреча с его женой, похищение брата, недомолвки Андрея и Алекса.

Что вообще происходит? Когда закончится эта черная полоса?

О чем говорил Алекс? В порядке ли мой брат и мама?

Столько вопросов и ни одного ответа.

-Слава Тебе, Господи! Не могу поверить в это, Андрей.

Из моих глаз лились слезы счастья, счастливая улыбка не сходила с лица.

Кажется, мои молитвы были услышаны, и моя черная полоса перекрасилась в белый цвет.

Еще раз, радостно рассмеявшись, я крепко обняла Андрея, стоящего рядом со мной, у больничной койки и тихо спросила:

-Так это был Максим?

Андрей, сообщивший мне радостную новость о спасении брата, немного отстранился и, пожав плечами, проговорил:

-Не знаю, Роза. Кажется, похитители прознали про то, что на поиски Стаса были привлечены «вышестоящие силы» нашего города и, решив не рисковать, вернули его обратно.

-Что значит, «решили вернуть его обратно»?

Андрей усадил меня на кровать и, сев рядом, начал рассказывать:

-После визита к тебе, я сам отправился, вместе с моими людьми, на поиски твоего брата. За несколько часов мы успели обшарить пол Москвы, но наши усилия не обвенчались успехом. Понимая, что ты беспокоишься, я решил заглянуть на минутку к вам домой, и обнаружил там Людмилу Сергеевну, которая не выпускала из объятий Стаса, — Андрей улыбнулся, услышав мой радостный возглас, — Мы пытались расспросить Стаса обо всем, но, — он развел руками, — твоя мама никого к нему не подпустила...

- Это нормально, Андрей. Она очень сильно волновалась за него. Чуть не потеряла рассудок и...

Андрей перебил меня, громко рассмеявшись и воскликнув:

-Я ее и не виню, моя родная. Наоборот, радуется, что твоя Людмила Сергеевна пришла в себя настолько, чтобы угрожать семи вооруженным людям, огромной скалкой.

После этих слов, я не смогла сдержаться и счастливо улыбнулась.

Хорошо, что я набрала именно номер Андрея, когда медсестра принесла обещанные еду и телефон.

Уже, через 15 минут, после моего звонка, Андрей был в больнице и, не переставая, расспрашивал меня о моем здоровье и самочувствии.

Прошло еще столько же минут, пока я его успокаивала и объясняла, как сюда попала, конечно, упуская из рассказа о визите к Максиму.

Только эта спасительная новость теперь придала мне сил, и я решила последовать совету Алекса сдать анализы.

Брат спасен и сейчас, самое главное позаботиться о собственном здоровье, чтобы потом предотвратить такие ужасные случаи со своей семьей.

Я поделилась этой мыслью с Андреем, который вмиг утратил счастливое настроение и печально покачал головой.

-Наверное, я должен тебе сообщить об этом сейчас, пока ты не услышишь эту весть от других, и не возненавидишь меня, Роза.

Эти слова заставили меня вздрогнуть, а сердце сжаться от плохого предчувствия.

Я понимала, что теперь отвертеться от разговора мне не удастся. Что придется выслушать все до конца, дабы узнать правду, так долго скрываемую от меня.

Да, я могла выгнать Андрея, не выслушав его. Сказав, что он ничем не отличается от Максима. Могла просто заткнуть уши или притвориться больной...

Есть много способов скрыться от правды... много способов спрятаться от внешнего мира...

Но, мне надоело притворяться наивной и ничего не понимающей. Надоело убеждать себя в том, что со мной все в порядке и я полностью здорова.

Хватит!

Чтобы я не слышала, это не заставит меня отступить и шагнуть назад.

-Ты хочешь сообщить мне о том, почему ты всегда беседовал с врачом наедине и пичкал меня различными таблетками, говоря, что они от простуды? Хочешь объяснить, почему всегда отворачивался, когда я спрашивала тебя о своем здоровье, и так беспокоился, стоило мне только кашлянуть?

Слушая меня, Андрей все больше терялся в лице и нервно дергал край одеяла.

В его глазах появились горечь и грусть, которых не было до этого.

Заметив его взгляд, направленный в сторону двери, я проговорила:

-Не волнуйся, девушка не зайдет сюда, пока ты не уйдешь. Она понятливая...

-Но ей, наверное, хочется спать. Как-никак, уже почти утро, а вы не ложились.

-Не увливай. Говори прямо то, что хотел сказать.

Андрей встал с кровати и несколько раз прошелся по палате.

Наконец, остановившись у окна, и выглянув наружу, он несколько раз тяжело вздохнул, и, не оборачиваясь ко мне, бросил всего лишь несколько слов.

Слова, которые одним махом перевернули мою жизнь и заставили меня застонать от отчаяния... которые в один миг заставили пожалеть о своих бездумных поступках и прикрыть глаза от тяжести, так внезапно обрушившегося на меня осознания наступившего несчастья.

-ТЫ БОЛЬНА, РОЗА!!! И ПО, УТВЕРЖДЕНИЮ ВРАЧА-БОЛЕЗНЬ НЕИЗЛЕЧИМА!

Люблю, — но реже говорю об этом,
Люблю нежней, — но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.
Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.
Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излишня.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.
И я умолк подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

Уильям Шекспир

Мне всегда было интересно, как ведут себя люди, когда им сообщают новость о том, что, в скором времени, их, возможно, постигнет мучительная смерть?

Я размышляла над тем, что они чувствуют в тот момент, когда эта информация обрушивается им на голову?

Конечно, мне было интересно знать об этом, но я никак не могла ожидать, что сама могу когда-нибудь услышать такое.

Сейчас, лежа в своей уютной постели и укутавшись в теплое одеяло, я возвращалась мыслями в день, когда Андрей огорошил меня страшным признанием.

Признанием своей вины, как считал он.

Я горько усмехнулась.

Да уж, кто-кто, а вот Андрей точно ни в чем не виноват.

Это все мои ошибки... мой промах...

Я одна виновата в том, что не усмотрела... не приглядела сама за собой...

Отдавшись своим чувствам, я не обратила внимания на внешние факторы, посчитав их незначительными и ненужными.

Я просто расслабилась и не позаботилась о себе, упустив из виду то, что наш организм живет отдельной жизнью и ему наплевать на внутренние изменения.

РАК ЛЕГКИХ!!!

II Стадия.

Эти слова ничего не значили для меня до того времени, пока они не были обращены ко мне.

Узнав, что кто-то другой из моего окружения болеет такой болезнью, я бы округлила глаза... посочувствовала, пожелала бы скорейшего выздоровления и ушла бы, так и не поняв смысла ИХ значения.

Но, когда, они были адресованы мне, я что-то не проявила никаких признаков удивления или шока.

Я лишь улыбнулась...

Никаких слез...

Никакой боли...

Ничего...

Ноль эмоций — Лишь пустота в душе.

Возможно, до меня еще не дошло полное осознание или же я стала безразлична ко всему.

Второе сразу же отвергается, значит только первое.

Мой мозг еще переваривает информацию и не хочет полностью ее освоить.

Сев на кровати, я потянулась к тумбочке и взяла ноутбук, всегда служивший мне верой и правдой.

Как там говорится?

«Яндекс найдет все???»

Введя нужную комбинацию слов для запуска, я поудобнее откинулась на подушки и стала ожидать пока система полностью не загрузится.

Так, что там у меня стоит в списке дел на завтра?

Необходимо выяснить все на счет поездки к психологу, как можно скорее решить вопрос на счет учебы, закупить продукты на ближайшую неделю и встретиться с Алексом.

Вспомнив свой побег из больницы, я усмехнулась, понимая, что завтра предстоит сложный разговор. Алекс, наверное, очень разозлился, прознав о том, что его пациентка покинула больницу без его разрешения, да еще, с помощью Валентины Подольской.

Ему явно никто раньше не противоречил.

Но, что мне было еще делать, если он не желал отпускать меня, приставив охрану в виде пухленькой медсестры?

После посещения Андрея, Алекс, будто чувствуя прошедшие со мной изменения, часами не отходил от меня, принуждая сдавать разные анализы и постоянно измеряя давление.

Даже то, что я желаю увидеть чудом спасшегося брата, не возымело над ним никакого действия. Он лишь покачал головой и выдал твердое «НЕТ!».

Валентина, которая в этот момент находилась рядом и видела, как помрачнело мое лицо, решила помочь мне, предложив безумную идею с побегом, на которую я без раздумий согласилась.

Уже в восемь часов вечера, я была дома и прижимала к себе Стаса, который то и делал, что постоянно вздрагивал, даже от легкого шума. Было неприятно видеть таким пугливым мальчика, который еще неделю назад постоянно подкалывал друзей и попадал в мелкие неприятности.

Неприятно и больно видеть всегда здорового и веселого брата таким грустным и подавленным.

Пришлось с мамой принять тяжелое решение, которое могло бы принести Стасу пользу и помочь ему придти в себя.

У матери была подруга, которая работала психологом и жила за границей. Она была высококвалифицированной, и с ее непосредственным участием вылечились множество людей. Только плохо одно — Америка находится слишком далеко и придется затратить много усилий, чтобы обеспечить эту поездку.

С этим согласился помочь Андрей, который со вчерашнего визита в больницу постоянно названивал мне и, не таясь, спрашивал о моем самочувствии.

Введя в поисковике интересующий меня запрос, я поджала губы и принялась ждать

«нанесения приговора».

Нашлось 2 миллиона ответов.

Уф-ф...

Закрыв на минуту глаза, я постаралась собраться с мыслями и, не позволив себе задуматься, нажала на первый результат мгновенного поиска.

Посмотрим, что меня ждет в будущем...

Голова нещадно болела, во рту пересохло...

Прям, как после похмелья...

Отложив «вестника печали» куда подальше, я встала с кровати и, пройдя в ванную, порылась в шкафчике в поисках аптечки. Где ж этот аспирин, когда так нужен?

Необходимо срочно что-то предпринять, чтобы избавиться от всех ненужных мыслей, навеванных поисковиком, и отвлечься на некоторое время.

Наконец, найдя искомое, я выскочила из ванной комнаты и, на ходу натягивая халат, босиком, прошмыгнула на кухню, пытаясь не шуметь.

Но, как оказалось, зря!

За столом, попивая ароматный кофе, уже сидела мама. На ней, так же, как и на мне, был легкий халат синего цвета, и длинная шаль, накинутая сверху.

Услышав мои легкие шаги, мама тихим голосом прошептала:

- Два часа он, не унимаясь, плакал, Роза. Два часа крепко держал мою руку, не отпуская. Никак не мог успокоиться и просил не отходить от него. Вот, допью кофе и сразу же поднимусь к нему.

Ее глаза были полны слез, когда она подняла свой взгляд на меня. Взгляд, полный горечи и боли, прожигал меня до костей.

Приблизившись, я крепко прижала ее к себе, и, нежно поцеловав в щеку, попыталась успокоить:

- Не переживай, мама. Руслана нам поможет и скоро Стас снова будет прежним сорванцом, — я нервно рассмеялась и продолжила, — и он успеет вновь измотать все твои нервы.

Несколько минут мы молчали, каждая раздумывая о своем, а потом мама, отстранившись, спросила:

- Ты что-то хотела, дорогая? С тобой все в порядке?

Мне хотелось воскликнуть, умолять, стоя на коленях: «Я нахожусь на грани помешательства, мама. Помоги мне... не оставляй одну... прошу тебя...»

Но я лишь крепче сжала руку с таблеткой и отрицательно покачала головой.

- Вот, хотела позвонить Андрею, чтобы позвать его немного прогуляться со мной.

Мама удивленно взглянула на меня:

- Так поздно?

- Сейчас всего лишь девять часов вечера, мама. Да и я целый день провела в постели, — я поморщилась, — мне хочется подышать свежим воздухом и немного успокоиться.

- Хорошо, родная, — она встала и, поставив чашку в раковину, вновь обратилась ко мне, — только не долго. Ты еще не пришла в себя и должна больше отдыхать.

- Конечно. Я отлучусь всего на пару часиков и мигом обратно.

- Сегодня даже не смей заикаться о моем здоровье, Андрей, — прошипела я, когда он в

сотый раз за этот час спросил о моем самочувствии, — я пригласила тебя с собой для того, чтобы отвлечься, понимаешь ты это или нет?

Андрей взъерошил свои волосы и, не отрывая своего взора от дороги, прошептал:

-Извини, просто я очень беспокоюсь, Роза. Это ведь...

-Не смей...

-Ладно — ладно. Я молчу. Сегодня никаких грустных разговоров, — его губы растянулись в легкой улыбке и он продолжил, — этот день только Наш.

-Вот это другое дело, — я запахнула полы черного пальто, надетого поверх шерстяной юбки и светлой водолазки, — как там твоя выставка?

Андрей чуть приподнял светлые брови и бросил в мою сторону вопросительный взгляд.

Я рассмеялась, отогнав от себя грустные мысли, не желающие ни на минуту оставлять меня в покое, и воскликнула:

-Ну, не думал же ты, что я совсем забыла про тебя и про твои произведения искусства? Ты должен помнить, что они очень впечатлили меня в первый день нашего знакомства.

-Конечно, помню. Ты часами рассматривала мои картины. Помню, я подумал, что ты шпионка или критик, посланный моими конкурентами.

-Да? — я кинула на него мимолетный взгляд, и вновь уставилась в окно, — знаешь, я в детстве мечтала стать именно шпионкой, побывать в Америке и раскусить все их секреты. Мечтала, как оденусь во все черное, накину плащ, нацеплю маску, вооружусь сверхмощным оружием и буду спасать мир от зла. Банально, не так ли?

Я обернулась к Андрею и успела поймать его взволнованный взгляд до того, как он успел отвернуться.

Через некоторое время, я услышала его ответ, хоть и не нуждалась в нем:

-Все, что касается тебя, дорого и ценно для меня, Роза.

Ответить мне не дало то, что машина уже подъехала к пункту нашего назначения и остановилась у обочины престижного ресторана Москвы, находившегося недалеко от самого центра.

-Зачем сюда, Андрей? — недоуменно спросила я, когда мы уже подходили к обширному белому зданию.

-А чем тебе не нравится этот?

Вопросом на вопрос ответил он, кивая молодому парню, встречающего нас у входа.

-Я хотя бы оделась нормально, если бы ты сообщил мне, куда мы едем, — прорычала я, увидев, что на нем, под длинным серым пальто, оказался официальный костюм.

Андрей негромко рассмеялся и, потрепав меня по щеке, словно маленького ребенка, повел к дальнему столику у окна.

-Как ты так быстро сумел заказать нам место здесь? — спросила я, усевшись за стол, услужливо пододвинутый Андреем и глядя в его серые глаза.

-Никаких вопросов, Роза, — отчеканил он, беря в руки меню и скрывая за ним свое лицо, — что будем заказывать?

Я уже было протянула руку за меню, как мой взгляд зацепился за широкую спину мужчины, сидящего за столиком недалеко от нас.

В горле разом пересохло, а рука повисла на воздухе, так и не притронувшись к коричневой книжечке, лежащей рядом.

Нет, только не это!

Это не может быть правдой. Прошу, пусть это будет всего лишь иллюзия.

Напрасно, в следующую секунду, я поняла, что мои молитвы не были услышаны, ибо объект моего созерцания, будто почувствовав мой взгляд, обернулся, и на меня уставились темные глаза Максима Чернышевского.

-Что случилось, Роза? — обеспокоенно наклонившись ко мне, спросил Андрей и, проследив за моим взглядом, тоже увидел «кошмар всей моей жизни», — Черт! И здесь достал! Если хочешь, мы уйдем отсюда.

Я нервно сглотнула и перевела, наверняка, затуманенный взгляд на своего собеседника, который уже поднимался, намереваясь уйти.

Ухватившись за рукав его костюма, я остановила его и покачала головой:

-Мы остаемся!

Андрей некоторое время, не отрываясь, смотрел на меня, а затем, кивнув головой, вновь уселся на свое место.

-Окей.

Не знаю, сколько я так просидела, не обращая внимания на монолог Андрея, обращенный ко мне, и уставившись в одну точку за окном.

Сердце против воли сжималось от близости Максима и никак не хотело замедлить свой безумный ритм. Оно стремилось воссоединиться со своей половинкой, стать частью возлюбленного...

-... ты вообще слушаешь меня, Роза?

Только, когда его рука опустилась на мою ладонь, я сумела отвести глаза от темного ночного неба и вслушаться в требовательный голос.

-Что, прости? Я задумалась.

-Может, мы все-таки уйдем отсюда, если ты так на НЕГО реагируешь?

-И как?

-Что как?

Я сжала зубы и помотала головой, чтобы избавиться от желания взглянуть на соседний столик и вперила его в Андрея:

-Как я на него реагирую?

Андрей склонился ко мне и тихо прошептал:

-Стихийно, бурно, возбужденно... мне продолжить?

Я хотело было взбунтоваться, ответить резко, но музыка, которая донеслась до меня, заставила замереть и меня, и мою душу, и мое сердце...

Несколько секунд я вслушивалась в знакомые ноты любимой мелодии, а потом медленно перевела взгляд на сцену.

Увиденное заставило меня вскрикнуть и взволнованно прижать руку к сердцу:

За роялем серебристого цвета, стоящего у края сцены, сидел не кто иной, как Макс.

В черном смокинге, белой рубашке и шелковом галстуке, он выглядел естественным представителем высшего общества... прирожденным джентльменом.

Длинные пальцы проносились над клавишами, издавая звуки, проникающие прямо в душу и заставляющие разум мутнеть от несбыточных грез.

Его голова, была склонена слегка набок, а чарующие темные глаза устремлены прямо на меня, создавая впечатление, что мы одни на всем свете... во всем мире и Вселенной.

Боже, а я даже не знала, что Максим умеет играть на рояле... не знала, что единожды брошенные мной слова, могут запомниться ему и выразиться в такой форме.

Но, разве, он играет для меня?

Сердце неистово отстукивало слово «Да!», а разум все отрицал, не желая сдаваться.

Мелодия впивалась в мое сердце, проникала в глубины, заставляла губы шептать его имя, а руки безвольным жестом протягиваться в его сторону.

-Красивая мелодия, не так ли?

Хриплый голос, прозвучавший над моим ухом, заставил меня вздрогнуть и оторваться от столь прекрасного зрелища.

Даже не оборачиваясь, я поняла, кто стоит за моей спиной. Поняла не только по злым глазам Андрея, уставившимся за мою спину, но и по дрожи, прошедшей по всему телу.

Наталья собственной персоной!

Глава 12

Истина соперницы

Если даже любовь несет с собой разлуку, одиночество, печаль, предательство — все равно она стоит той цены, которую мы за нее платим.

Пауло Коэльо.

POV Натальи

Я стояла напротив девушки, смотревшей на меня потрясенными и удивительными глазами изумрудного цвета, и понимала, почему ей удалось покорить сердце моего мужа. Такие глаза, наполненные чистотой и невинностью, просто не могли не тронуть душу и затуманить разум.

Но только не меня.

Меня не проведешь незабываемой красотой и простотой характера. Я не позволю обмануть себя и провести изящностью манер.

Не на ту напали! Я прошла много испытаний, переболела большинством «таких болезней» и у меня выработался сильный иммунитет.

Я уже давно определила для себя границы, которые невозможно пересечь, возвела стены, которые нельзя преодолеть...

Никто не сможет разрушить то, что мне досталось с таким трудом и, что для меня является самым дорогим на всем белом свете.

Мой путь был долгим и местами болезненным, но я нашла в себе силы пройти через это и, в результате, добилась своего.

Все началось восемнадцать лет назад, когда возвращаясь домой, после бурной университетской вечеринки, я заметила высокого парня, заботливо держащего в объятиях молоденькую девушку намного ниже его ростом.

Спрятав на широкой груди парня свое лицо, она громко рыдала, все сильнее и сильнее прижимаясь к нему, тот же не переставая, гладил ее по волосам, тихо шепча слова утешения.

Эта сцена так впечатлила мое, изголодавшееся по ласке сердце, что именно в тот момент я решила, что этот парень, который сумел каким-то образом затронуть мою душу, будет всецело принадлежать мне.

Для меня никогда не существовало запретов или преград — с самого детства я получала то, что мне только хотелось иметь. Стоило мне только попросить, и отец в одно мгновение исполнял любое мое желание. Он даже развелся с матерью только из-за того, что она посмела ударить меня. Но я об этом никогда не жалела, ибо ее нельзя было и назвать матерью — просто незнакомая мне женщина, умеющая лишь развлекаться и строить из себя Владычицу Вселенной.

И теперь я знала, что получу желаемое. Никто не вправе мне отказать! В школе, университете и даже дома все было построено по моим принципам. Один взгляд отца, души не чаявшего в своей дочери, и имеющего обширные связи по всей России, и даже за ее пределами, заставлял преклоняться передо мной всех и вся!

Подойдя к этой парочке, я пригладила свои распущенные светлые волосы и, твердым голосом, спросила:

-Что-то случилось? Не нужна помощь?

Услышав посторонний голос, девушка вздрогнула и, оторвавшись от своей опоры,

обернулась ко мне, открыв вид на лицо парня, что только утвердило меня в своих планах.

Никогда прежде мне не приходилось встречать столько мужественности и, одновременно, юношеской невинности в одном, поразительно красивом лице. Черные волосы и темные глаза придавали его облику чарующую таинственность, а крепкий подбородок и твердо сжатые губы, говорили о стойкости и раннем взрослении.

Весь его образ источал безграничную силу и безмерную волю. Было понятно, что ему пришлось через многое пройти, но он все выдержал и создал себя самого, без чужих вмешательств и чужого влияния.

-Мы сами справимся, — грубый и властный голос заставил мое сердце забиться сильнее, а приказной тон лишил дара речи.

Медленно улыбнувшись и протянув руку, я представилась, не обращая внимания на нахмуренные брови и злой взгляд парня.

-Наталья!

-И что из этого? Я же сказал — нам не нужна помощь. Мы сами во всем разберемся.

Резкие слова резанули мою гордость, но я отогнала свое раздражение куда подальше, успокаивая себя тем, что парень просто привык всего добиваться сам и не знает, кто стоит перед ним.

-Может, хоть ответишь вежливо и поблагодаришь за предложение о помощи, Максимка?

Мелодичный голос девушки и ласковое прозвище оторвали меня от созерцания столь волнующего объекта, и я обратила свой взор на незнакомку. Внимательно приглядевшись, я сразу обнаружила сходство обоих подростков, стоящих передо мной и поняла, что они являются не просто братом и сестрой, а близнецами. Лишь мягкие черты лица девушки и нежный овал лица отличали ее от Максима.

-Зачем, Ангела? Нам не нужны подачки от таких, как она, — нарушив затянувшееся молчание, прорычал брюнет и окинул меня презрительным взглядом темных глаз, — лучше пошли отсюда.

Только когда они скрылись за ближайшим поворотом, я смогла полностью осознать смысл сказанных им фраз и понять, что он узнал меня. Узнал и... отшил!!!

Злобный смех пронесся по тихой улочке, и я прикрыла рот рукой. Меня только что вернули с небес на землю и поставили на свое место.

Только вот парень еще не знает, что я обид не прощаю, и мне придется научить его подчиняться. Вот сделать это придется незаметно и так, чтобы он решил, что мое внимание к нему является даром небес.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Полтора месяца я повсюду ходила за Максом и пыталась добиться взаимности, но все было безрезультатно. Он лишь криво усмеялся и брезгливо морщился, заведя меня.

Это губило мое самомнение и жутко злило меня.

За все это время я добыла всю информацию о Максиме и вычислила крайние пути, которые мне теперь придется задействовать, хоть мне это было, в какой-то степени, и не по нраву. Он живет в Подмосковье, в небогатой семье инженера-механика, учится в десятом классе и в то же время работает в известном клубе Москвы, чтобы помочь родителям и сестре.

То, что я старше Максима на четыре года меня мало волновало, и я решила не заострять

на этом внимания, ибо по духу и уму он, возможно, был старше многих моих знакомых.

План мой был коварный, но я, не задумываясь, принялась за него. Не надо меня злить и испытывать терпение! Это приводит к пугающим последствиям!

А он все это осуществил за несколько недель и призвал наружу моего демона.

Все было отлично сработано из-за того, что его отец, Сергей Чернышевский работает в компании моего отца и, по слухам, имеет один единственный недостаток — является любителем попить, что и привело к той ситуации на темной улице, где, после очередных издевательств, сестра не выдержала и убежала из дома. Макс же отправился на ее поиски и благополучно вернул домой. Это объясняет его тогдашнюю злость, но не объясняет его презрения ко мне!

Получив все карты в руки, я переговорила обо всем с отцом и в скором времени Сергея Чернышевского посадили за незаконный оборот наркотиков.

Тогда мне казалось, что я смогу повлиять на Максима и заставить его принять меня, но все вышло совсем по-другому... все вышло из-под моего контроля...

Отец Максима покончил с собой после недели заключения, и, казалось, разнес в пух и прах все мои надежды, из-за чего я однажды напилась и во всем призналась, подвернувшейся сестре моего нареченного, Анжеле. Девушку, которая накинулась на меня с ножом в руках, еле-еле остановили охранники, и в тот же момент в мою голову пришла новая идея.

Максим так въелся в мои мозги и в мое сердце, что я не понимала, что творила, когда угрожала Анжеле «статьей» и «тюремным заключением», и добилась своего.

Сестра оказалась не такой преданной, как Максим, и сразу же захныкала, умоляя меня не поступать с ней таким образом.

Вот так, я заставила ее замолчать и выдумать ложную информацию матери, которая, не выдержав такого потрясения, как «мнимого предательства» сына, выгнала его из дома, предварительно жестоко избив, несопротивляющегося Максима.

Дальше было все легче и легче: мой отец «случайно» нашел изувеченного и проголодавшегося подростка на улице и привел в свой дом.

Но даже после этого, Макс не испытывал ко мне ничего, кроме уважения и признательности... ничего, кроме «братской» нежности...

Спустя десять лет скончался мой отец, исполнив мое последнее желание.

Хотя, можно сказать, что это было и его желанием, потому что за все эти годы он успел привязаться и полюбить парня, так похожего на него самого — такого же решительного и властного... такого же сильного и мужественного...

Макс исполнил просьбу человека, заменившего ему отца, но так и не воспылал ко мне никакими возвышенными чувствами.

Вы удивитесь, но за восемь лет семейной жизни, Максим Чернышевский так и не исполнил свой супружеский долг и, ни разу не прикоснулся ко мне так, как прикасаются к собственной жене и спутнице жизни.

А мне этого и не надо было!

Спасибо, я откажусь!

Всю свою жизнь, я пессимистично относилась ко всем интимным отношениям и ценила в людях свободные взгляды. Пусть, если хотят, удовлетворяют свои потребности с теми, кому это действительно необходимо... пусть спят с теми, кто больше расположен к этому, но не надо же рушить свои семейные отношения из-за этого пустяка, чувствуя после каждого «сеанса» стыд и неловкость.

По моему мнению, семья распадается именно из-за этого...

Семья, построенная только на плотских желаниях, не продержится долго и все быстро закончится, так и не успевши начаться.

Лучше платонический брак, чем «совместное нудное существование», после утраты чувств и утоления желания.

Именно такой брак и был у нас с Максимом, и я сама, с самого начала, заключила прямое соглашение с мужем на этот счет — можно удовлетворять свои физические потребности на стороне, но никакой «душевной» измены.

Все шло как по маслу, все было просто прекрасно... у нас была крепкая семья, построенная на лучших качествах и чувствах, пока два года назад все не начало разрушаться...

Максим сильно изменился... стал каким-то другим, совершенно иным...

Он думал, что я ничего не замечаю... считал, что может скрыть это от меня, но я все видела... все чувствовала... но заверяла себя, что это лишь временно... что это быстро пройдет, пока Максим, однажды вечером, не завел разговор о своей любви к другой... и о разводе...

Я не могла в это поверить... не могла вдуматься в смысл этих страшных слов...

После всех сил, затраченных мной за все эти годы, он осмелился предложить мне такое.

Я чувствовала злость, ненависть, потрясение, ревность... Максим осмелился нарушить условия нашего договора и совершить предательство по отношению ко мне.

В ту секунду, не осознавая, что говорю, я горько расплакалась и заявила Максиму, что серьезно больна. Что должен только немного потерпеть, и он сможет избавиться от меня без всякого развода и судебных процессов.

После такого заявления Максим, который за столько времени успел проникнуться ко мне особыми чувствами, без раздумий согласился, но только с условием, что он все расскажет своей возлюбленной.

Я через силу согласилась, заставив его облегченно кивнуть головой.

Он много раз порывался все рассказать, но каждый раз меня с припадками отвозили в больницу, и Максиму приходилось, сжав кулаки, на время оттягивать признания.

Только вот несколько месяцев назад, ему кажется, все это надоело, и Максим в свой день рождения, попросил меня отпустить его, не причиняя нам обоим боли.

В его руках оказались уже подготовленные документы, которые я в порыве злости разорвала на кусочки, тем самым сильно разозлив его. Пришлось снова прибегнуть к «припадку», что заставило его мигом пожалеть о содеянном и попросить прощения.

Вот что делает с людьми чувство долга. Максим считал себя обязанным мне и моему отцу, и только это не давало ему поступить со мной таким жестоким образом.

Но тот вечер принес не только все плохое, но и много хорошего. Оказалось, что та девка, решившая отобрать у меня МОЕГО МУЖА, застала нас в тот момент, когда я притворялась, чуть ли не умирающей...

Как прекрасно было наблюдать за тем, как рушатся их отношения и это только подтверждало мои убеждения на счет отношений, основанных на низменном желании.

Все завертелось быстро и сумбурно. Максим, не слушая моих уговоров, отправился на поиски «утраченной», которая каким-то образом сумела затеряться в незнакомом городе.

Беспокойство так овладело им, что Максим отправился на поиски, в такой холод почти раздетым и поплатился за это, пролежав после безрезультатных поисков, три с половиной

недели в больнице.

Пришлось применить много усилий, чтобы удержать его на одном месте, но, как только, его выписали, он сразу же отправился к ней...

На этот раз, мне не удалось его удержать, но поехать следом мне никто не запрещал! Как-никак я имею на это полное право, как законная жена.

Видеть его мучения, когда Максим возвращался после каждой неудачной попытки, было невыносимо трудно, что заставляло меня ненавидеть еще больше эту шалаву, и с другой стороны так же приятно, поскольку она такими поступками отдаляла мужа от себя своими же руками.

Ведь Максим больше всего на свете презирает тех, кто, не выслушав человека, делает преждевременные выводы. И чем больше его любовница будет с ним так поступать, тем быстрее его чувства поглотят обида и злость, а потом и полное равнодушие. Так же, как произошло и с его семьей!

Пришлось вновь прибегнуть к своим связям и сделать так, чтобы Роза (как сообщил мне детектив) неоправданно обвинила Максима во лжи и предательстве.

И как вы думаете, что же произошло дальше???

Было так легко нанять двух оболтусов за мизерную сумму, чтобы они похитили мальчика и подложили письмо, «написанное от руки Максима Чернышевского».

Хотя имени указано и не было, а корявый почерк ни капельки не похож на аккуратную роспись мужа, я знала, что Роза сразу же подумает на него.

Стало ясно, что мой план осуществился, когда она заявила в номер Максима, где я так же остановилась в то время. Я же и предупредила персонал о пропуске некой девушки, разыскивающей Чернышевского!

Была страшная минута, когда я очень перепугалась за жизнь Максима, когда увидела, что эта прохвостка держит пистолет, нацеленный на него. Но, Слава Богу, увидев меня, девушка просто сбежала, а Максим...

Максим без раздумий отправился на поиски младшего брата «возлюбленной». Мне надо было об этом догадаться, но мой план, как всегда, вышел из-под моего контроля.

Именно Максим разыскал преступников, после нескольких часов безостановочных поисков и благополучно вернул его домой, попросив мать девушки, не сообщать остальным об этом. Хорошо одно, что преступники не сдали меня, попросту сбежав от Максима, который на несколько секунд отвлекся на плачущего мальчика.

И снова, когда я еле уговорила мужа поехать со мной в престижный ресторан, дабы развеяться, здесь появилась моя соперница... все снова пошло наперекосяк...

Я видела, как девушка удивленно уставилась на Максима, играющего на рояле... видела, какими глазами Максим смотрел на нее, и понимала, что играет он только для нее одной... что в этот миг, они отгородились от всех присутствующих и затерялись в своих чувствах...

Меня поглотила такая злоба... такая ненависть, что я, не удержавшись, встала со своего места и подошла к ЕЕ столику...

Мое сердце изливалось кровью, стоило мне подумать о том, что Максим, который не играл на рояле с тех пор, как его выгнали из дома, теперь открыл свое сердце, свою душу не для меня, а для другой...

Еще два года назад, я поняла, что Максим полностью потерян для меня, а сейчас же до меня дошел смысл того, что он всей душой принадлежит этой девушке и уже не достижим для меня...

Но я не сдамся без борьбы... не отступлюсь от своего...

POV Розабеллы

-Какой же ей еще быть, если автором ее является сам Шопен?

К моему собственному удивлению, мой голос был бесстрастным и полным равнодушия, в то время как в душе бурлил вулкан эмоций и переживаний...

Не дрогнувши, встретив пристальный взгляд голубых глаз, я указала рукой на соседний пустой стул и звонким голосом, предложила:

-Не присядете?

Переведя взгляд на Андрея, я заметила в его глазах удивление и потрясение, и слабо улыбнулась.

-Нет, спасибо. Я подошла потому что вы меня кого-то очень сильно напомнили, но я, кажется, спутала. Извините. — Наталья, на которой было блестящее платье серебристого цвета, выглядела просто изумительно, и было видно, что она понимает это. То, как она смотрела на меня — свысока, то, как обращалась ко мне — презрительно, говорили о том, что она ни с кем меня не перепутала меня и решила поиграть.

Ну что ж, не буду ее разочаровывать — негромко рассмеявшись, я покачала головой и тихо произнесла:

-Если бы виделись, я бы вас обязательно запомнила. Кажется, вы действительно ошиблись.

Наталья чуть приподняла брови и проговорила:

-Ну что же, я надеюсь, вы простите меня. Я не буду вам мешать и лучше вернусь к своему месту, ибо уже успела пропустить игру мужу, посвященную всецело мне, — она сладко улыбнулась и, бросив напоследок, — он так любит меня, — развернувшись, ушла.

Я, не моргая, глядела вслед Наталье, чувствуя, как сердце сжимается под грудью, а слезы неумолимо подступают к глазам и лишь голос Андрея, донесшийся до меня сквозь плотный туман тоски, позволил собраться с силой и оторвать взгляд от серебристого шелка.

-И что это было?

Решив не отвечать на его вопрос, ибо стоит мне заговорить, как сразу же заплачу, я вскочила со стула, и, подхватив свою сумку, быстрыми шагами направилась в сторону выхода.

Мне надо было развеяться, а вместо этого, злая судьба вновь решила надо мной посмеяться и я больше не могла здесь оставаться. Не могла находиться рядом с Максимом, понимая, что он никогда больше не будет мне принадлежать...

Когда тот же самый молодой парень, что и в начале, протянул мне верхнюю одежду, и я уже собиралась прямо выбежать из этого удушающего места, меня схватили за локоть и притянули к себе спиной.

-Отпусти меня, Андрей, — прошипела я, пытаюсь оттолкнуть его, но сильные руки лишь крепче прижали меня к себе, а хриплый бархатный голос, который заставил чувственным искоркам пробежаться по всему телу, прошептал прямо в ухо.

-Никогда, Роза. Я никогда не отпущу тебя.

The red rose whispers of passion,
And the white rose breathes of love;
O the red rose is a falcon,
And the white rose is a dove.
But I send you a cream-white rosebud
With a flush on its petal tips;
For the love that is purest and sweetest
Has a kiss of desire on the lips.

Красная роза шепчет о страсти,
Белая — чуть дыша, говорит о любви.
Красное — сокол, белое — голубь,
Что в небе летают: горд и красив.
Но я подарю тебе тот белый бутон,
Что с алой каемкой на всех лепестках.
Словно любовь, что светла и чиста,
С поцелуем мечты на губах.
A White Rose (J. V. O'Reilly)

Почему, когда тебе кажется, что все наладилось и ты можешь спокойно жить дальше, хоть и страдая, судьба обязательно вмешивается в твою жизнь? И все снова катится к чертям???

Для чего эта Судьба старается подбить меня на нелепые и глупые поступки?
Поступки, которые лишь еще больше усугубят ситуацию?

Стоя рядом с Максимом, а точнее, прижатая к его крепкой, будто высеченной из камня, груди, я не могла не искать ответов на эти вопросы.

Но, увы! Ответов так и не нашла! Они были недоступны моему сознанию, заперты в бесконечном пространстве и времени, и получить их было бы невозможно!

-Что за бред, Макс? — я попыталась вырваться из его тисков, но все было тщетно. Его руки лишь крепче прислонили меня к ней, а голова наклонилась еще ближе.

-Это не бред, Роза, — прошептал он и горячим языком провел по моей скуле, заставив задрожать от мигмом пронзившего меня желания и неосознанно придвинуться ближе.

Ну почему тело так быстро предает меня?

Почему, когда он рядом сердце ускоряет свой ритм, а податливое тело отзывается на малейшее его прикосновение?

-Не надо, Максим. Хватит!

-Почему? — Максим уткнулся, холодным от промозглого ветра, носом в шею, и негромко усмехнулся, ощутив дрожь, пробежавшую по моему телу.

Его притворство начало сильно меня раздражать и я начала яростно вырваться:

-Пусти, идиот, — поняв, что и так ничего не выйдет, я решила пойти на крайние меры, прошипев, — моему жениху не понравится то, что он увидит, когда выйдет за мной из ресторана.

Один миг и меня оттолкнули от себя, повернули лицом и пристально вгляделись. Я попыталась сделать лицо как можно безразличнее и даже приподняла брови в немом

изумлении его поступку.

-Жених? — сквозь сжатые зубы спросил Максим, впиваясь длинными пальцами выше локтя и насильно притягивая к себе.

-А что ты так удивился-то? — я выдавила из себя улыбку и, бросив взгляд на здание впереди, вновь посмотрела на него, — Думал, что я всегда буду при тебе?

«Где же ты, Андрей, когда так нужен?»

Максим несколько секунд молча смотрел на меня, прищурился, затем покачав головой, сказал:

-Я не хотел этого делать, но ты сама вынуждаешь меня к этому...

Я и моргнуть не успела, как Максим одним движением схватил меня, перекинул через плечо и понес к, невесть откуда взявшейся, машине. Уже через секунду меня бросили на заднее сиденье и захлопнули дверь.

Только когда Макс сел за руль и прозвучал щелчок замков, я пришла в себя и вскочила с места, больно ударившись головой.

-Что ты творишь? Выпусти меня отсюда, — я пыталась, прогнувшись через переднее сиденье, пробраться к заветной кнопке, чтобы открыть двери, но Максим рассмеявшись, закинул меня обратно, — Ты что смеешься?

-Ты ведешь себя как малое дитя, Роза, — Максим бросил на меня взгляд через зеркало заднего вида и завел машину.

-Это ты ведешь себя, как ребенок, Максим. Что за шутки?

Машина плавно двинулась вперед, все ускоряясь, но прежде чем здание полностью скрылось из виду, я успела увидеть Андрея, глядевшего нам вслед. Он выглядел таким потерянным и в то же время злым, что заставило меня прикрыть глаза, а чувству вины вспыхнуть с новой силой.

Я и так чувствовала себя виноватой перед ним за то, что никак не могла ответить на его чувства взаимностью, а теперь и это...

Хотя... Я-то в чем виновата?

Не я же просила красть меня и везти в неизвестность?

Откинувшись на сиденье, я закрыла глаза и попыталась осмыслить все происшедшее.

Бороться все равно не получится. Максим никогда не отступит от своего и не позволит мне нарушить его план.

Вот, есть ли он у него, этот план? Или на этот поступок его натолкнули мои слова о женихе?

Значит, это я все-таки виновата?

«Да зачем ему твой жених? — зло прошептал разум мне на ушко, — Ты же видела его жену!»

Я уныло кивнула головой в знак подтверждения этому предположению и приняла к разумению тот факт, что Максим все это сделал специально!

«Он же сказал, что не хотел этого», — тихо посмеиваясь над моими попытками переложить вину на Макса, пробурчало сердце.

Услышав это, я улыбнулась и хотела уже согласиться, как мой мысленный разговор прервал голос Максима:

-Что с тобой, Роза?

Его глаза, отражающиеся в зеркало, глядели на меня недоуменно. Он явно был изумлен.

-Да так... проводила мысленное совещание...

Что поделаться, милый? Я сама себе удивляюсь! В последнее время начала творить такое, что мать родная не поверила бы, услышав.

А все из-за чего? То есть из-за кого?

Может, у меня не рак легких, а рак головного мозга?

Или же раздвоение личности, которое так распространилось по всему миру, настигло и мою, еле заметную персону?

-О чем ты думаешь?

Кажется, Максим решил не обращать внимания на мои заскоки и перевести разговор на другую тему.

И вновь я ответила вопросом на вопрос:

-Почему тебе это интересно?

-Мне интересно все, что касается тебя, Роза, — ответил Максим и, бросив на меня еще один мимолетный взгляд темных глаз, продолжил, — Просто сейчас твои глаза погрузнели.

-Тебе показалось!

Неужели, все мои мысли отражаются так отчетливо на моем лице? Да, Максим мне сейчас очень грустно!

Да и кто веселился бы, узнав о своей неизлечимой болезни?

Мой категоричный и резкий ответ не понравился Максиму и он вновь заговорил, после нескольких минут тяжелого молчания:

-Ты думаешь об Андрее? О своем женихе?

Не знаю почему, но в этот момент я не смогла заставить себя соврать и притвориться дальше!

Не смогла соврать ему!

Может, это было из-за того, что мысли о смерти не покидали меня? Или из-за того, что голос Максима впервые, за все время нашего с ним общения, был неуверенным?

Не знаю, какова была причина, заставившая меня сказать правду, но я, развалившись боком на сиденье и, прижав колени к груди, тихо прошептала:

-Он никогда не был моим женихом!

Мне хотелось хоть на несколько мгновений забыть обо всем плохом и раствориться в этой убаюкивающей тишине... хотелось просто закрыть глаза и представить, что всего, что случилось со мной, за прошедшие месяцы не было и мы с Максимом все еще вместе.

Все еще счастливы! И одни на всем белом свете!

Поэтому, я, устало закрыв глаза и подложив руку под щеку, еще раз тихо обронила правду, все это время скрывавшуюся в сердце:

-Ты единственный...

Уже через несколько минут, я провалилась в царство Морфея!

Не знаю, сколько часов мы ехали, но проснулась я на руках Максима, который поднимался вверх по, поскрипывающей лестнице какого-то темного подъезда.

В нос мигмом ударил затхлый запах какой-то дряни и я, не сумев сдержаться, сморщилась и громко чихнула.

-Проснулась? — спросил Максим!

Я не нашла смысла отвечать на этот риторический вопрос и лишь попросила:

-Поставь меня! Я сама могу идти.

Но, когда он слушал меня?

Лишь криво усмехнувшись, Максим продолжил подниматься по лестнице и через несколько минут остановился у одной из двух дверей, находящихся на одной лестничной площадке.

Только тогда, он поставил меня на землю и, достав из переднего кармана уже помятого пиджака, небольшой ключ, открыл дверь квартиры № 323(как я успела разглядеть).

Максим отодвинулся, пропуская меня вперед и ложа ключ обратно, но заметив, что я, вместо того, чтобы заходить внутрь, наоборот отошла на несколько шагов назад, обратил на меня проницательный взгляд.

А что он ожидал от меня?

Что я, беспрекословно подчинюсь его команде и зайду в эту подозрительно-темную квартиру, из которой доносился запах не лучше, чем во всем доме?

Зачем он вообще притащил меня сюда?

В это захоlustье?

Будто прочитав мои мысли, Максим ровным, лишенным всяких эмоций, голосом, объяснил:

-В этой квартире я провел все свое детство.

Что? Максим... здесь?

Его слова так поразили меня, что я неосознанно поддалась его сильным рукам, подталкивающим меня внутрь. Зайдя следом, и прикрыв дверь, Максим повел меня в глубь помещения и, протянув руку, куда-то в левую сторону, нажал на выключатель.

Через секунду, комнату залил яркий свет, открыв мне вид, от которого мои глаза расширились, а из горла вырвался возглас удивления!

Обшарпанные белые стены, грязный пол с потрескавшейся половой краской, потолок почерневший от влаги.

Неужели, Максим говорит правду и он жил здесь?

Как? Когда? Почему?

Вопросы, сменяя один другой, пронеслись в моей голове. Я не могла представить себе, что люди могли жить в таком месте. Это же немыслимо. Невозможно.

Надеясь получить ответы на мучившие меня вопросы, я повернулась, к стоявшему у небольшого окна с насквозь прогнившими рамами, Максиму и так и застыла на месте.

Его голова была наклонена набок, плечи опущены, губы пожаты, а в слегка прикрытых длинными ресницами, глазах отражались такие сильные душевные эмоции, что мое тело само потянулось к нему. Я впервые видела его в таком состоянии. Таким потерянным и грустным... таким задумчивым и отрешенным, что полностью забыл о моем существовании. Я была уверена в этом.

Но я не могла больше оставаться в сторонке. Не хотела, чтобы он вновь закрылся в себе.

Мне так захотелось успокоить его... так захотелось приласкать, что я не сумела удержаться и, подойдя к нему сзади, крепко обняла:

-Расскажи мне все, Максим! Пожалуйста!

Почувствовав мои руки на своей талии и услышав мой голос, Максим вздрогнул и, повернулся ко мне лицом, удерживая на месте. Слега отстранившись, он пристально глянул на меня печальным взглядом, а затем неожиданно прижал к себе, шепча:

-Я так люблю тебя, Роза... так люблю...

Его голос был наполнен такой болью и пропитан таким отчаянием, что я даже испугалась.

-Что с тобой, Макс? — я вырвалась из его объятий, чтобы взглянуть ему в лицо и увидела то, чего никогда не ожидала увидеть.

Максим, всегда такой безразличный... всегда такой бесстрастный и холодный... иногда ласковый, иногда грубый, но никогда не проявлявший своих истинных чувств теперь плакал...

Да именно плакал!

Его глаза были плотно зажмурены, но сквозь них все равно пробивались прозрачные капли и скатывались по щекам.

Я протянула руку и провела ею по мокрой щеке, собирая кристально чистые отблески его внутренних чувств, которым он дал волю только сейчас. Только рядом со мной!

Максим открыл глаза, и мое сердце больно сжалось от сочувствия за любимого.

Хоть я ничего и не знала, и мне ничего не было известно, я понимала, что эти сильные эмоции вызваны его воспоминаниями.

То, как он заявил мне, что жил здесь раньше — бесстрастно и тем же временем, проникновенно... то, как он осматривал помещение — с грустью и любовью...

-Я так виноват перед ними...

Хриплым и дрожащим голосом выдал Максим и начал медленно опускаться на колени, не обращая внимания на грязный пол.

Он обхватил голову руками и, покачиваясь из стороны в сторону, не прекращал бормотать последние слова.

Не удержавшись, я кинулась к нему и присела рядом, притянув его к себе.

-Поделись со мной своим горем, Максим, — из моих глаз тоже полились слезы, — расскажи мне все, чтобы я смогла забрать твою боль себе... передай мне все свои несчастья...

Я начала покрывать его лицо поцелуями и гладить по волосам, надеясь, что он все-таки решит открыть мне дверь в свою душу...

Не знаю сколько мы так просидели, обнявшись и прижавшись друг к другу, но лишь, когда сквозь окно начали пробиваться первые лучи утреннего солнца, я услышала голос Максима, который опустил свою голову мне на колени и уткнулся в них лицом:

-Моей матери было всего шестнадцать, когда она забеременела и вышла замуж за моего отца, — мое сердце ускорило свой ритм, а руки начали дрожать, когда я поняла, что он решился на этот шаг, — вышла замуж, предполагая, что будет счастлива в этом браке, но все вышло наоборот. Отец был из состоятельной и интеллигентной семьи, и его родители не приняли невесту. Они хотели, чтобы сын бросил провинциальную простушку и женился на девушке, которая соответствовала бы их семье. Но отец впервые в жизни воспротивился их воле, и тайно женившись на моей матери, привел ее в родительский дом, как законную жену. Наверное, он надеялся, что они его поймут и все-таки примут его возлюбленную, но... — Максим помолчал несколько минут, наверное, собираясь с мыслями, — бабушка с дедушкой прогнали моих родителей, заявив, что он им больше не сын, и они лишат его всего наследства, если брак в ближайшее время не будет расторгнут.

-И что сделал твой отец? — не сдержавшись, спросила я, когда это молчание затянулось дольше прежнего.

Максим поднял свою голову с моих колен и, поднявшись на ноги, потянул за собой. Только, когда он провел меня в другую комнату и усадил на кровать, стоящую у правой стены, я заметила, что эта комната, в отличие от другой, намного чище и обставлена

некоторой мебелью. А именно, двуспальной кроватью, круглым столом и двумя креслами.

Окна здесь были занавешены светлыми шторами, а кровать застелена чистыми простынями.

Прежде чем, я успела задать, интересующий меня вопрос, Максим уложил меня на кровать и, устроившись рядом, одной рукой притянул к себе, прижав к своему телу.

-Мой отец остался со своей беременной женой, — продолжил он свой рассказ, кладя мою голову к себе на грудь, — В первое время они жили сносно, на оставшиеся у отца деньги, но когда закончились они, начались серьезные проблемы. Отец, который всю свою жизнь привык сидеть на шее у родителей, не хотел работать, а несовершеннолетнюю беременную маму никто не хотел брать на работу.

-Сколько было твоему отцу тогда?

-Девятнадцать. Он даже не поступил на учебу, зная, что отец купит ему диплом и наймет в свой офис. Через семь месяцев после свадьбы родились я и моя сестра, и двумя проблемами стало больше. Единственным человеком, который помогал нам прожить, был отец матери, мой дедушка. Он отдавал почти всю свою пенсию, но и он вскоре скончался, оставив нас и без этого. Моему отцу все-таки пришлось наняться охранником у какого-то магната, а мать устроилась уборщицей в школе. Чтобы не оставлять двухгодовалых детей одних дома, она брала нас с собой. В ту же школу мы и пошли через четыре года в первый класс.

-Я никогда и не могла себе представить, что у тебя есть сестра-близнец. Это так странно. Где же она?

Я пожалела, что вмешалась в его рассказ, когда все его тело напряглось после заданного вопроса, а руки сильно сжали мою талию, заставив вскрикнуть от боли.

-Прости, — мигот отрывая руку, прошептал Максим, — Когда мы с сестрой учились в четвертом классе, погибли и родители моего отца в автомобильной катастрофе. Он, конечно же, горевал по ним сильно, но, когда объявили завещание, просто взбесился, проклиная всех и вся. Родители не оставили ему ничего, завещав все свое состояние благотворительным фондам. Как я понял, мой отец все-таки надеялся, что родители сжалятся над ним и простят. Может, это и случилось бы, проживи они чуть дольше, — Максим уткнулся лицом мне в волосы, — После этого, отец начал промывать свое горе водкой и чистым спиртом, и вымещать свою злость на всех нас, а в особенности на мать, которую и винил во всем. Каждый день он пил, каждый день бил, ругался... Это был нескончаемый ад, пока, однажды Ангела — моя сестра — чуть не погибла, получив от него удар по голове. Два месяца сестра пролежала в больнице и, казалось, поняв всю свою вину, отец, наконец, пришел в себя. Он устроился в одну фирму инженером-механиком, так как хорошо в этом разбирался, но пить не прекратил... Это была будто зависимость, понимаешь? Но мы уже привыкли, да и он не поднимал на нас руку, только ругался... И все было спокойно, пока однажды его не обвинили в незаконном обороте наркотиков и посадили в тюрьму.

-А он был виноват?

Максим усмехнулся и отрицательно покачал головой:

-Хоть отец и был той еще пьяницей, но он никогда не пошел бы по этому пути! Кто-то явно решил переложить вину на ни в чем неповинного парня и спасти свою задницу.

-И что же случилось?

-Мой отец, Сергей Чернышевский — когда-то бывший богатенький сынок, покончил жизнь самоубийством, не выдержав всех обязательств.

-Неужели к нему так плохо там обращались, что он...

-Мне кажется, что тюрьма лишь подтолкнула его к решению, которое он не раз раньше обдумывал. Он, просто, по жизни был слабым.

Я не могла себе представить, что у Максима, такого гордого и сильного, мог быть такой отец, который, не подумав о своей семье, решил просто уйти из жизни.

-А потом? Что случилось потом, Макс?

-Потом был ад, Роза, — максим прикрыл глаза и наполненным болью голосом, объяснил, — сестра и мать обвинили меня в том, что это я занимался оборотом наркотиков и, когда полиция наткнулась на мой след, переложил свою вину на родного отца.

-О, Боже!

Это все, что я могла выдать из себя! Все, на что была способна!

Я не могла представить, что чья-то семья может поступить так с членом своей семьи, ведь сама всю жизнь жила в любви и понимании.

-Мать выгнала меня из дома, обвинив в том, что из-за меня вся их жизнь потеряла смысл.

-Максим, мне так жаль, родной, — я потянулась к нему и нежно поцеловала в губы, желая передать крупицу своей любви и вдохнуть в него силы.

Максим ничего не ответив, углубил поцелуй, заставляя меня задрожать и застонать от удовольствия.

-Я так скучал, Роза, — оторвавшись от меня, прошептал он и продолжил прерванный рассказ, — почти две недели я прожил на улице, питаюсь остатками и воруя в магазинах. Проводя ночи на холоде, в кладбище, у могилы отца. Именно там меня и обнаружил человек, которому я обязан своей теперешней жизнью. Именно этот человек спас голодного бездомного ребенка и приютил у себя дома.

-И кто же это был? — спросила я, уже ощущая какое-то предчувствие.

-Отец Натальи.

«Моя жизнь в твоих руках — так держи ее крепче и никогда не отпускай...»

Это имя, произнесенное вслух, заставило меня вздрогнуть и, оторвавшись от Максима, присесть на кровати.

Не знаю, как и почему, но за этот час я успела забыть все плохое, что было связано у меня с ним. Успела окунуться в его мир, который он, наконец, решил разделить со мной, и даже не подумала о том, что мама может волноваться.

Конечно, все это можно объяснить тем, что Максим решил довериться мне, что он решил впустить меня в свою жизнь и открыть тайны мрачного прошлого. А оно явно у него было мрачным.

Сердце до сих пор сжимается от боли...

Как представлю Максима маленьким мальчиком, шлющегося по ночным проулкам в поисках пищи... голодного и оборванного... усталого и страдающего...

Но имя жены вновь вернуло все в прежнее русло. Разрушило очарование.

Я нервно сжала простынь обеими руками и бросила взгляд через плечо.

Максим закинул руки за голову и теперь лежал, откинув на них голову и глядя в темный потолок. Полные губы были поджаты, густые брови нахмурены, черные пряди волос чуть прикрывали лоб.

-Я должна вернуться домой.

Слабая попытка разрушить возникшую напряженность и достойно исчезнуть.

-Нет.

Резкий категоричный ответ, заставивший сердце больно сжаться.

Все! Час слабости прошел и теперь можно снова стать прежним? Роза вновь стала игрушкой для «морального» битья?

Немедля вскочила с кровати, и уже хотела кинуться в сторону, как сильные руки удержали меня на полпути и кинули обратно на мягкую поверхность.

-Ты не имеешь права удерживать меня против моего желания.

-Твои желания здесь не учитываются, — Максим прижал меня спиной к кровати и навалился сверху, локтями упершись в постель по бокам от моей головы. Он наклонил голову и пристально взгляделся в глаза, — думаешь, я для развлечения рассказал тебе обо всем?

Я попыталась вырваться, но все безрезультатно. Лишь ухмылка в ответ.

-Для чего же?

Неужели, это мой голос так дрожит?

Максим пальцами правой руки нежно провел по моей щеке, а затем, отстранившись, развалился рядом.

-Я не просил его об этой услуге. Не просил, чтобы меня жалели, — тихим голосом прошептал он.

Я сразу поняла о ком и дет речь и непроизвольно придвинулась ближе, чтобы лучше слышать.

Чтобы не происходило в прошлом, как бы сильно он меня не обижал, я не могла не интересоваться. Не могла отвернуться.

Да, возможно, я об этом пожалею. Возможно, я потом буду ненавидеть себя за эту

слабость, но сейчас меня это не волновало.

Как говорила Скарлетт, героиня моего любимого романа:

«Я подумаю об этом завтра!»

Сейчас же главное — ничего не упустить, ничего не пропустить!!!

Максим несколько раз тяжело вздохнул и продолжил свои откровения:

-Я даже сопротивлялся этому. Не желал и мыли допускать о том, что могу стать для кого-то обузой, — он оторвался от созерцания комнаты и на секунду прикрыл глаза, — А когда узнал, кем является его дочь, то вообще предпринял попытку бегать.

-Ты знал Наталью до этого?

Вопрос вырвался сам собой.

-Не сказать, что знал. Просто имел честь быть избранным.

Я непонимающе уставилась на Максима. Избранным?

-Что ты хочешь этим сказать?

-Я много слышал про нее. И слухи эти были неприятными, — он повернулся ко мне боком и, протянув руку, поправил за ухо выбившийся локон, — она была дочерью крупного бизнесмена, понимаешь? Для нее не существовало никаких преград, не существовало запретов. Она подчиняла других. Подчиняла угрозами. А это было тем, что я ненавижу больше всего.

Догадка пришла ко мне неожиданно, и не успела я подумать, как мысли обратились в речь:

-Она захотела тебя?

Руки сжались в кулаки, а сердце забило быстрее в ожидании ответа, который я уже могла предвидеть.

-Правильный ответ, 3 миллиона твоих, — усмехнувшись, подтвердил Макс.

-Неудачная шутка, — пробурчала в ответ и отстранилась.

-Прости.

Что???

Максим попросил прощения?

Я удивленно уставилась на Максима, губы которого расплылись в улыбке, в которой проскальзывала печаль.

-Я так удивил тебя, Роза?

-А ты как думаешь? — я прищурила глаза и грустно усмехнулась, подражая его частым действиям, — ты так часто просил у меня прощения, что я должна была бы уже привыкнуть?

-Нет, все было совсем наоборот.

-Да, Макс. Все было совсем иначе, — я уставилась в окно, сквозь занавешенные шторы которого, в комнату, пробивался яркий свет.

Сколько же сейчас времени?

Мама точно беспокоится, ведь после случая с братом, она стала слишком пугливой.

-Не волнуйся, Андрей все уладил.

Мои глаза расширились от изумления и уставились на виновника всех моих бед, который спокойно лежал, развалившись на кровати и криво улыбаясь.

-Андрей? При чем тут он? — в голову сразу же полезли подозрительные мысли, которые против воли заставили сомнения вспыхнуть в душе. Неужели...? Нет, невозможно!

Максим приподнялся на кровати и достал из кармана свой мобильник. Порывшись в нем несколько минут, он протянул его мне:

-Взгляни.

Мои руки дрожали, когда я взяла ненавистную технику в руки, а глаза никак не могли нормально сфокусироваться на небольшом экране. Что поделаешь, технофобия вместе с нервной дрожью влияет на мою мозговую деятельность!

Только после нескольких попыток, буквы сложились в отчетливые слова, и я быстро пробежалась глазами по печатным строчкам:

«Мать я возьму на себя, так что можешь не беспокоиться, но... если ты обидишь ее, я собственными руками убью тебя».

Прошло еще несколько минут, пока до меня не дошел полный смысл прочитанного сообщения.

Как Андрей мог так со мной поступить?

Нет! Главное — как я могла так в нем ошибиться?

Почему он так поступил? С чего принял такое решение или же... все было продумано намного раньше?

Как всегда, одни вопросы и никаких ответов!

-Я не верю, — слабая попытка отвергнуть плохое и разум начал утвердительно кивать мне, — Я не верю в то, что Андрей мог так со мной поступить. Он не способен на такое!

Максим резко дернулся и, наклонившись ко мне, четким холодным голосом, прошипел:

-Не веришь?

Я испуганно отскочила назад и, подставив руку перед собой, кивнула головой:

-Не верю!

Лучше бы я промолчала, ибо, услышав мои заверения, Максим перехватил мою руку и так сильно сжал, что из моего горла вырвался вскрик боли. Его глаза, уставившиеся на меня, полыхали яростью, а на скулах заходили желваки.

Что такого в том, что я защищаю преданного друга? Друга, который был и его бывшим приятелем?

Мне казалось, что он сейчас ударит меня, скинет с кровати и выгонит. Но, к моему величайшему удивлению, Максим отпустил мою руку и отодвинулся.

-Почему не веришь?

Не удержавшись, я хихикнула, получив в ответ недоуменный взгляд, и бесстрастным голосом произнесла:

-Потому что у тебя нет никаких доказательств!

Максим как-то горько усмехнулся и, посмотрев мне прямо в глаза, от чего по всему телу побежали мурашки, обронил:

-Тогда почему ты обвинила меня в похищении своего брата? Ведь доказательств не было.

Вопрос огорошил меня своей внезапностью, но я попыталась не теряться и сконцентрироваться на ответе. Необходимо все разъяснить сейчас. Все зашло слишком далеко.

-Почему же не было? Было, да еще какое, — я снова хихикнула, — ты и есть доказательство. Больше и не надо.

Да-а, кажется, я схожу с ума. Максим однозначно попортил мои нервы.

Так как Чернышевский и не думал отвечать, я встала с кровати и, подойдя к небольшому окну, отодвинула занавески, впуская в помещение яркий свет утренних лучей солнца. Опершись обеими руками о стекло и устремив взгляд на светлое небо, я тяжело вздохнула и

решилась ответить откровенностью на откровенность.

-Ты разрушил всю мою жизнь, просто растоптал меня, унизил... ты разрушил все мои уставы и ценности... из-за тебя вся моя жизнь потеряла смысл, — мой голос становился все громче и громче, — ты влюбил меня в себя, а затем заставил возненавидеть... ты подарил мне рай, чтобы потом низвергнуть в ад...

Я просто была на взводе, злость так и пробиралась наружу.

Хотелось высказать ему все, что накипело... хотелось накричать, ударить...

-Я верила тебе. Была предана. Любила. Уважала. Черт побери, просто Боготворила, — оторвавшись от разглядывания необъятного пространства, я начала мерить комнату длинными шагами, — а что сделал ты? Растоптал все мои чувства, обманул, предал... и после этого ты хочешь, чтобы я тебе поверила?

Послышался скрип кровати и в следующую секунду я была крепко прижата к твердой груди. Заключена в тиски его горячих объятий.

Шумное дыхание коснулось левого уха, губы пробежались по чувствительной раковине, взволнованный голос тронул душу, добрался до сердца...

-Ты не дала мне шанса. Не дала возможности все объяснить.

-Объяснить, что я являюсь любовницей? Что я разрушаю чужую жизнь?

Надо все-таки пройти курсы по самообороне. Это просто жизненно необходимо.

Максим, не обращая внимания на мое сопротивление, развернул к себе лицом и, схватившись за подбородок, приподнял голову.

-Объяснить, что я только твой. Что я дышу лишь ради тебя, — он теплыми губами собрал, против воли, накопившиеся в уголках глаз, слезы, и продолжил, — что все не так, как кажется...

Он, что издевается надо мной?

Решил, что его слова заставят меня забыть все прошлое и благородно кинуться на колени?

В конце концов, что я поверю его лживым словам?

Одно резкое движение и в комнате раздался звонкий звук удара. Щека Максима мигом покраснела, и на ней выделился отпечаток моих длинных тонких пальцев.

Злость накопилась не только в тебе, Максим! Она переполняет и меня, порабощает каждую частичку тела, острыми иголочками врежется в сердце и испепеляющей лавой пронесется по венам.

Я злорадно ухмыльнулась своему поступку.

Никакой жалости, никакого сочувствия. Наоборот, наступило какое-то странное облегчение, заставившее меня глотнуть побольше воздуха и твердым голосом выдать:

-Отпусти меня!

И меня отпустили.

Максим разжал руки и отодвинулся на несколько шагов, не отведя стального взгляда от моего лица.

Этот взгляд заставил меня замереть на месте. В нем было столько боли и отчаяния, что оставило неприятный осадок на душе и в сердце после столь злорадного смеха. Он не имеет права так смотреть на меня...

Смотреть, будто я виновата во всех смертных грехах и являюсь возможной причиной Апокалипсиса.

Да уж, глупое сравнение.

Один шаг назад и тоска разгорелась во всем теле. Второй шаг заставил сердце сжаться. Третий — в воздухе повеяло холодом моей души. Четвертый — все вокруг замирает от терзающей меня боли. Пятый шаг — Максим закрывает глаза.

Шестой... седьмой — проскальзываю в проходную.

Восьмой... девятый... десятый — решающие шаги.

Одиннадцатый и я упираюсь спиной в холодную дверь. Тяжело вздыхаю, не отвожу взгляда от Чернышевского, который все еще держит глаза закрытыми.

Не желает наблюдать за моим уходом?

Или же только радуется, что все так разрешилось?

Наплевать! Пусть будет, что будет.

Главное свалить отсюда, а там можно закатывать и истерику на неудавшуюся жизнь и невзаимную любовь.

Поворот спиной и захват дверной ручки.

«Пожалуйста, Максим...»

Что «пожалуйста»?

«Пожалуйста, Максим останови меня» или же «Пожалуйста, Макс не дай мне уйти»?

Из глаз почему-то (честно не знаю из-за чего!!!) льются горячие слезы и стекают по холодным щекам. Хороший контраст.

Хочется остановить время, обернуться и взглянуть на него в последний раз, но... НЕЛЬЗЯ!!! Это слишком непозволительная роскошь.

Обернусь-сдамся. Поддамся его власти и уже никогда не смогу уйти.

Не обернусь — буду мучиться и страдать, жалея об этом.

Предпоследняя преграда преодолена.

Остался последний шаг, который все расставит по своим местам.

Судорожный вздох вырывается из многострадальной груди. Я уже готова все кинуть к чертям и броситься вон из квартиры, воя и крича, но хриплый неуверенный голос останавливает, преграждает путь прозрачной нерушимой стеной.

Тихие слова достигают разум и сталкиваются с ним в противоборство. Пронесется гулкими ударами по всему помещению и оставляют неприятный осадок.

— Наталья никогда не была моей женой. Все было спектаклем, устроенным ее собственным отцом.

Одно единственное слово может исказить смысл всего предложения и разрушить не одну судьбу».

POV ВАЛИ

-И...

Я раздраженно выдохнула, когда Роза, ничего не ответив, откинулась на спинку дивана и устремила взгляд усталых глаз в потолок.

За окном опустилась ночь, солнце уже давно скрылось, а история все еще остается недоконченной и недосказанной...

За эти несколько часов, показавшиеся мне вечностью, я успела проникнуться к объекту моего задания симпатией и уважением. Не знаю, как я буду отдуваться перед заказчицей, но решение приняла уже после первых минут общения с Розой.

Задание провалено! Я не собираюсь играть чувствами людей, особенно этой, изможденной жизнью, девушки.

Сколько выпито жидкости? Сколько проплакано слез? Сколько выплеснуто эмоций?

Кажется, бесчисленное множество, но это совсем не так...

У многих свои принципы, свои законы... У каждого мыслителя, философа, ученого, индивида свои взгляды на окружающий мир, на свое место в этом мире и на самого себя. Но всех объединяет одно — невозможность возврата в прошлое и изменение пройденных событий.

Порой наши поступки противоречат нашим желаниям.

Как говорил Карл Маркс: «Идейные мотивы людей не зависят от нашей воли и нашего сознания. Далеко не всегда люди осознают не только отдаленные, но и ближайшие последствия своих поступков и действий!»

Для меня стало сюрпризом и то, что с Розой мы оказались знакомыми. Она лежала в той же больнице, что и я.

От этих мрачных воспоминаний мое сердце сжалось от боли, а перед глазами мигом предстало красивое мужественное лицо мужчины, который уже давно похитил мою душу и поселился в сердце.

Как давно я его не видела, да и увижу ли еще?

Он, наверное, меня ненавидит...

Стоп.

В больнице я лежала полтора года назад, а значит...

-Ну и все, — нарушил мои внутренние метания спокойный голос Розы, которая все еще не отрывала взгляда от потолка. И что она там нашла?

-Что значит Все? — удивленно спросила я.

Роза, наконец, взглянула на меня и, улыбнувшись, ответила:

-Все значит, что история подошла к концу.

В ее изумрудных глазах плясали смешинки, явно издеваясь надо мной.

И что, она такая радостная?

Роза уже давно скинула свою парадную одежду, в которой я ее обнаружила, когда пришла и переделалась в домашний голубой халат со смешными зайчатами. Теперь она выглядела более домашней что ли, и я не ощущала изначальной неловкости перед этой

красивой женщиной.

Проведя по своим, уже изрядно взлохмаченным волосам, я оглядела комнату, которая так разительно отличалась от той, которую мне описывала Роза. (От авт. — в начале романа я уже описывала эту комнату и, думаю, нет нужды повторяться).

Было видно, что она изрядно постаралась. Будто вдохнула частичку своей души и своего спокойствия.

Глубоко вздохнув, я постаралась успокоиться и выпалила череду, интересующих меня вопросов:

-А как же его признание? Как же твоя болезнь? Родители? Андрей?...

От дальнейшего выплеска эмоций меня прервал раскатистый смех Розы и, остановившись, я удивленно приподняла брови.

Что такого смешного она увидела?

-Прости, Валя... просто ты такая смешная, когда злишься...

И вновь смех.

Ну что ж, я рада, что мне удалось ее развеселить. А то, ходила тут грустная...

-Ну, ладно, — мои губы сами растянулись в веселой улыбке. Что ж поделать, я по жизни позитивчик, — посмеялись и хватит. Теперь расскажи мне правду, Роза.

Как быстро меняются эмоции на ее лице. Секунду назад веселое, теперь оно стало серьезным и сосредоточенным.

-После его откровения, я решила остаться тут, Валь, — Роза отвела глаза, будто стыдилась своего поступка и продолжила, — но не из-за того, что простила... просто, понимаешь...

-Что? — как же мне надоели эти минутные паузы. Скоро совсем с ума сойду от нетерпения.

- Болезнь прогрессировала и я понимала, что все серьезно, — грустная ухмылка на губах заставила меня немного сбавить обороты. Что я мучаю человека? Она и так рассказала мне слишком много, — насколько все серьезно мне не говорили, да и не хотела я этого знать. Просто понимала, что каждый день, каждый час на счету. Что в какой-то момент все может измениться.

-А лечение?

- Алекс, ты же его помнишь, да? — Роза прожгла меня пронзительным взглядом, от которого я почувствовала себя не в своей тарелке.

Родное имя пронзило сердце и вьелось в мозг, заставляя тяжело вздохнуть и отвести взгляд.

Неужели, она о чем-то догадывается или что-то подозревает?

-Да, конечно, он же был моим лечащим врачом.

Безразличный ответ.

Роза задумчиво кивнула и, решительно подняв подбородок, заявила:

-Алекс просил меня пройти весь курс лечения, но я отказалась.

-Что-о? — моему потрясению не было предела. Да что там, я была в шоке.

-Я отказалась проходить лечение химией, потому что не доверяю ей, — прошептала Роза, — да и мои частые отлучки всех насторожили бы. Я не готова ко всему этому.

-Ты что, с ума сошла? — вскричала я, все еще находясь под впечатлением ее прежних слов.

Как так можно?

-Боли не так уж беспокоят меня, Валя, — уверенным голосом проговорила Роза.

В ее глазах читалась решимость, а руки были сжаты в кулаки.

Она явно готовилась к отпору.

-Ты понимаешь, чем это может закончиться, Роза? Боли не так часто мучают в начале, организм просто еще не осознает нависшую над ним опасность. Болезнь осваивается, прогрессирует, а ты... — отчаянный жест рукой, — ты так безразлично ко всему относишься. Подумала хотя бы о своих родных, если на себя тебе наплевать? Суицид несчастный, блин.

-Это мое решение и моя жизнь. Тебя все это не касается.

О! Я сумела пробить броню, раздражающего меня спокойствия?

Ответить так же резко, мне не дал мелодия, доносившаяся из моей сумки.

Кто это решил оторвать меня на самом интересном месте?

Через минуту ответ высветился на моргающем экране.

НАТАЛЬЯ!!!

Что ей нужно?

-Слушаю...

-Вы где?

Холодный голос, который я успела уже подзабыть, но так же успела и возненавидеть.

-Дома. Что-то не так?

Минута молчания (и здесь настигло!), а затем требовательный ответ:

-Жду вас в офисе.

- Я не могу.

-Это был приказ.

Пронзительные гудки...

Вот тварь холодная.

Думает, имеет право мне приказывать только из-за того, что является моей начальницей?

В другое время, я бы не подчинилась этому приказу, но сейчас мне самой необходимо было с ней встретиться и все переговорить.

Надо разъяснить ситуацию и отказаться от этого дела.

Приняв решение, я вперила разъяренный взгляд в Розу, и объяснила:

-Это была Наталья.

-Я поняла.

Никакой реакции.

-Мне надо встретиться с ней.

-Конечно.

Это начало меня раздражать.

Вскочив с засиженного места, я взяла сумку и направилась к выходу. Роза направилась следом.

Выйдя из квартиры № 323, которая вмещала в себя слишком много грустных тайн, я остановилась на лестничной площадке и, взглянув на Розу, проговорила:

-Я еще вернусь, и ты все мне расскажешь.

Не дожидаясь ответа, я прошагала к лифту, но все-таки расслышала тихий ответ:

-Обещаю.

-И что вы накопили?

Заказчица выпалила вопрос, как только я вошла в кабинет и уставилась на меня непроницаемыми голубыми глазами. На ней был светлый брючный костюм и белая блузка, волосы были уложены в какую-то, ранее невиданную мной, сложную прическу. Она сидела за своим столом, держа в руках объемистую папку с бумагами.

-Вы для этого меня пригласили так поздно? — не растерявшись, задала встречный вопрос я и, стуча каблуками, подошла ближе к столу.

Наталья злобно усмехнулась и, слегка прищутив глаза, произнесла тоном, от которого я даже поежилась. Столько презрения было в нем.

-Вас не учили тому, что желания клиентов на первом месте?

-А до вас еще не дошли слухи о восьмичасовом рабочем дне?

В другое время я никогда так не вела бы себя, но сейчас мои устоявшиеся принципы не имели значения. Если отказываться от работы — так с гордо поднятой головой и сладкой улыбкой на устах.

-Ну что ж, как вижу, с вами нельзя по-хорошему и вы уже приняли предложение. А жаль, — Наталья открыла папку и протянула ее мне, — вот, ознакомьтесь.

Я подозрительно окинула взглядом белую папку и, немного подумав, все-таки решила ее взять. Любопытство — мой недостаток. Да и ее слова заставили меня занервничать, но не от испуга. Все дело в ее глазах, которые были наполнены злорадством и странным блеском.

Повесив за ремешок сумку на ближайший стул, я, настороженно поглядывая на заказчицу, открыла папку.

Из моего горла вырвался вздох, голова закружилась, а руки затряслись. Не мигая, я вчитывалась в такое знакомое досье, которое так долго пыталась забыть.

-Ну, как вам?

Сил ответить не было, да и что я могла сказать?

Прошное, запрятанное глубоко в душе, вновь вырвалось из тайника и маячило перед глазами страшным кошмаром. словно открыли ящик Пандоры и выпустили нечисть, тысячи лет обитавшую в пустоте и темноте необъятного пространства.

-Ваше прошлое оказалось на удивление интересным и впечатляющим, — голос доносился будто издалека, а слова не доходили до сознания, растворяясь в небытии.

За несколько минут весь мой мир, так сложно устроенный по моему желанию, разрушился и давил своими осколками на слабое сердце. Я больше не могла это выносить. Не могла здесь находиться.

Прихватив сумку, я быстрыми шагами направилась в сторону выхода, не обращая никакого внимания на удивленно вытянувшееся лицо злобной мегеры и выскочила из, неожиданно ставшего душным и маленьким, кабинета, напоследок бросив:

- Ваши методы не действуют на меня, и я отказываюсь от работы. А папку можете оставить себе на память.

На улице было темно и немного промозгло, сказывалось приближение зимы. Я брела по Питеру, неосознанно пряча лицо за воротом стоячего воротника черного пальто, и размышляла о так быстро повернувшейся ко мне спиной, жизни. Полтора года у меня ушло на то, чтобы приглушить отголоски прошлого, но один миг разрушил все.

Так много времени у нас уходит на построение душевного покоя, а одна минута может всколыхнуть все заново, не учитывая наши желания и замыслы.

Кажется, мне придется свалить и из этого города. Придется строить все заново в новом

городе, на новом месте, но Боже, как это надоело.

Казалось, вот оно! Вот сейчас все будет в порядке, и я смогу зажить спокойно, ан нет... Кто-то снова вторгается в мою жизнь и ногтями раздирает ее на клочья.

Да. Я вновь уеду. Вновь исчезну и вновь изменю себя, но прежде одна особа расскажет мне все начистоту.

Теперь эта история затронула и мою жизнь, и я не потерплю неизвестности.

POV Максима

Все время, пока я жил с Натальей меня тяготила тайна, которую я не мог открыть никому. Да и не было никого, кому я мог бы ее доверить, даже если бы это было позволено.

Все слишком сложно. Все слишком тяжело.

После предательства родных я перестал верить людям, окружающим меня. Единственным человеком, которого я уважал по-настоящему был Дмитрий Анатольевич (от авт. — если забыли, то это отец Натальи). Лишь он служил для меня идеалом и примером после смерти отца.

Да что там говорить, отец никогда не проводил со мной достаточно времени, чтобы я успел перенять его привычки, характер, ценности. Для него главным были лишь его работа и хорошая выпивка.

Только с приходом Розы, моя жизнь приобрела какой-то смысл. Только она внесла в нее смех и радость. Признаюсь, вначале я не решался полностью открыть ей правду, боясь непонимания, но в свете последних событий все кардинально изменилось.

Похитить ее было, конечно, глупой идеей, но действенной. На несколько часов мы успели позабыть все преграды, разделяющие нас и раствориться друг в друге. Как мне не хватало этих душевных бесед с возлюбленной.

Андрей, так рьяно боровшийся за сердце Розы, наконец, опустил руки и сам позвонил ему, прося прийти в популярный ресторан, где я смог бы ее увидеть. Не знаю, чем было вызвана такая сердечность, но мне все было только на руку. Как долго я искал встреч с ней.

От Натальи отделаться не удалось, что сильно раздражало, но тот же Андрей помог отвлечь ее, пока я устраивал побег любимой.

Никакого заранее разработанного плана не было и решение привести ее в свою прежнюю обитель пришло внезапно стихийно, неосознанно.

Знак Судьбы, символ Надежды...

Именно здесь я смог с ней объясниться, рассказать все, что терзало меня долгое время.

Это место было дорого мне... это место было моей отдушиной долгие годы жизни с женщиной, которая была неизлечимо больна.

И больна она была не той болезнью, которую выдумала, дабы удержать меня рядом, а той, о которой не подозревала сама. И о которой я узнал от ее собственно отца.

Сейчас, понимая, что решаются наши с Розой жизни, я вытравил эту тайну из сердца. Возложил ее на плечи любимой женщины, потерять которую я не мог.

Не пережил бы.

Слишком важное место она заняла в моей жизни. Успела стать моим воздухом, моей болью... вторглась в глубины подсознания и въелась в кровь, заражая собою все органы человеческого тела.

Она стала мой наркотиком и без дозы, не вколотой в свое время, начиналась ломка, губящая не только мою жизнь, но жизни и окружающих.

За время нашей разлуки я страдал так, что не мог спокойно двигаться, передвигать по Земле — слишком тяжелым было существование без смысла жизни.

Два вдоха и один выдох и я выпалил фразу, заставившую этот смысл остановиться:

-Все было дешевым спектаклем. И священник, и гости, и я, игравший роль ЕЕ МУЖА!!!

Глава 16

Ты все равно придешь. Зачем же не теперь?

Я жду тебя — мне очень трудно.

Я потушила свет и отворила дверь

Тебе, такой простой и чудной.

Прими для этого какой угодно вид,

Ворвись отравленным снарядом,

Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,

Иль отрави тифозным чадом,

Иль сказочкой, придуманной тобой,

И всем до тошноты знакомой, -

Чтоб я увидела верх шапки голубой

И бледного от страха управдома.

Мне все равно теперь. Клубится Енисей,

Звезда полярная сияет.

И синий блеск возлюбленных очей

Последний ужас затмевает.

А.А. Ахматова.

В тот пасмурный дождливый день, я, как обычно, находился на работе, в главном офисе, следя за поставкой нового оборудования. Иностранцы поставщики прибыли утром и без моего личного присутствия не решались обсуждать, заключенный месяцем ранее, договор.

Компания, в которой, с недавних пор, мне были делегированы полномочия директора от самого Дмитрия Анатольевич, теперь принадлежала мне и ориентировалась на закупку и перепродажу новейших технологий, разрабатываемых высококвалифицированными специалистами в зарубежных учреждениях. Цепкий ум, сообразительность и незаметная хитрость здесь играли высшую роль, ибо желающих обладать инновациями было немало. Имела место жесткая конкуренция.

Проведя переговоры, длившиеся четыре долгих часа, я прошел в свой кабинет, и устало прислонился к стене. Уже тогда, поведение Натальи, которая никак не желала перестать ходить за мной по пятам, жутко раздражало меня. Я не испытывал к ней ни любви, ни желаний. Просто привязанность, порожденная благодарностью к ее отцу.

Закрыв глаза и тяжело вздохнув, решил прогуляться по ночным улицам Питера и немного успокоиться.

Надо взять в себя руки, а то раскис, как какой-то сопляк.

Ночной Питер, НЕТ, скорее темные проулки и заброшенные улицы, переполненные ненавистью, злобой и опасностью могут даровать мне спокойствие, как бы нелепо это и звучало. Только в районах, где бродят низшие слои общества... только там, где каждый сам за себя... где всякий готов убить за кусок хлеба... где люди, превратившиеся в живых мертвецов, ходячих зомби, напрочь лишены чувств и эмоций, без угрызений совести лишают жизни более слабого и незащищенного... Там, где я вырос и познал недолгое счастье в кругу семьи...

Лишь это место принимает меня таким, каков я есть на самом деле. Без всяких масок и

глупого пафоса.

Я уже сорвался с места, готовый поддаться внутренним желаниям, как громкая мелодия мобильного заставила остановиться и чертыхнуться.

Уже, нажимая кнопку соединения, я знал, что моим сегодняшним планам не суждено будет сбыться.

Сердце сжималось от боли, а к глазам подступили слезы, впервые за последние семь лет. Я не мог спокойно стоять у изголовья кровати и наблюдать как из мужчины, заменившего мне отца и подарившего свои признание и доверие, медленно, но неотвратно, уходит жизнь.

Некогда волевое лицо, излучавшее решительность, осунулось и стало бледным. Сильные руки дрожали, а потрескавшиеся губы подрагивали.

-Не делай такое кислое лицо, Максим, — тихий шепот донесся до меня и заставил склониться. Вглядеться в потускневшие голубые глаза, разглядеть в них печаль и нежность.

Сердце вновь защемило, и я поспешил прикрыть глаза, чтобы он не увидел в них боль.

-А ты хочешь, чтобы я улыбался?

Голос дрожал, а губы подрагивали, и он не мог остановить это. Слишком велика была боль, слишком сильны были чувства.

-Я не требую от тебя этого, — холодная (слишком холодная) рука коснулась щеки, заставляя зажмуриться от нежной ласки, — просто позволь мне в последний раз лицезреть твое истинное лицо, не прикрытое приторной маской. Не надо стараться быть сильным рядом со мной.

Эти слова прожигали душу, заставляли сжимать кулаки от собственного бессилия.

Застонав от поражения, я присел на краешек и вцепился в родную ладонь обеими руками. Не могу просто отпустить. Не могу потерять.

Неужели, и ты бросишь меня? Оставишь одного в этом жестоком мире?

Все сильнее потирая его ладонь, я пытался согреть, передать крупицу своего тепла, но все было безрезультатно. Сколько бы я не пытался, казалось, что все становится только хуже.

Вконец, прекратив никчемные попытки, я прижался к ней губами и еле слышно прошептал:

-Не надо, прошу.

Хриплый кашель и ладонь выскользнула. Подняв голову, я успел заметить влагу до того, как он успел отвернуться в сторону. От осознания того, что не я один страдаю, стало не легче. Совсем наоборот, хотелось успокоить, защитить.

Но, я знал, что Дмитрий Анатольевич, даже при смерти, не проявит свою слабость... не сдастся... будет бороться до конца, который уже так близок...

-Это не в моей власти, мой мальчик, — еще один приступ кашля, после которого глаза опекуна наполнились решительностью и твердостью. Несколько томительных минут, он, не отрываясь, вглядывался в мои глаза, затем, приняв какое-то решение, спросил, — ты выполнишь мое последнее обещание, Макс?

После этого вопроса во мне всколыхнулось непонятное чувство тревоги, на которое я решил не обращать внимания.

-Если это в моих силах, я сделаю все от меня зависящее, чтобы его исполнить, — ответил я твердым голосом.

-Обещай.

Правая рука вновь потянулась ко мне, а губы поджались.

-Клянусь.

В ответ я сжал его руку и приложил ее к своему сердцу, чтобы он понял, насколько моя клятва серьезна.

В голубых глазах опекуна отразилось облегчение, и слабая улыбка осветила, изможденное болезнью, лицо.

-Я верю тебе, Максим и надеюсь, что ты никогда не нарушишь свою клятву, тем самым предав мое доверие.

На похороны известного магната, справедливого руководителя и преданного друга, пришло много людей, которые решили почтить его память и проводить в иной мир. Присутствовала даже бывшая жена, Катерина Рязанова — мать Натальи. Светлые волосы прикрывала черная шляпа, а темно-карие глаза — сетчатая вуаль.

И лишь печально опущенные уголки губ, ничем неприкрытые, выдавали в ней горечь от потери мужа. Наверное, многие решили бы, что все это притворство, ведь бывшая жена магната слыла ветреной женщиной, изменявшей мужу с кем попало.

Все считали ее плохой матерью своей дочери, которая постоянно избивала ее, из-за чего мужу пришлось ее прогнать.

И только я знал, как все обстояло на самом деле. Знал с недавних пор.

Лишь мне одному была доверена тайна семьи Королевых.

Горько усмехнувшись, я пригладил волосы и провел рукой по мягкой ткани смокинга. Лучше бы все это не знать... лучше бы он не рассказывал мне этого...

Пожав очередную руку, приняв очередные объятия, кивнув головой на повторяющиеся слова сожаления, я глянул на, стоящую рядом, Наталью. Опухшие глаза, искусанные в кровь губы, безумный взгляд. Она искренне горевала по отцу и этот образ хрупкой, невинной девушки никак не вязался с тем, который описал сам Дмитрий.

Мысли вновь вернулись к разговору, состоявшемуся неделю назад.

-Мы с Катенькой познакомились еще в институте, полюбили друг друга, а поженились лишь спустя семь лет. Случалось разное: и ссоры, и размолвки, и счастье, и радость. Но любовь не проходила никогда, скрепляя нас сильнее с каждым годом, с каждым ударом сердца. Ничто не могло разлучить нас, и в день свадьбы не было никого счастливее двоих влюбленных, — опекун прикрыл глаза и несколько раз тяжело вздохнул. Было видно, что ему нелегко делиться со мной своей историей, но и я не мог понять, зачем он это рассказывает, — лишь одно омрачало нашу совместную жизнь — отсутствие ребенка. Где только мы не были, как только не пытались лечиться, но ничего не помогало. А самое интересное было то, что мы оба были здоровы в этом отношении. Никаких проблем медицина не могла обнаружить. Наверное, тогда нам стоило задуматься. Понять, что это было, своего рода, озаменование Свыше.

Но, в то время, для нас обоих одолевало желание иметь ребенка. Мы хотели, чтобы ребенок воплотил в себя нашу любовь и совместил воедино наши души. Спустя пять лет наши молитвы, наконец, были услышаны, и Катенька забеременела.

Как же мы радовались, просто плавали в безграничном счастье.

Через девять месяцев родилась Натя и все свое время мы уделяли только ей одной. Я даже хотел пустить под откос свой, уже начавший развиваться, бизнес, но Катенька вправила

мне мозги. Сказала, что нашей дочери, нашей маленькой принцессе, надо жить в роскоши и ни в чем не нуждаться. Наверное, это и стало нашей ошибкой.

То, что мы начали просто боготворить Натю, позволяя ей все, что вздумается. Все, что только захочется. Ни в чем не отказывали ей. Исполняли все пожелания.

Девочка росла капризной и взбалмошной, требовала к себе все больше и больше внимания, но не только наше, но и всех окружающих ее людей. А пределом стало похищение, — на этих словах голос Дмитрия дрогнул, прервался. Руки сжали простынь. Я слушал, молча, не перебивая. Понимал, что опекун уже не замечает меня, а лишь вслух озвучивает свои воспоминания, будто вновь и вновь анализируя свои прошлые поступки, — мое дело в то время очень сильно прогрессировало, росло и конкуренты, зная о моей слабости, выкрали дочь. Ей было всего лишь шесть лет, когда это произошло. Девочка, которая привыкла к преклонению и полной власти, попала в руки злоумышленников, которые не преминули издеваться над ней. У них не было ни капли жалости к, хоть и избалованному, но все еще маленькому ангелочку. Девочка не понимала, почему отношение к ней так резко переменялось и, наверняка, истерила из-за чего...

Опекун резко замолчал и схватился за сердце. Его лицо исказилось от боли.

Подскочив с места, я уже готов был кинуться к двери, за которой сторожил врач, когда тихий голос заставил остановиться на месте:

-Не надо врача, Максим. Уже отпустило.

-Но...

-Садись и слушай дальше, — он выжидательно уставился на меня, и не отводил твердого взгляда, пока я, все-таки переборов себя, не уселся на свое прежнее место. Только после этого, он продолжил, — ее избили и неделю, до конца освобождения, продержали в темной холодной подвале. Именно с этого и начались ее проблемы с психикой.

-С психикой? — перебил я, когда понял к чему ведет опекун. Неужели Наталья...

-Да, Максим, Наталья сошла с ума, — горько усмехнулся Дмитрий и продолжил, тяжело сглотнув. Не обращая внимания на мое вытянутое, от удивления, лицо, — детская психика не выдержала такого потрясения. Она постоянно плакала, кричала, обвиняла всех вокруг в том, что мы ее не любим, особенно Катеньку.

-Но почему именно ее?

Не удержался я.

-В день похищения они с Катенькой возвращалась с прогулки. Жену тогда ударили по голове, отчего она потеряла сознание. А Натя считала, что мама специально отдала ее "плохим дядям", потому что ревновала к папе, — процитировал дочь Дмитрий, невесело улыбнулся и продолжил, — как бы это смешно не звучало, это я ревновал Катеньку к дочке, а тут... Друзья посоветовали мне хорошего психиатра и через несколько месяцев кошмары, мучившие дочь по ночам прекратились, так же как и крики. Но ее ненависть к матери, казалось, росла с каждым днем. Как же мучилась Катенька, как же мучился я, находясь между ними. Наша жизнь напоминала сущий ад, и я не мог ничего сделать, пока... Пока, однажды, спустя несколько лет, Натя не обвинила Катеньку в распутстве и постоянном избиении. Даже звучит смешно, но многие поверили, да и до сих пор верят, словам подростка. Тогда Катенька, моя любимая жена, решилась на отчаянный шаг. Она подала документы на развод. Сказала, что так будет лучше для всех: дочь успокоится, окружающие утихомятятся, а я смогу вдохнуть спокойно и не думать о своей репутации. Глупая моя, как всегда, не думала о себе, а переживала о близких. Сколько я не уговаривал, но все впустую...

она переехала от нас, документы на развод пришлось подписать, скрепя сердце. Я понимал, что это правильное решение, но ничего не мог поделать с сердцем, которое тосковало по своей половинке. Мы все продумали заранее и притворились, будто слухи были верными и расставание нам только помогло. Никто, даже Натая, не знал, что каждую пятницу мы встречались на нейтральной территории и целый день посвящали себе. Каждую командировку меня сопровождала моя жена. Все считали, что она уехала в Америку, и никто не подозревал, что она рядом... близко...

Я не знал, что говорить. Не понимал, как мне реагировать на это.

В голову не укладывалось то обстоятельство, что дочь разрушила жизни своих родителей. Как такое может быть? Как сами родители допустили это?

Словно услышав мой вопрос, опекун продолжил:

-Мы просто слишком сильно любим ее. Наталья была и остается долгожданным и единственным ребенком, и сколько бы горя она нам не принесла, мы не можем отвернуться от нее... не можем не поддаваться ее желаниям...

-Но разводиться из-за ее детской прихоти, разрушить собственное счастье из-за глупой ревности?

-Ты не понимаешь, Максим, — тихо произнес Дмитрий, устремив взгляд в потолок, — Наталья больна и ни один врач не смог ей помочь. Однажды мы уже пытались уговорить ее, но в результате, пришлось вызывать скорую и отвезить дочь в больницу, с попыткой суицида. Наталья наглоталась таблеток.

-О, Боже! — не удержавшись, воскликнул я, но опекун сделал вид, что не слышал и не прерывал свой рассказ.

-Жена чуть не сошла с ума вслед за ней, от беспокойства. Тогда-то, она и решилась на этот шаг с разводом. После того, как она ушла, Наталья немного успокоилась, но приходилось следить за ней, почти насильно заставляя пить таблетки, прописанные врачом. Лечения все это никакого не приносило, но пробовать же стоило. Вот так и жили: мы с женой скрывали наши отношения, тайно встречаясь, а Наталья, кажется, была счастлива, что я даже не думаю о других женщинах.

Дмитрий Анатольевич вновь согнулся в приступе кашля, но я уже не кинулся к двери за врачом, понимая, что он еще не все поведал. Наоборот, я ясно осознавал, что это только начало и какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что в дальнейшей истории будет фигурировать моя фигура.

Чувство тревоги заставляло бессильно сжимать кулаки и принуждало убежать из этой комнаты, заявляя, что остальное слушать не стоит. Но, чувство долга не давало сдвинуться с места и подавляло первое.

-Все шло своим чередом. Мне даже казалось, что Наталья поправляется, пока однажды вечером, она не заявила ко мне со странной просьбой, — опекун смерил меня долгим взглядом, а затем, тяжело вздохнув, выдал, — ей захотелось получить мальчика.

-Что? — от удивления я наклонился вперед и вцепился в простыню обеими руками.

Не может быть! Это просто моя фантазия.

И снова, будто услышав мои внутренние метания, Дмитрий Анатольевич, кивнул головой и срывающимся голосом, подтвердил:

-Да, она жаждала заполучить тебя, Макс и это желание я тоже исполнил.

На минуту прикрыть глаза. Собраться с силами. Отцепиться от простыни. Прожечь взглядом и уже спокойным голосом спросить:

-Как?

-Просто так вышло, что ты как раз искал убежища, и она попросила меня просто приютить тебя.

Мне показалось или в его глазах блеснуло чувство вины?

Мысли путались, голова шла кругом от всего сказанного. Что за бред? Что, вообще, творится?

Желание посетить старую квартиру и ночной Питер стало еще сильнее, но я поспешил подавить его.

Кто бы ни принудил Дмитрия Анатольевича к этому поступку, это не отменяет того, как хорошо он ко мне относился и как много он сделал для меня. И невозможно отбросить в сторону и то, что практически заменил мне отца.

Нежданный вопрос всплыл в голове, заставляя сердце сжаться.

Нет, Максим ты не посмеешь это спросить. Ты не имеешь права спрашивать об этом.

-Так все это время, я был для вас обузой?

Черт, не смог удержаться.

Дмитрий Анатольевич, услышав это, попытался приподняться на кровати, но повалился обратно со стоном боли. Не дав мне вскочить со своего места, он прошипел, злобно сверкая тусклыми глазами:

-Даже не смей об этом думать, — он вцепился в мою руку и крепко сжал, — за все эти годы ты стал мне родным Максим. Не только из-за того, что с тобой Наталья становится совсем другим человеком, живым, чувствующим... но и потому что ты именно такой, каким я хотел видеть своего наследника и сына. Да и моя жена, Катенька, после моих рассказов, так же полюбила тебя.

Я ничего не ответил. Просто, не знал, что сказать. Все так завертелось, так быстро перевернулось, что я не успел до конца все понять.

Мне нужно время, а этого, как видно, мне не дано. Опекун это понимает и только по этой причине решил довериться, открыться.

Но не слишком ли поздно.

-Максим, — я обратил свой взгляд на Дмитрия Анатольевича и вопросительно поднял брови. Неужели, есть еще что-то, о чем я не знаю? — обещание...

Ах, да! Я совсем забыл про это...

-Что я должен делать?

И плевать на вновь проснувшееся чувство тревоги... плевать на злость и гнев, бушующие внутри... Я обязан этому человеку своим безбедным существованием, а долги я отдаю всегда.

-Отвези меня домой, Максимка.

Голос Натальи вырвал меня из воспоминаний о том дне, и я перевел взгляд на свою жену.

Жена.

Я представлял ее совсем иной. Конечно, я не верю в любовь, преданность, безмерное счастье, хотя любовь нескольких людей так и всплывает перед глазами. Дмитрий и Катерина, мать и отец...

Но их совместная жизнь была совсем не такой, какой они хотели. Дмитрию и Катерине пришлось расстаться из-за взбалмошной дочери, а мои отец и мать так и не смогли

сохранить свои чувства до последнего.

Они просто все опустили руки и, даже если, любовь и существует, она приносит лишь одни проблемы.

Обещание, которое я должен был осуществить, было исполнено на следующий же день после того разговора. Присутствовали священник, пара свидетелей, Дмитрий Анатольевич со своим лечащим врачом и, как же без них, жених с невестой.

Наталья была на седьмом небе от счастья, а я не мог даже смотреть на нее без отвращения.

Целый день пронзала меня радостными глазами, все дела переложив на слуг и ей было все равно, что гостей будет мало, что торжественной церемонии не следует ожидать. Значение для нее имел лишь тот факт, что теперь я в ее полной власти.

Но все было совсем не так. Зная свою дочь, Дмитрий Анатольевич знал, что она никогда не отступится от своего желания и сделает все возможное, чтобы добиться. Он уже давно придумал план, который дал бы возможность все уладить и не дать Наталье навредить окружающим.

Выслушав тогда его план, я сначала хотел отказаться, но немного поразмыслив, понял, что так будет лучше для всех. Да и клятву не вернешь.

Наталья так обрадовалась своей победе, что даже не обратила внимания на странного священника и нервных свидетелей. Подписывая документ, она не потрудилась даже пробежаться глазами по печатным буквам. Все это было нам на пользу.

В обратном случае, обман был бы раскрыт, и невеста догадалась бы, что ее ведут за нос. Ведь священником был артист, незнакомого мне, театра, а свидетели... до сих пор не знаю кто они, да и желания узнать никогда не было.

Документ заранее был подготовлен и проверен юристом. Все в нем совпадало с подлинным, но все-таки некоторые корректировки были внесены опекуном. В нем значилось, что Наталья является женой Максима Чернышевского, но перестает ею быть в том случае, если муж встретит свою родственную душу и изъявит желание жениться на ней. По пунктам брачного договора, Наталья не имела права вмешиваться в их жизнь и чем-то вредить обоим. В противном случае, она лишается всего наследства, оставленного ей отцом, и оно автоматически перейдет к возлюбленной Максима.

Такие же обязанности налагались и на Максима.

В договоре было еще много таких мелких пунктиков, но этот был самым главным. Дмитрий Анатольевич хорошо просчитал все, зная характер своей дочери. Наталья никогда не допустит того, чтобы наследство было передано ее сопернице.

-Ты слышишь меня, Макс?

И снова ее голос вернул меня в реальность.

-Ты не хочешь пообщаться со своей матерью? — спросил я, снова кидая взгляд на Катерину.

Наталья удивленно уставилась на меня и, пожав плечами, безразлично проговорила:

-У меня нету матери. Отвези меня домой.

Так как гости уже разъехались, а весь забронированный зал опустел, я согласно кивнул и произнес:

-Подожди меня у машины, я подойду.

Удивительно, но Наталья молча послушалась и поторопилась скрыться. Я усмехнулся: она не так спокойна, какой хочет казаться.

Надо попрощаться с последним гостем.

Подойдя к бывшей жене Дмитрия, я присел на рядом стоящий стул, и вперил взгляд в деревянный пол под ногами.

-Ты ведь все знаешь?

Низкий мелодичный голос был переполнен грусти и потаенной боли. Я не мог заставить себя поднять голову и посмотреть на нее, ибо знал, какую боль увижу в этих прекрасных глазах, виданных мной на фотографиях. Не мог, потому что не сдержался бы и проявил свои чувства.

-Да, знаю.

-Как она?

-В порядке.

-Береги ее, пожалуйста. Она все, что у меня осталось.

Ожидание ответа.

-Клянусь.

Облегченный вздох.

Скрип стула и звук удаляющихся шагов известили меня об одиночестве, и я устало прикрыл глаза. Сколько горечи и дрожи, сколько боли и тоски, было в этом милом голосе. Она потеряла своего возлюбленного... не могла даже присутствовать в последние минуты его жизни... но все еще любит и беспокоится за дочь...

Какой сильной она должна быть, чтобы сохранить в себе любовь и не вызвать к ней ненависть.

Смог бы я так?

Нет, никогда. Но сделаю все возможное, что в моих силах, чтобы не нарушить, теперь уже две, данные мной, клятвы.

POV Розабеллы.

Максим сидел на краешке постели, откинув голову назад и устремив взгляд в потолок. Было заметно, как вся эта история тревожила его существование все прошедшие годы. Даже у меня остался какой-то неприятный осадок на душе.

Откусив кусочек пиццы, и сделав глоток крепкого кофе, которые полчаса назад доставил курьер, я отставила их на небольшую тумбочку, стоящую у кровати и решила задать, интересующий меня, вопрос:

-То есть этот договор был заключен, чтобы Наталья не могла причинять вред другим людям?

-Дело в том, что Наталья не может жить без каких-то побед, не знаю часть это ее болезни или же она по природе такая. Если бы все это время меня не было рядом, она натворила бы много бед.

Максим все еще не глядел на меня, да и голос был каким-то безразличным, что сразу же разозлило меня.

-А для чего же тогда созданы правоохранительные органы, Максим? Наталью уже давно надо отправить в психушку и...

-Не кричи, Роза. И так голова трещит немилосердно, — Максим, наконец, оторвал глаза от потолка и перевел их на меня. Несколько долгих секунд, он прожигал меня непонятым, тревожащим взглядом, затем продолжил, — именно поэтому, опекун и взял с меня обещание. Он не хотел, чтобы его дочь гремела в "психушке".

Он подчеркнул последнее слово и грустно усмехнулся.

-Максим, это ведь не отменяет того, что она твоя жена и...

Максим протянул руку и нежно провел по моей щеке:

-Я никогда не исполнял своих супружеских обязанностей, Роза. Никогда не давал ей надежд на что-то большее. Я просто сдержал свои клятвы...

-Но, договор...

-Время договора тоже пришло. Ведь самый главный пункт пришел в действие.

Это безмолвное признание, да и признание того, что он никогда не делил постель с Натальей, заставило мое сердце забиться сильнее, но я не могла так быстро отбросить прошлое и поверить ему.

Все слишком сложно. Все слишком запутано.

И этого "слишком" очень много...

-Это не отменяет того факта, что ты все это время мучил меня, Максим. И, если, ты надеешься, что я так быстро все забуду и прощу тебя, то ты жестоко ошибаешься.

Максим коснулся пальцами губ, вызывая дрожь вот всем теле, и согласно кивнул головой.

-Да, все верно, — он медленно наклонился ко мне, пронзая темным взглядом, — просто дай мне шанс...

Нежный, и в то же время, страстный поцелуй, опалил мои губы и не дал ответить. Пробудил желание и заставил кровь быстрее нестись по венам.

Не могла больше сопротивляться. Не могла оттолкнуть.

Максим стиснул меня в объятиях, крепче прижал к груди и, на миг оторвавшись от губ, прошептал:

-Люблю тебя, родная...

Это стало последней каплей. Стало пределом.

Застонав, я сама потянулась к нему... сама сделала ответный шаг...

Я дам ему шанс... позволю убедить себя в искренности своих чувств, ведь я имею право себе это позволить...

Человек, находящийся на грани смерти может позволить себе допустить ошибку.

Ведь не обязательно прощать, можно просто, закрыв на все глаза, получать удовольствие.

Я люблю тебя, слышишь?

Я люблю тебя, слышишь?

Слышишь.

Для меня ты живешь и дышишь.

Понимаешь, ты мой?

Понимаешь.

Ты всю жизнь мою занимаешь.

Ты лишь мой, самый добрый и славный,

Непонятный, немного странный.

Мой ты нежный и мой суровый

Каждый день ты прежний и новый.

Мой, то злой и порой нехороший.

Мой отчаянный и осторожный.

Мой всегда, при разлуке, при встрече.

Днем и ночью, и в тихий вечер.

Я всегда неразлучна с тобой.

Для меня всех роднее и ближе,

Ты живешь для меня, пойми же.

Для меня твои руки и губы,

Мой ты нежный и мой ты грубый,

Для меня твои беды и горе,

Твое счастье — мне радости море.

Мне не нужно другого взгляда.

Поцелуев других мне не надо.

Рук других — не твоих, не хочу я.

Просто, очень тебя люблю я.

Просто, ты — это мир огромный.

Ты — все тучи в небе бездонном.

Ты и солнце, и тихая лунность,

Ты моя беспокойная юность.

Ты все доброе, все земное,

Ты ведь тоже в мечтах со мною.

Просто, ты — это я

Ведь, правда?

И тебе, ведь, другую не надо...

Автор неизвестен.

POV Розы

Я сидела на подоконнике, обхватив руками колени и уткнувшись в них лицом.

Было прохладно, помещение продувало.

На плечи был накинут теплый плед, даривший блаженное тепло и согревавший, успевшее промерзнуть, тело.

Максим много раз предлагал мне переехать в более просторную и новую квартиру, в

центре города, но я постоянно отказывалась.

Конечно, он прибывал в недоумении и удивленно поглядывал на меня, но не могла же я поведать ему о том, что только в этой маленькой, недавно отремонтированной квартирке, я чувствую себя уютно и на своем месте.

Именно здесь я ощущаю себя частью Максима и его второй половинкой.

Как он сам любит выражаться: "Мы родственные души и ничто не может нас разлучить".

Я усмехнулась, вспомнив именно эти слова, и протерла сонные глаза. Мне нельзя засыпать. Надо дождаться Валентину и попросить у нее прощения за доставленные проблемы.

Час назад она позвонила мне и сообщила о своем увольнении. Я, конечно, обрадовалась поначалу, но, расслышав в голосе девушки грусть, мигом почувствовала вину.

Человеку нужна была эта работа, а из-за меня ей пришлось уволиться и не имеет никакого значения тот факт, что это больше принесло пользу ей, а не мне.

Я уже привыкла к выкрутасам Натальи, к ее постоянным подколам и слезкам, но другие не должны страдать. Валентина была четвертым "детективом", которого она наняла за эти полтора года.

С того дня, как Максим признался мне во всем и предъявил документы, которые, оказывается, готовил после двух месяцев общения со мной.

Адвокаты Натальи никак не соглашались с предъявляемыми ими требованиями и обвиняли Максима в подделке договора. Даже подпись Дмитрия Анатольевича и двух свидетелей не смущали явно подкупленных защитников. Было заметно, что они не желают терять такую богатую клиентку из-за "глупой прихоти бывшего оборванца", как они ему и заявили.

Максим даже весело рассказывал, как двое профессионалов угрожали ему судом за якобы нелегальный бизнес.

Он решил найти "священника", который подтвердил бы подлинность документа, но поиски не увенчались успехом. Тот скончался спустя полгода после подписания вышеупомянутого договора.

Да уж, все складывалось не в нашу пользу, но Максим всегда был упрямым и никогда не отступал от своей цели. Он таки, спустя несколько месяцев, сумел найти одного из свидетелей, которым оказался одноклассник Дмитрия Анатольевича. Тот все подтвердил и содержимое документа "пришло в действие".

Адвокатам пришлось уступить, но все шло не так гладко и не так быстро, как ожидал Максим.

Пришлось учитывать множество мельчайших пунктов и требований, указанных в документе. Все заняло не меньше года, и только он решил приступить к исполнению своего желания, как начались новые проблемы, связанные с компанией.

Кто-то в отделе сдавал всю информацию конкурентам и Максиму пришлось, на время оставив свои личные проблемы, приступить к уже другим поискам. К поискам "крота".

Все завертелось и пришло в непрестанное движение. Черная полоса не желала кончаться, будто кто-то наверху специально решил поиздеваться над ним и провести тест на "терпение".

Мне приходилось лишь удивляться тому, как много всего происходило за моей спиной, и как мало я знала человека, которому подарила свое сердце.

В тот же день Максим поведал мне, что на рояле он играть научился еще в детстве, когда соседка по площадке, бывшая преподавательница музыкальной школы, решила отточить свой талант и на соседском мальчике.

Так же он любил играть на гитаре, драться на ринге (вот откуда у него такое натренированное тело и сильные руки), был заядлым сладкоежкой и просто обожал дождь. Мне так же пришлось поделиться и своими пристрастиями, которые Максим просто поглощал, требуя все больше и больше.

Мы не замолкали ни на минуту, до хрипоты в горле, но нам и этого было мало. Хотелось окунуться в этот, ставший безоблачным, мир и раствориться друг в друге. Крепко обнять, прижаться и никогда не отпускать.

О реальности мы забыли на время, не решались упоминать, чтобы не испортить атмосферу доверия и покоя.

Конечно, я не простила его... не могла до конца поверить... боялась быть вновь обманутой и преданной.

Мне нужно было время, и Максим дал мне его. Он не настаивал на чем-то большем, не требовал от меня чего-то запредельного. Да и какое право он имел?

Правильно, никакого.

Теперь, как бы удивительно это не звучало, правила устанавливала я, и от меня же зависело, будут развиваться наши отношения или нет.

Да и один немаловажный вопрос мешал моему счастью: Кто же тогда похитил моего брата, и кому это было нужно?

Винить Максима я перестала, да и считала ли я его виноватым когда-либо или искала повода для встреч?

Максим просил не беспокоиться и возложить эту проблему на себя и, после долгого спора, я сдалась.

Слишком устала от всего, и переложить на него хоть одно это, было сущим облегчением.

На следующий день, после откровений, мы разошлись, договорившись встретиться вечером. Я отправилась домой, где мама мигом кинулась ко мне с вопросами. Ей многое не было известно, и она приняла новость о воссоединении с Максимом с радостью и веселой улыбкой.

Открытым стоял так же вопрос и об учебе. Свое решение о заочном обучении я отбросила, после уговоров возлюбленного.

Пришлось подавать заявку на академ.

Конечно, многие сокурсники и некоторые преподаватели хотели знать причины моего ухода, но, после всего того, что со мной случилось, я просто напросто перестала доверять людям. Кроме родных и близких.

Проходило время. Мы с Максимом проводили вместе не так уж и много времени. Он решал вопрос о разводе, а я старалась как можно больше времени уделять своей семье.

Самое удивительное было то, что Андрея я не видела с тех пор, как Максим похитил меня. Если честно, ощущала себя преданной и обманутой близким человеком. Обида пряталась где-то в глубине души, вырываясь наружу в те моменты, когда одиночество тяготило сердце, а грусть охватывала душу.

Как бы то ни было, Андрей стал для меня лучшим другом и человеком, который понимает меня и может поддержать в любой момент. Максиму я пока не решалась

открыться полностью. Казалось, будто мы поменялись ролями, и теперь я играю роль холодного, бесстрастного мачо с тайным прошлым.

Спустя два месяца после перемирия, Максиму пришлось покинуть Москву и поехать в Питер с Натальей, которая, к моему удивлению, вела себя тихо и спокойно.

Возможно, она не подозревала о том, что ее муж проводит все свое свободное время со мной и моей семьей, развлекая брата походами в аттракционы и гуляя с мамой по паркам. Он постоянно приносил, польщенной вниманием, женщине цветы и одаривал подарками Стаса, заставляя меня даже ревновать. Чего, естественно, я не показывала. Он и так излишне самоуверен и самовлюблен.

Я же, тайно ото всех, отговариваясь срочными делами, посещала клинику, расположенную недалеко от квартиры.

Боли не так тревожили меня в последнее время, но здоровье все же необходимо было сберечь. Известие о неизлечимой болезни тяготило и никак не желало покидать мысли, все больше и больше мешая вздохнуть свободно.

Алекс, который много раз названивал мне, прося о встрече, исчез уже после месяца.

Просто перестал звонить, беспокоить просьбами, что очень удивило меня.

Еще удивительнее было то, что я не отказывала ему во встречах, понимая, что этот мужчина знаток своего дела, но стоило наступить назначенному дню, как Алекс звонил и сообщал о срочных делах и переносил все на другой день.

И вот, он исчез, оставив меня глубоко озадаченной. Ведь Алекс точно хотел сообщить мне что-то важное по последнему разговору.

Когда встретиться в очередной раз нам помешал срочный пациент, требующий операции, он позвонил мне на сотовый, чтобы предупредить:

— Мне очень жаль, Роза, — начал он, стоило мне только поднести трубку к уху, не здороваясь, — но человеку требуется срочная операция.

Я только вздохнула и улыбнулась, слушая оправдания независимого врача, и поспешила успокоить:

— Не волнуйся, Алекс, все в порядке, — я оглядела кафе, где мы условились встретиться, и продолжила, — здесь очень уютно, а я давно не появлялась на людях. Как раз, с пользой проведу время, не заморачиваясь никакими думами о неизлечимой болезни...

— Кстати о неизлечимой болезни, — прервал мой монолог врач и каким-то взволнованным голосом заявил, — все не так, как сообщили тебе тот врач, Роза. Не знаю, на каком основании он сделал этот вывод, — по ту сторону послышался чей-то голос, зовущий хирурга, и Алекс, ответив, что подойдет через минуту, поспешил закончить, — именно на эту тему я хотел с тобой поговорить. Слишком все странно. Помнишь, ты сдавала анализы? Так вот, они дали мне совсем иной результат. Оказывается...

Что там оказывается, я так и не поняла, ибо связь прервалась, и послышались длинные гудки, оповещающие о завершении разговора.

Тогда я не обратила внимания на это обстоятельство, но исчезновение Алекса наталкивало на тревожные мысли. Я несколько раз посещала его клинику, но того и след простыл. Коллеги ничего не знали, они сами были удивлены тем, что всегда ответственный врач пропал, ничего никому не сказав.

Но, вскоре, и это перестало меня волновать. Ну, кто знает, какие возникли у мужчины проблемы. Ведь и у Алекса своя жизнь, которая требует внимания.

Другие проблемы оттеснили эти мысли. Однажды, консультируясь с лечащим врачом, я

чуть не попала на глаза Максиму. Зачем и почему он посещал больницу, я так и не отважилась спросить. Это вызвало бы подозрения и лишние вопросы.

С того момента я и забросила свое лечение, подумав, что пока боли не мучают меня, ничего страшного не случится. Просто опустила руки.

Тихая мелодия сотового заставила меня очнуться от воспоминаний, и я оторвала взгляд от созерцания ночного неба, наполненного многочисленными яркими звездами. Нажав на кнопку принятия звонка и, приложив мобильный к уху, ответила:

— Алло.

— Роза, это Валя, — произнес знакомый голос, — я звоню, чтобы предупредить о том, что не смогу прийти сегодня.

— Да? Что-то случилось?

— Нет, нет. Просто тут такое дело, — голос детектива звучал приглушенно, — встретила знакомого и...

— Хорошо, я понимаю, — ответила я спокойно и поспешила попрощаться, — тогда до...

— До понедельника, Роза. Тогда тебе точно не отвертеться.

Послышались гудки.

Отключилась.

Оторвав трубку от уха и положив его рядом с собой, я прислонилась лбом к стеклу.

Облегчение. Вот, что я ощущала сейчас. Облегчение от того, что мне не придется пересказывать чужому человеку о своей жизни. Приход Валентины и так заставил меня вспомнить о прошлом, вновь испытать нелегкие чувства.

И эти воспоминания никак не желали меня покидать, четкими картинками выстраиваясь перед глазами.

Сразу вспомнилось то, как Максим узнал о болезни, как раскрыл мой обман, сплетенный для защиты семьи. Я не скрыла бы свою болезнь, если на то не было бы причин.

Мама и так переживала о брате, который все еще мучился от непонятных страхов. Темнота, шум, скопища людей и, даже, столовые приборы пугали Стаса, заставляя биться в истерике и кричать пока не охрипнет горло.

Он у нас всегда был хрупким и стеснительным, а сейчас и вовсе ушел в себе... замкнулся в своем сознании и закрылся от всех других людей. Даже от нас с мамой.

А мама, с ее-то сердцем...

Нет, я никогда не смогла бы возложить на нее и это бремя.

Врач продолжал что-то упорно мне объяснять, постоянно жестикулируя и кивая головой. Мне оставалось лишь согласно кивать головой, хоть я и не понимала из его речи ни слова.

Немецкий язык очень грубый и жесткий, и, его, наверняка, сложно учить.

Хорошо, Максим придумал: навязал мне диктофон, который моментально передавал получаемые данные владельцу второго новейшего устройства и переводил все сказанное профессором.

Все-таки его компания сгодилась, то есть, пригодилась продукция его компании.

Стоящий передо мной мужчина в зеленом халате и такого же цвета колпаке представлял собой образец настоящего мужчины. Конечно, с моей точки зрения. Высокий, подтянутый, с жестким и решительным лицом и светлыми волосами. На глаз ему можно было дать 35–38

лет.

Высококвалифицированный психиатр. Доктор наук.

Еще и хороший мужик, знающий свое дело.

Жаль, что он не знает хотя бы английский, что говорить о русском.

— Он спрашивает, следуете ли вы его предписанию на счет брата, — хриплый, с едва заметной смешинкой, голос Максима пробрался в извилины моего подсознания, заставив вздрогнуть и широко открыть глаза.

— И что мне ему сказать?

Врач, услышав непонятную речь, недоуменно окинул меня взглядом светло-карих глаз и вновь задал какой-то вопрос. Блин, вот вляпалась.

Ну и понадобилось же Максиму уехать именно сейчас. Когда труды нескольких психологов и, специалиста в своем деле, Эриха Клейна начали приносить хорошие плоды. Стас чаще улыбался, общался с окружающими и почти перестал бояться своей тени.

Вот уже семь месяцев миновала с того дня, как Максим привез нас с мамой в Германию для обследования брата. Услышав о брате, он сразу же изъявил желание предоставить ему лучшее лечение и я, понимая, что не могу отказаться от этого, ради здоровья Стаса и спокойствия матери, согласилась.

Никакой речи ни об Америке, ни о маминой подруге, а в особенности о помощи Андрея, Максим и слышать не желал. Уперся как баран и стоял на своем.

И я благодарна ему за это. Видеть, как твои мать и брат счастливо улыбаются изо дня в день, слышать из задорный смех и веселую болтовню... это просто такое великое счастье, что его невозможно передать и словами.

Мое состояние из пессимизма постепенно переросло в оптимизм. В веру в будущее, которую я раньше глупо отбрасывала назад, не желая жить.

Пусть даже в этом будущем нет место Максиму Чернышевскому, семья скрасит все неровности и шероховатости. Они не дадут мне увянуть в собственном горе, протянуть руку и поднимут на ноги, крепкой стеной ограждая от бед и ненастий.

Что касается наших отношения с Максом, то они, как и год назад, после "перемирия" не выходят за рамки общественных приличий. Ни держания за руки, ни поцелуи... ничего того, что могло бы разрушить ареол "святой невинности" Розабеллы.

Мы ведем себя так, словно только познакомились. Он строит глазки, а я смущенно опускаю голову, пряча улыбку.

Но никто и не подозревает, что творится внутри. Не подозревает об этом буйном урагане чувств и эмоций: слабость, желание, любовь, все еще терзающая (но не так сильно, как прежде) боль, горечь от прежней разлуки, обида за предательство и недоверие, желание простить и невозможность переступить через себя...

— Роза... Роза, ты меня слышишь? — и вновь голос Максима вернул меня к реальности, заставив оторваться от глупого созерцания пола, уложенного мягкими коврами телесного цвета.

К моему удивлению врача поблизости не оказалось. Оглянувшись вокруг и нигде не обнаружив Эриха, я шепотом спросила:

— И куда он пропал?

— Пробурчал что-то типа "странной семейки" и, наверное, ушел, — было мне ответом.

Я недовольно поморщилась. Надо избавляться от жуткой привычки теряться в своем подсознании при людях.

— Надо было отдать ему наушник, как я тебе предлагал, дурочка, — продолжал Максим, явно издеваясь надо мной.

— Хорошо, хорошо. Все дураки, один ты шибко умный.

— Ага, знаю. Не раз слышал из уст женского пола.

Услышав мое бормотание в ответ, Максим рассмеялся, окутывая меня теплом и, как ни странно, огненными бабочками, закружившимися вокруг. Но спустя не больше минуты, он ставшим серьезным голосом, заставившим меня занервничать, спросил:

— Ты не хочешь мне что-то сказать?

Паника.

Она черная и тягучая... Вязкая и холодая...

Вот какой я ощущала панику в тот момент. Я просто погрязла в ней, как в трясине.

Прислонившись к стене, я на мгновение прикрыла глаза и выдохнула:

— Что?

Неужели, Андрей сообщил ему о болезни?

— Это я у тебя спрашиваю, Роза.

Что делать? Как поступить? Где спрятаться?

Я не могла вымолвить и слова в ответ, слушая его вкрадчивый и, чересчур серьезный, голос. Просто стояла, вскинув голову вверх, и уставившись немигающим взглядом, на небесного цвета, потолок.

— Почему ты это скрывала от меня?

Этот, последовавший за первым, вопрос, заданный с укором в голосе, просто сломал меня.

Разломал пополам.

Вверг в шок и разрушил плотину, дотоле сдерживающую шквал неопознанных и, опасных для жизни, эмоций.

— Откуда ты узнал?

— Андрей, да и нетрудно было догадаться по твоему нервному виду.

— Максим, — выдохнула я, полностью удостоверившись о его осведомленности, — не рассказывай маме, пожалуйста. Она этого не вынесет...

— Почему же? — его голос был переполнен удивлением, граничащим с беспокойством, — мне кажется, она обязана знать о...

— Нет, Максим, не смей, — не сдержавшись, я всхлипнула и также, не понижая голос, продолжила, — известие о том, что ее дочь неизлечимо больно добьет ее окончательно, понимаешь?

Несколько долгих минут, я сжимала ладони в кулаки и кусала губы, ожидая ответа, от которого зависело многое в моей жизни, и не понимала того, что сама в этот момент и этим ответом раскрыла саму себя.

И только, когда разъяренный голос по ту сторона диктофона прокричал: "Какого черта, Роза? Что за неизлечимая болезнь?", смысл ситуации дошел до моего затуманенного мозга.

— Ты не знал о том, что я больна?

И снова напряженная и зловещая тишина, прерывавшаяся громким стуком чего-то явно стеклянного и большого, и тихий свистящий шепот любимого голоса:

— Боже мой, нет... это невозможно...

— Я пришла, — оповестила я родных, закрывая за собой дверь на замок.

Предосторожности не помешают, хотя в Германии и не так опасно, как у нас. Да и Максим устроил нас в Мюнхене, недалеко от детской клиники.

Эту клинику посоветовал Максиму его близкий друг и помощник Виталий Морозов, которому были делегированы полномочия управляющего на момент отсутствия директора компании. Так как Максим все свое время проводил с нами, в Германии, лишь по скайпу и телефону общаясь со своими управляющими и заместителями, ему пришлось провести матричную структуру организации.

По условиям данной структуры была приглашена временная проектная группа, состоящая из лучших специалистов, которая занималась делами фирмы. Руководителем этой группы был назначен второй заместитель директора Роман Зайцев, который был самым ответственным сотрудником.

Я понимала, что это ради меня Максим идет на такие жертвы, ведь опасность предательства друзей никто не отменял. И крот еще не был найден, хотя и велись скрытые поиски при участии самого прокурора полиции.

Но попросить Максима уехать я не могла, потому что осознавала свои возможности. Если бы не он, я никогда не смогла бы помочь брату. Незнание немецкого, конечно, стояло на первом месте, но и другие требования чужой страны были не менее важны. Я так и не смогла добиться от Максима того, как он так быстро оформил все нужные документы и отправил нас всех напрямиком в известную и дорогую клинику, в которую хотели попасть многие, но пробивались лишь единицы.

Университетская детская клиника Хаунершен — это огромный, созданный по последнему слову науки и техники, комплекс детских клиник, поликлиник и научно-исследовательских медицинских центров.

Созданная в 1886 году и присоединенная к Университетской клинике Людвиг Максимилиана, она объединяла в себе две клиники: педиатрическую и клинику гинекологии.

Сотрудники были профессионалами в своем деле и работали под лозунгом:

"Дети — наше будущее, а будущее должно быть здоровым!"

Больные дети получают тут не только всестороннее лечение на самом высоком уровне, но и чуткое отношение персонала.

Я долго не могла согласиться на переезд сюда, понимая, что стоить все будет немало и, не желая зависеть от Максима. Быть должной ему.

Но аргумент последнего о том, что я эгоистка и думаю лишь о себе, а не о здоровье брата мигом решил все вопросы и развеял сомнения.

Не прошло и пяти месяцев после перемирия, как мы с моей семьей оказались в роскошном и красивом городе Мюнхене.

По словам врачей, лечение брата требовало много времени и особенного, индивидуального подхода, что займет много времени. Ведь мозг человека это не шутки. Но что было для меня время по сравнению с братом?

Да, внутри меня тоже прогрессировала болезнь, которую я безответственно забросила, но это не имело значения на данный момент времени. Главное — вылечить брата. А после посмотрим.

Мысли о болезни сразу вызвали поток страха и злости.

Страх от того, что Максим узнал о ней и злость на себя за то, что сдала себя. Оказывается, говоря о моей недосказанности, Максим имел ввиду больное сердце матери, а

Я...

Я, дура эдакая, сразу же подумала совсем другое, безосновательно обвиняя ни в чем неповинного Андрея. Он же никогда не сдал бы меня, да и исчез он в неизвестности, так же, как и Алекс. Что, в общем-то, очень странно.

Оба были слишком ответственными и честными, чтобы так поступать с близкими им людьми.

Я повесила тонкую ветровку на вешалку и прислонилась спиной к стене. Это стало уже привычкой в последнее время, но ноги не держали от охвативших противоречий.

Максим хотел прилететь сразу же, кинув все свои дела, но, зная, что у него возникли проблемы с фирмой, из-за которых он уехал, я с трудом уговорила его не приезжать. Пришлось задействовать дополнительные силы матери, которая ничего не подозревая, упрашивала парня дочери остаться в Питере. Не знаю, что она там ему сказала, но, когда, я взяла трубку, Максим был уже со всем согласен.

Я до сих пор помню его тихий дрожащий голос, полный боли и немого упрека. Никогда раньше не слышала в его шепоте такой подтекст. Злой, обвиняющий и такой грустный...

Так и не дождавшись ответа, я оторвалась от стены и прошла в просторную кухню, где мама проводила все свое свободное время. Привыкла.

Эта 2-х комнатная квартира в Мюнхене находилась в историческом районе Швабинг (Schwabing). Окна комнат выходили в тихий, зеленый двор. Рядом с домом расположены продуктовые магазины, булочные, кафе и рестораны, что очень нам помогало. Многие здесь знали английский, что очень помогало.

В 5 минутах ходьбы от дома находится станция метро Petuelring, линии метро U3. Эта ветка метро без пересадки, каждый день, довозит меня и мать, которая очень быстро освоилась, прямо до нужной остановки, где расположена клиника. Так что незнание языка нам не мешает.

В кухне находилось все, что было необходимо в современной жизни и чего нам не хватало в своей, маленькой и старенькой: — Плит, микроволновка, холодильник с морозилкой, посудомоечная машина, кофеварка, электрочайник, тостерница и многое другое, что очень обрадовало маму.

Прямоугольный стол белого цвета посередине и пластиковые стулья, черная кухонная мебель странно гармонировали между собой.

Прямо из кухни можно было пройти в гостиную, где придвинутый к левой стене, стоял белый диван, с разбросанными на нем подушками разных цветов.

В правой стороне находились две двери, ведущие в спальню и ванную.

Спальня тоже поражала сочетанием бежевого, коричневого, белого и черных раскрасок, которые подчеркивали роскошь и богатое убранство. Две большие кровати, Телевизор 25 дюймов, два шкафа и небольшой комод. Только все необходимое и нужное в повседневной жизни и семье из трех человек. Сам Максим, когда был здесь жил в отеле неподалеку и постоянно названивал (да и сейчас не перестал), проверяя все ли в порядке, и как мы тут.

Я даже не хотела думать, сколько все это стоило и во сколько обошлось Максиму.

На холодильник была приклеена записка, на которой четким и аккуратным маминым почерком было выведено:

"Я поехала к Стасику. Буду ночевать сегодня там. Не волнуйся и ложись спать. P. S. Дорогая, не забудь поесть и принять горячую ванну".

Выкинув листок, я бегом ворвалась в спальню и, взяв телефон, набрала номер клиники.

Почему мама туда поехала? Ведь я только вернулась, посетив Стаса и поговорив с врачом?

От волнения дрожали руки и перехватило горло.

Как только послышался голос матери, я кинулась в атаку:

— Почему ты ушла? Что-то случилось? Стас в порядке?

Хриплый смех матери заставил меня остановиться и недоуменно вздернуть брови:

— Все отлично, дорогая, — произнесла мама, успокаивая своим спокойным голосом мое отчаявшееся сердце, — просто в один момент я поняла, что очень соскучилась по Стасику и не смогла отказать себе в удовольствии его навестить. Ну, ты же знаешь меня.

Да уж, знаю. Как только что-то взбредет матери в голову, она, ни о чем не думая, сразу же приступит к осуществлению желаемого. Независимо от того в ее силах это или нет.

— Ух, мама. Только что я потеряла 10 лет жизни, — прошептала я в трубку, при этом облегченно вздыхая.

— Наверстаешь, дорогая, за эту свободную от меня, ночь. Отдохни, искупайся, посмотри фильм, послушай музыку... ну, что там у вас еще, у молодежи...

— Mam, молодежь живет в виртуальном мире, засев на инете и не отходя от компа, а я такого не хочу, так что горячая ванна и удобная постель то, что нужно, — намотав и отмотав обратно шнур телефона, я присела на краешек постели и улыбнулась тому счастью, что слышалось в голосе матери.

— Ну ладно, дорогая, я пойду. Стасик заждался. Извини, что заставила беспокоиться.

— Не переживай, все отлично. Спокойной ночи вам.

— И тебе, родная.

Положив телефон, я встала и прошла на кухню. Желудок буйствовал и требовал положенную ему порцию еды. Нельзя оставлять его без внимания, а то мама и Максим и так упрекают меня в излишней худобе.

Но что поделаешь, я слишком устала, чтобы есть. Да и аппетита не бывает.

Закусив двумя бутербродами и чашкой чая, я понеслась исполнять свои желания.

И снова тихая мелодия сотового вернула меня из прошлого в настоящее.

На мобильнике отражалось имя Максима, которому я отказала сегодня в свидании.

Проигнорировав звонок, я соскочила с подоконника, роняя плед на пол, и прошла в ванную комнату. Большое зеркало, висящее над умывальником, оповестило меня о том, что организм устал и требует спокойного сна.

Темные круги под глазами, сами красные и опухшие глаза, бледная кожа. Смотрелось все просто великолепно. Можно с уверенностью утверждать, что я без проблем пройду кастинг по отбору актеров на роль вампира, которые стали популярны в современной литературе.

Ухмылка, расплзшаяся по потрескавшимся губам, лишь подчеркивала этот факт. Мда, просто отлично.

Сполоснув лицо холодной водой, и не вытираясь, я вернулась в комнату и с тихим стоном улеглась на постель.

Как хорошо!

Горло продолжает так и першить после продолжительного излияния своей судьбы Валентине.

Сотовый продолжал убаюкивать меня сонатой Бетховена, которую я просто обожаю.

Надо поставить на звонок другую мелодию, не то мобильник так много трезвонит, что эта мелодия меня скоро начнет бесить.

Но в данный момент она лишь помогала мне заснуть крепким сном и Максим, будто зная об этом, продолжал все звонить и звонить...

"Ничего, пусть побеспокоится".

Эта была моя последняя мысль прежде чем, мой мозг отключился.

Утро не встретило меня лучами солнца, как это бывает в книжках, но дождь и пасмурная погода были обеспечены.

Ливень так и стучал по стеклам окон, будто намереваясь их разбить и прорваться внутрь.

Хорошо, хоть грозы, как бывает весной, нету.

Но, мне нравилось.

Это просто прекрасно просыпаться под шум дождя и запаха озона, проскочившего в помещение сквозь щели.

А когда ты еще выспалась, так вообще...

Жизнь прекрасна!

Взглянув на часы, висящие над дверью комнаты, я смущенно улыбнулась самой себе:

Два часа дня.

Никогда прежде не позволяла себе просыпаться так поздно.

Поход в ванную не занял много времени, как и атака на холодильник, который был набит множеством различных продуктов и деликатесов.

Максим очень осторожно за этим следит.

С того дня, как узнал о моей болезни, четыре месяца назад, он просто не желал отходить от меня ни на шаг, надоедая своим контролем и постоянной слежкой.

После пятидневных разборок в своей фирме, Максим прилетел в Германию первым же рейсом и заявился на пороге Мюнхенской квартиры поздно ночью.

Мама была приятно удивлена, а вот я просто стояла, окидывая жадными глазами такое любимое лицо.

Весь исхудавший, с синими кругами под глазами и нервный, от него все равно несло силой, и так же источал магнетизм.

Помню, как сердце мигом унеслось вскачь, не желая оставаться спокойным в присутствии этого человека. Оно всегда знает о его приближении, и оно бьется всегда ради него.

Максим целый вечер не отводил от меня беспокойного взгляда, попеременно общаясь с матерью и вежливо ей улыбаясь. Понимал, что она ничего не знает и нельзя показывать перед ней свое напряженное состояние.

Той ночью он в первый раз остался ночевать у нас, на диване, а утром, отправив маму вместо меня к брату, выяснил все у меня.

Так сказать из первых уст и точного источника.

Разговор состоялся в напряженной обстановке. Не прошло и несколько минут, как тихий говор Максима перерос в крики, а затем во взаимные упреки. В конечном итоге произошла ссора, которая давала нам возможность выплеснуть все скопившееся внутри, не переживая из-за того, что можно причинить боль второму.

Когда человек зол, он становится ярым эгоистом и ему без разницы, кому и как он

делает больно.

Главное, вырвать то, что накапливалось внутри много времени и образовывало электрический комок, взорвавшийся от соприкосновения плюса и минуса.

Максим хотел отвести меня к врачу, оповестив обо всем мать, а я не соглашалась. Он просил провести незамедлительное лечение, а я отказывалась. Он приказывал лечь в больницу, я сопротивлялась.

Максим кидал мне в лицо обвинения о моей эгоистичной натуре, а я угрожала уходом.

Я знала, что он хотел как лучше для меня, но не хотела принимать этот факт. Казалось, что согласившись со всеми условиями Максима, я признаю, что больна. Ведь до того момента, пока я не ходила к врачу, я не воспринимала болезнь близко к сердцу.

В то утро, после продолжительной беседы, мы с Максимом заключили своего рода устный договор:

Я отправлюсь и пройду весь осмотр врачей тогда, когда Стас будет полностью здоров, а Максим в свою очередь обязан держать язык за зубами.

Как же Максим сжимал кулаки, сколько раз скрежетал зубами, стоило мне только кашлянуть, или схватиться за голову.

Он никак не желал оставить меня в покое, требуя хотя бы принимать таблетки, некогда выписанные Алексом. Чтобы хоть в этом удовлетворить его, я принимала эти лекарства.

Понимала, что Макс пошел на это, переступив через себя, зная, что от своего я не отступлюсь.

Глупо, конечно, но я тогда не думала об этом.

Потребовалось еще два с половиной месяца до полного излечения Стаса. Только тогда нас выписали из больницы, и мы с семьей вернулись в Москву. Максим улетел в Питер, разбираться с делами фирмы, взваленными за последний месяц двум управляющим и поговорить с Натальей, которая на тот момент уже несколько раз давала о себе знать, прислав на разведку трех детективов.

Максим вмиг их распознал и разозлился. Пришлось потратить много усилий, чтобы успокоить его и не дать умчаться в Питер разбираться с агрессивно настроенной женой.

Две недели назад Максим отправил маму с братом в Италию, утверждая, что им нужен отдых и необходимо расслабиться.

На самом же деле это был предлог. Максим не хотел, чтобы мама о чем-то подозревала, когда мы начнем посещать больницы.

Ух, время выполнять свои обязанности по договору пришло, и я не должна пускать все на самотек. Хоть и тяжело, но придется.

Вот уже две недели как я, попрощавшись в аэропорту с родными, переехала в Питер и поселилась в этой квартирке, хранящей воспоминания любимого мною мужчины.

Оторвавшись от своих воспоминаний, я вернулась к открытому холодильнику. Съела котлету и выпила теплого молока. Этого хватило, чтобы окончательно проснуться и прийти в себя.

Все!

Время воспоминаний прошло, и я должна взять себя в руки.

Нельзя унывать и опускать руки, ведь все хорошо.

Прошлое осталось в прошлом. Настоящее продолжается, а о будущем пока не стоит задумываться.

Сегодня мне предстоит визит к врачу, а это требует много сил.

Вспомнив сколько раз звонил Максим этой ночью, я недовольно поморщилась. Вина все же пробралась наружу, и я ощущала дискомфорт в области сердца.

Это ведь нечестно по отношению к Максиму.

Сколько он сделал для меня, скольким пожертвовал, а я...

Я даже не могу ответить на его звонок, а что говорить о поцелуе. Как много раз Максим хотел поцеловать меня, прикоснуться и как много раз я ему отказывала...

Просто не могла перебороть себя, переступить через свои долбаные принципы.

То, что он женат не могло оказывать на меня хорошего влияния. Это факт просто обескураживал и тяготил, мешая спокойно вздохнуть.

И даже то, что они с Натальей никогда не делили постель и все это лишь показной фарш со стороны максима, не успокаивало.

Многие считают это правдой, многие знают о его жене и многие подозревают о любовнице.

Такая привилегия мне нужна.

Любовница...

Виновница краха семьи...

Разрушительница счастья...

Эти термины просто неслись вслед, когда я, по просьбе Максима посетила коллективную вечеринку. Все оборачивались, провожали различными взглядами. В одних читался интерес, в других неодобрение, в третьих презрение.

Я не дотерпела и до середины, попросив Максима отвезти домой. И он согласился, понимая всю степень моего напряжения и беспокойства.

Он все хорошо понимал и потом, целые два дня, просил прощения за необдуманный поступок.

Второй причиной того, почему я не могла довериться ему до конца, было то, что я не могла до сих пор простить...

Боялась поверить и вновь обмануться. Не могла полностью осознать его историю и быть с ним честной и открытой.

Я смотрела телевизор, в меленькой гостиной, когда в дверь неожиданно позвонили. Отставив на раскидной диван коробку попкорна, которым запаслась на недельку, я вскочила с места и кинулась в прихожую.

Два щелчка, скрип и дверь распахнута.

С одной стороны, я ожидала увидеть Максима, который еще вчера днем получил отказ на свидание и был зачислен в игнор ночью. О точно пришел бы разбираться. С другой, ко мне должна была заскочить Валентина, чтобы узнать некоторые подробности рассказа, которые я не соизволила внести в самом процессе.

Но на пороге моего скромного жилья, вопреки всем ожиданиям и чего скрывать, моему удивлению, стояла Наталья.

Не сказать, что я не ждала ее явления. Наоборот, много раз прокручивала сюжеты нашей встречи в голове и представляла, о чем мы будем говорить и как общаться. Чего только не придумывала и не воображала.

Столько фантазий, а реальность одна.

И эта реальность стоит теперь передо мной, злобно прищуриив голубые глазки и сморщив нос. Не нравится окружающая обстановка или неприятна я?

Что ж, какие бы мысли не роились в этой белесой головке, мне ничего не остается, как дружелюбно поприветствовать ее:

— Добро пожаловать в мою скромную обитель.

Отошла, пропуская и прошла вперед, молча зовя за собой внутрь уютного помещения. За нашей родной квартирой, в Москве, ухаживала соседка, на время, пока родных не было дома, за что мама пообещала ей по приезду привезти кучу всяких сувениров.

Мне это было на руку, так как в противном случае, переезжать сюда я бы отказалась.

А эта, некогда обитель семьи Чернышевских, стала мне очень дорога, и не хотелось бы ее покидать в скором времени.

Какой-какой, но вот такой встречи я не ожидала. Всегда представляла, что буду элегантно одета, покрашена и по крайней мере, хорошо подготовлена к встрече, а сейчас...

Домашняя серая футболка, доходящая до колен, блеклые от многочисленных стирок джинсы, волосы завязаны в пучок и ни капельки косметики.

Что ж поделаешь, неожиданно так неожиданно. Придется вести себя так, будто я уже давно как жду ее появления и нельзя показывать, как нервничаю от переизбытка негативной энергии, исходящей от нее.

Сама Наталья была одета в белое, шелковое платье, открывающее одно плечо и почти не скрывающее спину. Высокие каблуки, в отличие от моих домашних тапочек, позволяли ей возвышаться надо мной на несколько сантиметров и смотреть свысока. Хотя, она и без них бы это делала.

Волосы выпрямлены и переброшены в одну сторону, на то самое оголенное плечо. Косая челка немного прикрывает правый глаз, от чего выражение ее лица, кажется еще разъяреннее. Хорошо, что хоть косметики не так много, только тушь и блеск на губах.

Наталья, не стала ждать разрешения и присела на краешек дивана, при этом снова недовольно сморщив нос. С таким же недовольством на лице и презрением во взгляде стала оглядывать всю комнату, не упуская из виду ни одной детали.

Конечно, эта женщина привыкла к своим хоромам, а не к такому убожеству, которым я так гордилась.

Прокашлявшись, чтобы привлечь внимание королевской особы и немного прочистить горло, я не отводя глаз от соперницы, спросила:

— Хотите чай или кофе?

Наталья отрицательно покачала головой и с усмешкой, расползшейся по полным губам, произнесла:

— Не думаю, что мне уж больно хочется отравиться. Так что придется отказаться.

Безразлично пожав плечами, я подошла к ней и присела рядом:

— Ну что ж, мне лучше, — недоуменный взгляд заставил улыбнуться и продолжить, — лень подавать вам кофе или другой напиток. Не хочу портить посуду.

Не ожидавшая такого с моей стороны, Наталья злобно оглядела меня с головы до ног и прошипела:

— Хватит церемониться. Перейдем сразу к делу.

Я постаралась не дрогнуть под этим холодным прищуром и достойно ответить:

— А что за дело может связывать нас? С чем вы пожаловали?

— Мне некогда с тобой тут обмениваться пустыми репликами, — Наталья несколько раз глубоко вздохнула, что сильно удивило меня. О-о, мисс Холодность волнуется и нервничает? — меня ждут и другие проблемы.

Я опять не смогла удержаться и не подколоть ее:

— Неужели, вы бросили все свои дела и примчались ко мне, дабы обсудить со мной что-то важное? Бросьте, не надо было так самоотверженно поступать.

Злобное шипение было мне предупреждением, но я сделала вид, что не заметила этого.

— Послушай, как-тебя-там, я не собираюсь торчать тут весь день, думаю, и ты этого не хочешь. Так что, давай прекратим эти колкости и перейдем к основе.

Не могу, как это объяснить, или передать словами, но я боялась.

Боялась не Наталью... боялась не предстоящего разговора с ней... просто, у меня было такое ощущение, что я услышу что-то нехорошее и узнаю что-то плохое... то, что имеет очень важное значение в нашей с Максимом жизни. Если, конечно, она все еще "Наша", совместная.

Пришлось и мне глотнуть побольше воздуха и согласно кивнуть головой, побуждая ее начать, что Наталья и сделала.

— Я всегда и во всем добивалась того, чего хочу. Всегда получала то, чем желала обладать. И получив, уже никогда не отпускала. И Максим не исключение.

Ее непроницаемый взгляд, направленный на меня и эти собственнические слова, заставили прикусить губу, чтобы не дать сорваться с языка необдуманной речи. Хотелось плюнуть ей прямо в лицо и заявить, что Максим никогда не принадлежал, и не будет принадлежать ей. Он мой и я его уже никогда не отдам. Никому. Да, это ярость, это желание обладать, это ненависть к ней...

Что угодно, но эти эмоции не вырвутся наружу, пока я не захочу.

— И что же вы этим хотите сказать, Наталья?

— Я думала, что ты умнее, — ехидно усмехнулась соперница, постукивая длинными ногтями по своим коленям, — Что здесь может быть непонятного? То, что Максим мой или то, что я не собираюсь так просто терпеть тебя рядом с ним?

— Есть документ?

Наталья уставилась на меня так, будто я сошла с ума. А может, это так и есть?

Может, эта ее болезнь передается воздушно-капельным путем и прогрессирует за считанные секунды? Судя, по моим внутренним ощущениям, так и есть. Очень уж хочется кинуться на нее и придушить.

Как эта бесчувственная дрянь смеет точить когти на МОЕГО Макса?

— Какой документ? — спросили меня с недоумением и угрозой в голосе. Арктический холод тает?

Не грозит ли это наводнением?

— Документ, предъявляющий твои права на Максима Чернышевского? Его же у тебя нет, и никогда не было. Он же никогда не был твоим и не любил тебя. Только я смогла поселиться в его сердце и завоевать его душу.

После моих слов глаза женщины, напротив, загорелись адским пламенем, а ногти впились в коленные чашки, наверняка причиняя себе боль.

Я понимала, что своими шутками могу довести ее до предела, но не могла остановиться. А может, именно этого я и хотела?

Хотела, чтобы ее лед треснулся, и она смогла выпустить скопившийся за годы пар? Ведь знала, что в таком состоянии человек, не сдерживаясь, начинает откровенничать?

Взглянув на перекошенное яростью лицо соперницы, я поняла, что мой метод пришел в действие.

— Я потратила слишком много времени, добиваясь его. Привела в действие слишком много механизмов, чтобы добиться взаимности и не позволю такой шалаве, как ты его отнять.

— И что же ты сделала такого, что он должен принадлежать тебе? На какие подвиги ты пошла, чтобы заполучить его? Думаю, не на такие уж запредельные, что это даст тебе какой-то шанс.

Провокационные вопросы, на которые она не ответит, если все еще держит себя в руках. Любой человек на ее месте разгадал бы мою тактику.

Но Наталье это не удается. Ее последующая речь сбивает с правильного ритма мое сердце, а глаза расширяться в три раза.

— Что я сделала? Почему я его достойна? Хочешь узнать, так слушай: я засадила его отца в тюрьму, обвинив в продаже наркотиков, где он скоропалительно скончался. Подкупила его сестру, чтобы она очернила Максима перед матерью и в результате его выгнали из дома, что было мне на руку. Заставила жениться на себе и привязала его, притворяясь больной. Убирала любовниц с пути, которые вешались на него и хотели отнять, за что они жестоко расплачивались. И все шло хорошо, пока не появилась ты. — Она наклонилась ко мне ближе, заставляя непроизвольно отодвинуться и усмехнувшись, продолжила свое откровение. — Максим сильно изменился после посещения Москвы, и мне не составило труда выяснить причины этого, но было слишком поздно. Ты успела чем-то зацепить моего мужа, что он даже посмел заикнуться о разводе. Хочешь узнать, на какие жертвы я пошла, чтобы его у меня не отняли?

Злобный смех разнесся по комнате, как раскат грома среди ясного неба. Я постаралась сделать так, чтобы мое лицо оставалось непроницаемым и не показало всех чувств, обуреваемых душу в эту минуту. Во всем виновата Наталья. Столько горечи испытал Максим и из-за чего? Из-за прихоти этой стрелы.

Он лишился отца, матери, сестры... лишился дома...

Голова закружилась, помутилось в глазах, а полный яда голос не желал отставать, проникая во все струны моей души:

— Я подкупила за громадные деньги двух идиотов, чтобы они выкрали твоего братца, но Максим вернул его тебе. Отдалась одному недоразвитому старому врачу, другу твоего Андрея, чтобы он наплел тебе небылиц о болезни, но ты даже не поморщилась от осознания этого факта, а продолжила еще яростнее докучать ему. Продала акции конкуренту, чтобы отдалить Максима от тебя, но он упорно возвращался. Убрала с дороги этого ублюдка Алекса, который хотел сообщить тебе о правильном диагнозе, но ты все равно стояла и стоишь на своем. И эта девка, Валентина, тоже не поддавалась моим угрозам, состроив из себя святую невинность и уволившись. Но она еще получит у меня...

Я сидела, закрыв лицо обеими руками, сквозь пальцы которых просачивались неудержимые слезы. Холод сковал все тело и не давал сдвинуться с места.

Как говорилось в недавно услышанной мною песне: Теплые слезы, холодные ресницы... Да-а, взрывоопасный эффект, не дающий вымолвить и слово.

Вся грязь планеты словно вылилась на меня, окутывая мраком и темнотой. Слишком много сразу.

Мозг не может перенести столько информации, просто не способен справиться.

Перед глазами бегают черные точки, все приближаясь и увеличиваясь, сливаясь в одно темное пятно. Затягивающее меня внутрь, а эта... эта... даже слов не найти, как мне теперь ее называть, продолжает орать и кричать, ставшим визгливым голосом.

Я была права. Наводнение началось и грозит затопить меня.

— Думаешь, все это не достойно Максима? Теперь ты будешь отрицать, что я не заслуживаю его? Примешь свою смерть с достоинством?

Последние слова достигают разума, обуянного болью и горечью и я, на миг оторвав руки от лица, дрожащим голосом произнесла:

— Ты сумасшедшая. Ты больная.

Не знаю, откуда у нее в руках появились острые ножницы. Не знаю, как она сумела так приблизить ко мне, но факт остается фактом.

В эту страшную минуту, Наталья возвышалась надо мной с ними на руках.

Как все приняло такой оборот? Почему все так перевернулось в один миг? Кто был виновником всего этого?

Я, которая наивно полагала, что вырвав правду из нее, выиграю этот бой или же сама Наталья, которая, кажется, заранее спланировала весь этот спектакль.

Она давно решила на этот поступок и готовилась к нему, как же я не могла этого понять раньше?

Да и слишком острая концовка ножниц прямо заявляло о преднамеренном планировании убийства.

Как там говорят: "жизнь проносится перед глазами за одну секунду"?

Нет, со мною такого не случилось. По-крайней мере, не вся жизнь предстала картинками, а лишь те мгновения, когда я была по-настоящему счастлива.

Мама, которая с улыбкой на губах, крепко обнимая, прижимала к себе.

Стас, дарящий на прощание, перед отъездом, красивую розу, сорванную в парке.

И Максим...

Сексуальный в момент знакомства.

Нежный и ласковый в последующие дни.

Смеющийся шутке брата. Обаятельный рядом с матерью.

Холодный при вопросе о семье.

Плачущий при горьких воспоминаниях и при известии о моей болезни.

Страстный, порывистый, отдающий всего себя при занятиях любовью.

Несчастный и тоскующий.

Гордый и властный.

Любящий и заботливый.

Максим... Максим... Максим...

Его так много и в то же время так мало.

Хочется прижаться к его крепкой груди и зарыться лицом в эти мягкие, отросшие, за четыре года знакомства, волосы.

Где ты, любимый?

В эту минуту, когда острый конец неумолимо приближался ко мне, а я так и замерла от шока, я сильнее всего почувствовала тоску по любимому и... вину...

Вину за то, что не прощала столько времени. Что не подпускала к себе, держала на расстоянии.

Ведь тем, кого стоило пожалеть была совсем не я, а он сам. Максим, которого предали столько людей.

Максим, который потерял половину своей жизни из-за какой-то прихоти богатенькой девочки.

Максим, который стремился не дать в обиду любовь всей своей жизни, а именно меня.

Максим, который, молча, с непроницаемым лицом, за которым таились боль и обида, слушал мои обвинения и признания в ненависти.

Максим, который все это время терпел мои заскоки и прихоти, лишь бы не спугнуть и не потерять.

А я? Что сделала я, чтобы заслужить такого человека, как он?

Ни-че-го.

Увидев маленькую сцену, кинулась подальше от него. Закрыла свое сердце, не давая ему возможности объясниться и все рассказать. Не дала шанса все исправить, принуждая постоянно просить прощения и извиняться.

Брала все, что он предлагал, не давая ничего взамен. Кривилась, когда он признавался в любви. Морщилась при попытке вымолвить прощение.

Читала ему морали о правильной любви, а сама даже не знала что это такое.

Отец всегда говорил мне, что человек, который любит всем сердцем всегда простит и поймет. Что любящий всегда примет обратно, понимая, что каждое мгновения в их жизни на счету. Что в один момент жизнь могут разлучить, не спросив о наших желаниях.

Вот, какие мысли проносились у меня в голове, когда Наталья осознанно шла на убийство.

И в последний момент, когда наконечник был прямо перед шеей, и я уже распрощалась со своей жизнью, все прекратилось.

Вот была Наталья прямо передо мной и раз! Нету ее.

Сквозь непрерывный шум в ушах, мне удалось различить негромкий крик Натальи, чертыханье Максима и я, осознав смысл развернувшейся ситуации, повернула голову вправо.

Представшая картина никогда не сотрется из моей памяти. Я никогда уже не смогу забыть безумство в глазах Натальи и боль во взгляде Максима. И в ночных кошмарах меня

будет преследовать картина того, как острые ножницы наполовину торчали из живота любимого.

Шок, все это время обуревавший меня и не дававший сдвинуться с места, спал в один момент, и я кинулась вперед. К Максиму. К своему воздуху. К своей любви.

Опустившись на колени перед, завалившимся на спину, телу, я склонилась вперед и дрожащими руками прикоснулась к его ране. Кровь текла быстро и текла ручьями. Руки вмиг окрасились в алый цвет. Я, даже ничего не смысля в медицине, понимала, что это слишком опасно. Смертельно.

Слезы не переставали катиться из глаз, губы подрагивали, но не могли произнести ни слова.

Все замерло. Время остановилось.

И лишь, полные боли, темные глаза имели значение. Лишь они давали силу.

Нельзя медлить. Надо успеть.

Поджав губы и резко вскинув голову, я, не обращая внимания на стоящую рядом Наталью, которая покачивалась из стороны в сторону, издавая странные звуки, протянула руку к телефону. Благо тумбочка с ним стояла рядом.

Трясущиеся руки никак не хотели правильно набирать номер скорой помощи, но понимая всю серьезность ситуации, я все же смогла нажать три заветные кнопки.

Я уже не помню, что сказала им, назвала ли правильно адрес... что кричала и орала в ответ на просьбу подождать немного...

Окончив разговор и отбросив трубку в сторону, я вновь кинулась к Максиму и, положив его голову к себе на колени, начала медленными движениями поглаживать его волосы, тихо шепча:

— Не оставляй меня, Максим. Прошу тебя, не бросай меня. Я не смогу жить без тебя родненький.

Боль, которую я испытывала в ночь мнимого предательства Максима не сравнится с этой болью. Настолько мизерной она была, настолько незаметной по сравнению с этой...

Хотелось согнуться пополам и кричать, кричать, кричать... хотелось вырывать волосы с корнями и вопить... но из-за нее же я не могла пошевелиться и двинуться с места...

Касание холодной руки к щекам, вырвала меня из капкана темноты, и заставило перевести глаза от созерцания алой крови к лицу Максима. Он улыбался и эта улыбка, вызванная успокоить, лишь увеличила страдания.

Тихий, еле слышный, шепот донесся до моего затуманенного сознания и прошелся теплым ветерком:

— Не плачь, любимая. Пожалуйста. Я не могу видеть твои слезы.

— Максим... родной мой... прошу...

Теплое касание перешло на губы, а затем на шею, левое плечо и на ладонь. Рука несильно сжала мою ладонь и я, клещами вцепилась в нее, не желая отпускать. Боясь отпускать.

— Прости меня, Роза... Из-за меня...

— Не говори ничего, любимый, — я, отчаянно качая головой, приложила свободную руку к его губам и продолжила, — Прошу тебя, молчи. Это я должна просить у тебя прощения. Я должна извиняться. Это из-за меня тебе пришлось столько пережить. Это я должна была лежать здесь, а не ты.

— Роза... Не надо, — из-за моей ладони, его голос звучал глухо, но отчетливо, — я

люблю тебя, жизнь моя.

— Я тоже, Максим. Я тоже люблю тебя, слышишь???

Но Максим уже не слышал. Мои слова не донеслись до него. Мое признание прозвучало слишком поздно. Его глаза, все это время глядящие на меня с любовью и тоской, закрылись, унося любимого в бесконечное царство темноты и мрака.

На детской площадке, рядом с обветшалым домом подъезда номер 2, в котором располагалась квартира ЛБ323, прогуливалась молодая пара влюбленных. Держа друг друга за руки и, смотря прямо в глаза, эти двое не замечали ничего вокруг. Для них не существовала ничего, кроме их любви и страсти.

На удивление солнечная погода, которая пришла вслед за утренним ливнем, ослепляла их лица и придавала молодым сердцам надежду на вечное счастье.

Эта погода не предвещала ничего плохого, а дарила лишь спокойствие и умиротворение.

Красивый парень, с темно-рыжими волосами и веснушками на щеках, выбрал этот день, чтобы признаться девушке в своей любви и предложить руку и сердце.

И только его рука потянулась к заднему карману темных джинсов, как послышался душераздирающий крик, донесшийся с верхнего этажа дома напротив.

Крик скорее напоминал вой раненного зверя и заставлял мурашкам прокатываться по всему телу, вызывая дрожь и окутывая холодом.

Он проникал в душу, прокатывался по венам, поступая во все органы и пробирался к сердцу молодых людей, побуждая их кинуться в объятия друг к другу.

Молодая девушка всхлипнула от обуявшего ее страха и крепче прижалась к парню, пытаясь избавиться от этого неприятного ощущения.

Парень, заставив себя очнуться от страшного наваждения, навеянного болью, просачивающейся сквозь вопль, схватил девушку за руку и бегом увел ее подальше от этого места. Места, где будто скопилась вся боль неизвестного существа, потерявшего самое главное в этой жизни. А крик все не прекращался... И лишь, отдалившись от дома на большое расстояние, парень позволил себе оглянуться назад, чтобы увидеть машину скорой помощи, остановившейся у того самого места...

Пасмурная погода соответствовала настроению окруживших меня людей. Дождь лил и лил, не собираясь останавливаться в ближайшие часы по прогнозам синоптиков.

Хотелось поскорее смыться с этого мрачного места и спрятаться в своей маленькой каморке, подальше от других. Скрыться, чтобы выплеснуть все свои чувства, накопившиеся за последние два месяца.

Два месяца кошмара, четыре недели нависшей угрозы...

Атмосфера на кладбище не давала возможности вздохнуть спокойно, сердце не желало сбавлять бешеный ритм.

Хмурые лица, тоскливые взгляды, грустные улыбки омрачали и без того невеселое настроение еще больше.

Несколько мужчин, стоявших поодаль и о чем-то негромко переговаривающихся между собой, изредка кидали на меня презренные взгляды. Я же делала вид, что не замечаю их.

Отступив на шаг назад, я взглянула на стоящую рядом маму и спросила:

-Ты не устала? Может, тебе лучше вернуться домой, к Стасу?

Мама несколько секунд молча смотрела на меня, затем ласково провела рукой по холодным щекам.

-А как же похороны?

-Я сама со всем справлюсь. Не волнуйся за меня.

-Ты уверена, дорогая?

-Да, мама, уверена. Я же обещала.

-Хорошо, тогда я поеду, — вновь погладив меня по щеке, мама развернулась и медленной походкой направилась к выходу из кладбища.

Ее черное пальто, не застегнутое спереди, развевалось на ветру, а небольшой зонтик синего цвета был опущен вниз. Она всегда любила дождь и никогда не могла сопротивляться желанию прогуляться под ним. Как маленький ребенок.

Я тоже любила такую погоду. Обожала, так же как и мама, прогуливаться под дождем и смотреть на облачное, темное небо. Но, после всего, что произошло, во мне будто появилась фобия. Не переношу дождь и ливень.

Они вызывают много ненужных воспоминаний. Воспоминаний, которые я хотела бы запрятать глубоко в разуме и никогда не вытаскивать их наружу.

Они причиняют слишком много боли, наносят мелкие удары на сердце.

-Простите, вы — Розабелла?

Тихий голос за спиной, заставил меня вздрогнуть от неожиданности и резко обернуться.

Передо мной стояла небольшого роста женщина, лицо которой было скрыто черной вуалью. Да и все остальное на ней тоже было черного цвета. И длинное платье, и шуба, и шляпа...

Невероятно белыми и маленькими руками, не облаченными в перчатки, она сильно сжимала ручку черного зонта, которое казалось больше ее хрупкой фигуры. Удивительно, что она могла удерживать его, не давая покачиваться на сильном ветру.

-Да, это я. А вы?

-Катерина. Мать Натальи.

Мое сердце вновь ускорило свой ритм, а руки против воли задрожали так, что я еле

сумела удержать тяжелый зонт. И надо же было покупать такую громадину?

-При других обстоятельствах, я бы сказала, что очень рада с вами познакомиться, но, простите...

Пытаясь удержать свои чувства в узде, я несколько раз тяжело вздохнула и опустила взгляд на землю. Было неловко разговаривать с человеком, когда не можешь видеть ни его лица, ни глаз. Хоть бы подняла вуаль, но, наверное, она не хотела показывать свои эмоции при мне.

Было невероятно жаль ее после всего, что когда-то рассказал Максим. Она стольким пожертвовала ради счастья дочери, а сейчас...

-Не волнуйтесь, все в порядке, — голос матери Натальи был полон затаенной боли, которую она старательно пыталась скрыть, — я просто хотела попросить прощения...

Ее слова немало удивили меня. Я ожидала, что Катерина начнет кричать и биться в истерику, обвиняя меня во всех грехах, но она пришла попросить прощения.

Я должна была понять, что это удивительная женщина, судя по рассказам Максима.

-Не надо, пожалуйста. Вы не должны...

-Дайте мне досказать, прошу вас. Это очень важно для меня, — она нервно огляделась по сторонам и продолжила, — Наталья причинила вам и вашей семье много боли и принесла много горя. Я от ее имени умоляю вас о прощении.

Я на секунду прикрыла глаза, чтобы суметь собраться с мыслями и хриплым от напряжения голосом попросила:

-Давайте пройдем внутрь помещения. Там мы обо всем поговорим.

-Нет, извините, я не могу, — Катерина отрицательно покачала головой, от чего ее вуаль слегка приподнялась, приоткрывая бледные черты лица и искусанные до крови губы, — у меня самолет через час, боюсь не успеть. Я пришла сюда ради дочери, ведь эти похороны...

Ее тело слегка качнулось в сторону, и я поспешила схватить ее за локоть, не давая упасть.

-Может, все-таки пройдем внутрь. Я же вижу, что вам плохо, да и дождь моросит все сильнее и сильнее. Согреетесь и выпьете чего-нибудь.

-Нет, спасибо. Я, правда, не могу. — Катерина благодарно качнула головой и продолжила прерванную ранее речь, — Роза, я понимаю, что мои извинения не смогут вернуть вам утерянного счастья, но надеюсь, вы когда-нибудь сможете ее простить. Прошу вас, постарайтесь это сделать. Умоляю, дайте ей шанс уйти с чистой душой.

Эти слова, сказанные с такой болью в голосе, полоснули меня по сердцу, словно острым раскаленным ножом, но я не знала, что ответить. Как бы я ни хотела, моя душа не находила отклик на эту мольбу. Мольбу матери.

Мне было очень жалко эту женщину, и я хотела бы ее успокоить долгожданными словами, но у меня просто не было на это сил. Я слишком эгоистична, чтобы это сделать. Я слишком люблю Максима, чтобы решиться на этот шаг. Шаг к прощению и помилованию.

Может, когда-нибудь, но не сейчас.

Кажется, мои глаза сказали за меня мой ответ или Катерина не ждала от меня ничего большего, в любом случае, она только медленно кивнула и отвернулась, собираясь уходить...

Моя душа рвалась к невинной и любящей матери, а сердце желало обратного.

Усмирив себя и свои внутренние побуждения, я осталась стоять у могилы, лишь смотря вслед уходящей Катерины...

Было еще много дел, связанных с похоронами. И все нужно было успеть сделать одной,

чтобы потом, наконец, пойти навстречу своей судьбе. Судьбе, ожидавшей меня совсем в другом мире.

Мире счастья и веселья, радости и смеха. Туда, где меня ждал Максим.

Открыв дверь в просторную спальню, я прошла вперед и остановилась около двуспальной кровати, устланной темными простынями.

Мои глаза вмиг выхватили лицо возлюбленного, скрытое плотным одеялом до самого подбородка.

Присев на край, я осторожно наклонилась вперед и пристальнее вгляделась в любимую мордашку.

У него такое спокойное и умиротворенное лицо, когда он спит. Так и хочется потискать.

Негромко рассмеявшись этому приливу радостных чувств, я протянула руку и нежным жестом провела ею по его щеке. Недавно брился. Вот проказник! Я же попросила дождаться меня.

-Максим, родной мой, просыпайся. Я вернулась.

Он явно слышал мои слова, я это точно знаю. Притворяюга.

Хочет продлить удовольствие и понежиться в постели. Словно маленький мальчик. Наверняка, его утомил Стас, который покинул дом только час назад, с мамой. Брат, Слава Богу, уже полностью поправился и теперь его уже не мучили никакие фобии. Даже казалось, что он стал еще более шумным и веселым, чем прежде. Настоящий смерч на нашу голову.

Так и готов носиться по дому целыми днями, опрокидывая все на своем пути. Истребитель будущих.

Не дожидаясь, пока Максим откроет глаза, я наклонилась к нему еще ближе и прикоснулась своими холодными губами к его, теплым и мягким. Мой личный обогреватель. Мое солнце.

Как я и ожидала, уже в следующую секунду меня уложили на спину, а сам виновник навис надо мной.

-Вернулась, говоришь? — Максим уперся одной рукой о постель, чтобы удержаться и не грохнуться всем своим весом на меня, а второй пощекотал шею, отчего я разразилась неудержимым смехом, умоляя остановиться.

Это моя слабость. Я до ужаса боюсь щекотки, а самое мое слабое место — это шея.

Максим, не останавливая жесткую пытку, широко улыбнулся и покачал головой.

-Тебя надо хорошенько наказать. Заставила меня столько времени ждать тебя.

-Н-нет, Макс. Пожалуйста. Я же п-по делу.

-Это дело настолько важно для тебя, что ты забыла обо мне?

-Да, да, да...

После моих истеричных выкриков, максим вмиг прекратил издевательства над моей незащитной шеей и отстранился. На колени присев на широкой постели, он окинул меня серьезным и нервным взглядом темных глаз и спросил:

-Снова Андрей?

Поняв, что заставила его беспокоиться, я помолчала, обдумывая причину этого беспокойства.

Максим ревнует меня к Андрею. Я, конечно, польщена этим, но не сейчас же. Когда я хотела сообщить радостную новость.

-Нет, не Андрей, Максим. Он же уехал, помнишь?

Да, это так и было. Андрей, после продолжительного исчезновения, объявился месяц назад и предстал перед моими ошалевшими глазами. И с кем?

С миловидной шатенкой среднего роста, в лице которой выделялись огромные синие глаза и грудным ребенком. Как выяснилось потом, это его жена и сын.

Конечно, все было неожиданно, но так приятно. Я очень обрадовалась за Андрея, который был невероятно счастлив. Таким я его никогда не видела.

Оказывается, после того, как меня забрал Максим, Андрей, поняв, что ему с моей стороны ничего не светит, уехал в Швейцарию. Там жил его дед по материнской линии, который хотел видеть Андрея своим наследником и давно просил приехать, жить к себе.

В связи со сложившимися обстоятельствами Андрей решил, что это лучшее решение и предпочел уехать из России, чем лицезреть меня рядом с Максимом.

Там его ожидала Судьба в виде соседки-вдовы, которая так же, как и он, горевала по потерянной любви. Только потери эти были совсем разного рода.

Ну, они и решили забыться друг в друге и результат этого «забытья» налицо. Красивый и маленький эльф покорила не только мое сердце, но и сердца матери с братом. Да и что скрывать, Максим тоже находился под впечатлением, хоть и не показывал этого.

Тогда Андрей приехал извиниться передо мной и поблагодарить за обретенное счастье. Как он сам сказал, если бы не я, он никогда не поехал бы в Швейцарию и не встретился с Рэйной, его женой.

-Ну, кто его знает? Вдруг он решил, что не сможет забыть тебя и, разведясь с женой, вновь приехал покорять твое сердце?

Эти подозрения Максима заставили меня сначала удивленно вскинуть брови, а затем рассмеяться от души.

-Ну, ты даешь, Максик. Откуда такие мыслишки коварные, а?

Удивительно, но Максим, услышав это, болезненно сморщился и тихим шепотом выдал:

-Я никак не могу поверить в свое счастье, Роза. Не могу поверить, что ты простила меня и любишь, после всего, что я сделал.

Я так же села на колени, лицом к нему и, положив руки на его голую, покрытую темными волосами, грудь, наклонилась и прильнула к манящим губам долгим поцелуем. Поцелуем, заставившим наши сердца забиться в бешеном ритме, а кровь быстрее нестись по венам. Желание охватило все мое существо, сбивая дыхание и кружа голову, но я заставила себя оторваться от таких родных губ и, надавив правой рукой в область его сердца, прошептала:

-Не только твое сердце принадлежит мне, родной мой. Мое тоже находится в плену у тебя, и оно не подлежит возврату. Ведь Максим Чернышевский тот еще собственник. Я люблю тебя и буду повторять эти слова до последнего вздоха...

-Не пугай меня...

-Это я пугаю? Я просто говорю, все как есть. Я — то буду жить еще так долго, что успею тебе надоесть, а вот ты однажды чуть не решил покинуть меня.

-Но я же остался с тобой.

-Ага, потратив на раздумье целых две недели, в течение которых я чуть не сошла с ума, подобно Наталье и если бы ты не посмел очнуться, я, так же как и она...

Не дав договорить, Максим закрыл мне рот жарким страстным поцелуем, который распалил плеще прежнего и, уложив на кровать спиной, придавил своим мощным телом,

которое только недавно начало восстанавливать прежний вес.

Но я уже не могла так быстро забыться и поэтому, оттолкнув его от себя, я вскочила с кровати, пока он не успел очухаться от неожиданности, и направилась к выходу из спальни.

-Ты куда это забралась, дорогая? Решила смыться, оставив меня в таком положении? — Максим развалился на кровати в позу звездочки и указал, хитро сощуренными глазами на выпуклость в области паха, которая отчетливо выделялась на пижамных штанах.

Тепло разлилось по всему телу, окутывая тягучими струйками желаниями и капельками испарины на спине. Губы предательски дрогнули, а руки задрожали от желания прикоснуться к желанному телу. Но я не позволила своему телу сдаться вражескому лагерю. Максим и так не дает мне ни спать нормально, ни просыпаться по-человечески. Хотя, грех жаловаться, мне это нравится и я сама не лучше.

Как я его в прошлые выходные некоторыми инструментами шокировала...

-Тебе поможет правая рука, родной мой, — протянула я соблазнительным голосом и медленно расстегнула две верхние пуговицы серой блузки. Глаза Максима загорелись хаотичным блеском, усмешка сменилась животным оскалом, а тело наклонилось в мою сторону. Третья и четвертая пуговицы покинули свои петли, растягивая ожидания парня, а я продолжила, — а я приму душ. Одна.

Теперь побыстрее скрыться в ванной и закрыть ее на щеколду. Для подстраховки, так сказать.

Уже стоя под освежающими потоками теплой воды, я позволила слезам просочиться наружу. Не сумела больше сдержаться.

Воспоминания двухмесячной давности окутали мой мозг, блокируя возможность скрыться и затаиться. Мне необходимо выплакаться сейчас, чтобы, наконец, заглушить боль от пережитого.

Тот месяц был сущим кошмаром, который не раз посещал мой уголок в сказочном царстве Морфея. Когда Максим закрыл глаза, казалось навсегда, я думала, что не вынесу той боли, окутавшей все тело и парализовавшей его. Я не могла ничего сделать для него, лишь сидеть на полу, укачивая неподвижную темную голову на коленях.

Крики один за другим вырывались из горла, пока голос совсем не охрип и не начал издавать еле слышные звуки, подобные стонам раненой птицы.

В тот момент, когда приехала скорая, я почти потеряла надежду на возможное пробуждение Максима и уже хотела этими же ножницами полоснуть себя, но, Слава Тебе Господи, врачи прибыли вовремя и удержали от опрометчивого поступка.

Одна из мед. Сестер оповестила меня о том, что Макс еще дышит, и привела в чувство, несколько раз хлопнув по щекам. И скажу вам, не слабо так хлопнув.

После этого кошмар продолжился уже в клинике, в которую нас отвезли на той же машине. Семь часов в операционной, семь часов моих мучений окончились неожиданной комой, вызванной многочисленной потерей крови.

Но я была этому только рада. Главное, что остался жив. Главное, что еще со мной.

Не ушел. Остался.

Две недели, которые мне казались вечностью, он не приходил в себя, оставаясь бездвиженным и закрытым для меня. Я не отходила от него ни на шаг, ни разу.

Ни матери, ни врачам так и не удалось убедить меня хотя бы на ночь уходить домой.

Для меня домом в эти две недели стала больничная палата, в которой находился Максим.

И когда он открыл глаза, это стало мне лучшим подарком. Не смогла сдержать чувств и накинулась на парня с истеричными рыданиями.

Чуть не потеряв этого человека, я поняла как он мне дорог... поняла, что не смогу прожить жизнь без его присутствия. Он мне так нужен, так необходим. Я сердце вырву каждому, кто посмеет отобрать его у меня.

Не прошло и двух дней после пробуждения, а Максим попросил, точнее сказать приказал, привести к нему адвоката, прокурора и Наталью.

Только тогда я и вспомнила о виновнице всего произошедшего. Только тогда я вспомнила о самой Наталье, которая скрылась с места преступления безнаказанно. Ненависть бурлила во мне, нагреваясь все больше и больше. И только Максим мог успокоить меня. Он попросил дать ему возможность самому разобраться с ней, и я согласилась, понимая, что это даст ему возможность разорвать узы с прошлым и кинуться в настоящее.

На разговоре всех четверых я не присутствовала и не потому, что мне не позволили. Я сама отказалась от участия. Не могла находиться с Натальей так близко. Знала, что не сдержусь. Понимала, что не смогу удержаться и не кинуться на нее с чем-то таким же острым, как и те ножницы.

Максим сам после изложил мне содержимое всего разговора. Оказалось, что Наталья написала чистосердечное признание и рассказала обо всем, к чему приложила руку. Максим, хоть и слышал обо всем в тот роковой день, все равно был поражен не меньше. Особенно ему боль причинила история, связанная с семьей.

Известие о действиях опекуна он тоже перенес очень тяжело. Не подпускал никого к себе в течение трех последующих дней, переваривая полученную информацию и я, зная, как это тяжело узнать о предательстве близкого человека, дала ему возможность побыть эти дни одному и обо всем поразмыслить.

На четвертый день Максим сам пришел ко мне. В гостиницу, находившуюся недалеко от больницы. В свою квартирку я так и не смогла вернуться. Слишком много боли она в себе содержит, и не только моей.

Максим все обдумал и решил отказаться от бизнеса отца Натальи, сказав, что не сможет работать в месте, из-за которого погиб его отец. Он хотел начать все с начала и, передав все дела Катерине, занялся делами относительно Натальи. Медэкспертиза показала психические отклонения и Наталью, вместо тюрьмы, отправили в психиатрическую больницу.

Через три недели после состоявшегося суда, до нас с Максимом дошло известие о том, что Наталья покончила с собой. Все время своего пребывания в «белом» доме, Наталья, притворяясь, что принимает все предназначенные ей таблетки, тайно их собирала.

В двадцатый день, наутро, ее обнаружили мертвой на собственной постели.

Это сообщение шокировало Максима, который только-только отходил от всего происшедшего. Как бы он не отнекивался, Максим был привязан к самоуверенной девушке, которая привыкла всегда получать желаемое. И на этот раз, она, пожелав уйти в иной мир, смогла добиться своего. Видя его состояние, похороны Наталья я возложила на свои плечи, где и встретила с ее матерью...

Но и на этом наши приключения не закончились. Будто судьба стремилась вернуть все прошлое и дать Максиму возможность разобраться со всем. Спустя пять дней после гибели Натальи на пороге нашего гостиничного номера заявила сестра моего возлюбленного, шокировав нас обоих. Не знаю, откуда она узнала адрес отеля и о гибели женщины, разрушившей счастье семьи Чернышевских, но ее появление стало для него неприятным

сюрпризом.

Анжела все рассказала, плакала, стояла на коленях, умоляла о прощении...

Видя все это, я не могла сдерживаться и лила слезы вслед за ней, из-за чего Максим спровадил меня в другую комнату.

Не знаю, о чем они там говорили, но после на лицах обоих сияли умиротворенные улыбки.

Конечно, Максим не мог так быстро все простить, но он дал им шанс, что обрадовало обоих.

Его мать ничего не подозревала о Наталье и подставе, и все это время жила, гневаясь на сына. Но, по рассказам Анжелы она много раз порывалась отыскать сына, но сестра Максима, помня угрозы Натальи, останавливала мать, обманывая ее. Обманывая тем, что Максим сам не хочет с нею видеться.

Не могу понять до сих пор как Максим смог после услышанного не прибить сестру (не скрою у меня самой руки чесались) и даже дать ей второй шанс.

Я же, зная, какую боль Анжела причинила Максиму, не могу относиться к ней спокойно. Всегда раздражаюсь при ее редких визитах и звонках, предпочитая исчезать с поля зрения. От греха подальше.

Анжела хотела устроить брату встречу с матерью, но Максим попросил повременить с этим.

Отключив воду, я вышла из кабины и, накинув халат на мокрое тело, подошла к небольшому зеркалу. Что во мне изменилось?

Набрала вес? Или похудела?

Порозовели щеки? Или же побледнели?

Как же меняются беременные?

Улыбнувшись своему вопросу, я опустила руки вниз и прикоснулась к еще прямому животу. Пять недель. Слишком мало, но достаточно для меня, чтобы осознать.

Открыв дверь, я вышла из комнаты и направилась в сторону небольшой, но уютной и удобной кухни.

После того, как Максим все уладил с делами фирмы, и спустя неделю после встречи с сестрой, он собрал все мои из прежней квартиры и свои вещи, и, купив билеты в Москву, мы уехали (точнее улетели) из Питера, который преподнес нам слишком много неожиданных сюрпризов.

У Максима были свои сбережения, которые он хранил на черный день, и которых нам бы хватило на первое время. Этих денег хватило, чтобы купить приличную трехкомнатную квартиру, сделать капитальный ремонт, обустроиться на новом месте.

Мать с братом хорошо нам с этим помогали. Я просила ее переехать со Стасом к нам, но, совсем неожиданно, меня ошарашили новостью о скорой свадьбе.

Оказывается, мама встретила в Италии еще одного русского туриста, приехавшего так же отдыхать со своим племянником, с которым после и стала встречаться. Она со страхом ожидала разговора со мной, но я, против ее ожиданий, была только счастлива за мать. Только вот слишком быстро они приняли решение о свадьбе, но это уже их обоюдное дело.

Главное то, что глаза матери светятся от счастья, а губы всегда растянуты в радостной улыбке.

Николай Павлович оказался на удивление приятным человеком. Высокий, с хорошо развитым телом, светлыми волосами и зелеными глазами, он очаровывал своим внутренним

магнетизмом и врожденным обаянием.

После слез мне стало намного легче, как и ожидалось. Прошло всего пять месяцев со дня смерти Натальи, а я так счастлива.

Не передать словами. Мои недавние метания воздались мне во стократ. И если бы мне предоставили выбор, я вновь бы прошла весь путь. От начала до конца.

Ведь конец оказался таким счастливым.

Вновь улыбнувшись своему отражению, я открыла верхнюю тумбочку кухонной стенки бежевого оттенка и взяла оттуда несколько неупакованных таблеток.

Благодаря Алексу, который объявился так же после смерти Натальи, я узнала правду о своей настоящей болезни. Не рак легких порастил меня, а болезнь со странным названием «Саркоидоз Бека»^[1]. Да, это нелегкая болезнь, но излечимая.

Этим лечением мы с Максимом и занялись. Точнее занялся Максим, таская меня по всем возможным клиникам и больницам.

Как я и предполагала, Валентину связывали с Алексом далеко не отношения пациента и врача, а более глубокие, о которых расспрашивать я не стала, видя, что причиняю ей этими расспросами боль.

Вскоре, после разбирательства суда над Натальей, Валентина уехала из города в неизвестном направлении. Вслед за ней отправился и Алекс, которого Наталья запугивала именно этой девушкой.

После этого, обоих я уже не видела, но желала им обоим только всего самого лучшего. Пусть Валентина обретет такое же счастье, как и я с Максимом, как и Андрей, с Рэйной, как и мама с Николаем.

Когда таблетки были на полпути ко рту, я, вспомнив о беременности, выкинула таблетки в мусорное ведро, стоящее поблизости и кинулась в комнату к любимому.

Надо спросить у моего лечащего врача, что делать с применением таблеток и лекарств. Ведь они могут и навредить ребенку.

Максим снова спал. Вот лентяй, вот...

Эх, что поделать с этими мужиками. Им бы главное покушать, поспать и... ну вы поняли, о чем я.

На этот раз он лежал на животе, положив голову на скрещенные руки и раскинув ноги на ширину плеч.

Погладив загорелую мускулистую спину несколько раз, я наклонилась, и начала влажными поцелуями покрывать тело любимого. Дойдя до правого уха, я прикусила мочку и, услышав тихий стон, улыбнулась.

Повторив движение еще раз, я сказала на ушко три слова, которых не переставала говорить каждый Божий день со дня его ранения. Говорила, потому что чуть не потеряла возможность их донести до него.

-Я люблю тебя, Максим. И буду любить всегда.

До того, как Максим перевернулся и вовлек меня в страстный поцелуй, я услышала тихое:

-Я тоже люблю тебя больше жизни, дорогая.

Дорожите счастьем, дорожите!

Замечайте, радуйтесь, берите

Радуги, рассветы, звезды глаз —

Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово —

Радуйтесь. Не требуйте второго.

Не гоните время. Ни к чему.

Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?

Все ли в мире может повториться?

Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз...

Разве будет это тыщу раз!

Асадов Эдуард.

5 лет спустя после основных событий (смерти Натальи).

Солнечная погода соответствовала моему настроению, из-за чего я ощущала вину. Не так уж и хорошо радоваться жизни на кладбище. Рядом с умершими. Особенно, когда в могиле, наведать которую мы пришли, лежит женщина, подарившая мне это счастье. Пусть и нехотя.

Откинув длинную челку с лица, присела на корточки и уставилась повлажневшими глазами на фото, украшающее холодный камень. От чувства, будто за мной наблюдают, мне стало неприятно, и я непроизвольно поежилась.

Ты видишь меня, Наталья? Что ты чувствуешь сейчас, зная, что я безмерно счастлива? Почему именно сегодня я ощущаю твое присутствие?

Тебе интересно, как мы живем с Максом?

-Мам... мамочка...

Услышав родной детский голосок, я вздрогнула и обернулась. Как раз, чтобы протянуть руки и подхватить маленькое чудо, несшееся со скоростью, уже недоступной мне. Женщине, на восьмом месяце беременности.

-Ах ты, проказник. Все-таки сумел вырваться из хватки отца?

Прижав к себе сына, я поцеловала его в макушку и нежно улыбнулась румянцу, вспыхнувшему на его пухлых щеках. Он так любит мои ласки. Прямо как его отец.

-Папа не пошел за мной.

-Конечно, не пошел, кто же еще будет присматривать за твоей сестричкой, если ты ее нагло бросил?

Денис и Дарья.

Кто ожидал, что за все испытанные страдания, мы с Максимом получим такой дар, в виде близняшек?

Да ради них я еще много раз прошла бы через это.

-Она уже большая, мама.

-Ей же всего четыре, маленький мой.

-А мне? Мне сколько, мамочка?

-Тебе? — я сделала задумчивое лицо и хитро прищурившись, подняла руку, показывая пять растопыренных пальца польщенному малышу, — как сколько? Тебе же целых пять, не забыл?

-Неа, не забыл. А вот Даша говорит, что мне столько же, сколько и ей. Она глупая, да, мамочка?

-Ну почему же? Не говори так, родненький, о своей сестре. Просто она хочет стать чуточку взрослей.

Когда этот проказник просто кивнул, ничего не отвечая, я потрепала его черные,

торчащие во все стороны, волосы и вновь весело улыбнулась. Денис всегда отрицал тот факт, что они с сестрой одного возраста, надувая губки и заявляя, что он старше.

Вот мы и порешили с Максимом, что можем добавить ему этот лишний год, раз ему так хочется.

-Мам, а кто это?

Я подняла голову и столкнулась с не по-детски серьезным взглядом зеленых глаз. Сын так походил на меня, в то время как дочь была копией своего отца.

Меленькой ручкой Денис указывал на... фото Натальи.

Черт, я на миг забыла о том, где нахожусь и почему сюда пришла. Отстранив немного сына, я тяжело вздохнула и тихим голосом, пояснила.

-Это твоя тетя, милый мой. Она помогла мне встретиться с твоим папой и только благодаря ей я обрела счастье.

Говоря это, я не врала. Я и вправду считала Наталью той, которая помогла мне добиться всего того, чем я владею сейчас. Максимом, огромным двухэтажным особняком, прибыльным делом, а так же двумя общими с мужем чудами.

Если бы много лет назад, она не захотела обладать красивым упрямым подростком, нам с Максимом никогда не суждено было бы встретиться. Кто знает, какой жизнью бы он жил, кем бы стал, где бы жил?

Конечно, судьба коварная штука, но в нашей любви, эту роль сыграла Наталья.

Каждый год, в один и тот же день, я приходила сюда. Навещала могилу женщины, принесшей так много бед и одновременно подарившей так много радости.

Максим никогда не противостоял моим желаниям, но сам не был здесь. Я, понимая, как ему тяжело, даже не ожидала от него такого поступка. Может, когда-нибудь... тогда, когда боль отпустит окончательно. Сейчас раны еще не зажили до конца и Максиму слишком трудно. Прошло всего лишь пять лет. Мало...

Поднявшись на ноги, я наклонилась к могиле и нежным жестом провела рукой по выпуклости гладкого камня. Чувство присутствия Натальи где-то рядом не проходило, и я сделала то, что не делала ни разу за прошлые посещения.

-За эти пять лет мы прошли через много испытаний. И легких, и трудных. Мы преодолели все, держась за руки, и не отходя друг от друга дальше, чем на несколько метров. Именно эта близость помогала и направляла нас, делала сильнее, — я пододвинула к себе сына и продолжила, — это Дениска. Наш сын. Он, конечно, сильно смахивает на меня, но ты еще не видела Дашку. Вот она, настоящая копия Макса. Я знаю, ты бы полюбила ее, ведь она часть и твоего возлюбленного, кто бы ни была ее матерью. А это, — я погладила большой живот, — мы даже не знаем, кто это будет. Мальчик или девочка. Решили сделать себе сюрприз. Но, я обещаю тебе, если будет девочка, я назову ее Натальей. Я знаю, что тебе понравится. Мы очень счастливы, особенно Макс, — мне показалось или я почувствовала теплое дыхание, коснувшееся щеки? — он каждый день твердит мне о своей любви, а я делаю все возможное, чтобы стать достойной ее. Да, еще он, наконец, встретился со своей матерью. Столько слез было, ты не представляешь. Но это того стоило — теперь Максим вообще ходит, как окрыленный. Ну, вот и все, кажется. Ты, наверное, понимаешь, что я пришла попрощаться. Прощаться навсегда. В следующий раз, я уверена, придет он сам. Он простит тебя, ведь я простила.

Смахнув слезы, я не удержалась и всхлипнула, испугав Дениса, который моментально прижался ко мне.

Погладив его по голове, я улыбнулась и пояснила:

-Прости, малыш. Это просто слезы счастья, — я взяла его за руку и потянула за собой, — пошли. Нас ждут.

Не оглядываясь назад, я направилась к выходу из кладбища. Туда, где меня ждали мои самые любимые и близкие люди.

Максим и Дарья. Мои родные, я так вас всех люблю.

Как только мы вырлим из этого места, я попрошу заглянуть к маме и Стасу. Они точно соскучились. Мама столько раз звонила и просила о встрече. Настало время исполнить обещание, данное ей.

Только вот, выходя за пределы, я ощутила как легкий теплый ветерок, пронесся над нами и взъерошил распущенные волосы. Длинный сарафан плотно прижало к телу, и четко выделил огромный (по моему мнению) живот.

Услышав тихий шепот, я рассмеялась и покачала головой. Воображение точно бушует сегодня. Не то, как объяснить эти странные чувства там и этот шепот здесь? Надо скорее выбираться отсюда.

И снова, когда малыш, вырвав свою руку из моей ладони, помчался навстречу отцу, видневшемуся вдали, я услышала тихое: «Я рада за вас».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Саркоидоз (болезнь Бенье; — Бёка — Ша; умана) — системное заболевание, при котором могут поражаться многие органы и системы (в частности легкие), характеризующееся образованием в поражённых тканях гранулём (это один из диагностических признаков заболевания, который выявляется при микроскопическом исследовании, ограниченные очаги воспаления, имеющие форму плотного узелка различных размеров). Наиболее часто поражаются лимфатические узлы, лёгкие, печень, селезёнка, реже — кожа, кости, орган зрения и др. В лечении используются, в основном, глюкокортикоидные гормоны (преднизолон). Учитывая, что заболевание иногда способно самостоятельно разрешаться, в ряде случаев можно ограничиться наблюдением, не назначая лечение.